
Б-87

ПАТРИКЪ ГОРДОНЪ

и

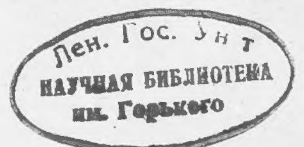
ЕГО ДНЕВНИКЪ.

сочинение

А. Брикнера.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.
1878.

(Оттиски изъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1878 года.)

ПАТРИКЪ ГОРДОНЪ И ЕГО ДНЕВНИКЪ.

Едва ли кто нибудь изъ иностранцевъ, находившихся въ Россіи въ XVII-мъ столѣтіи, имѣлъ столь важное значеніе, какъ Патрикъ Гордонъ. И продолжительностью своего пребыванія въ Россіи и участіемъ въ самыхъ важныхъ событіяхъ, и положеніемъ, занимаемымъ имъ въ государствѣ и обществѣ, онъ заслуживаетъ бо̀льшаго вниманія чѣмъ многіе другіе болѣе извѣстные современники-иностранцы, не исключая и Франца Лефора. Между источниками для исторіи этой эпохи дневникъ Гордона занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Объемомъ этотъ дневникъ превосходитъ всѣ подобнаго рода произведенія, за исключеніемъ развѣ записокъ Болотова, превосходя однако послѣднія богатствомъ содержанія.

Изложеніе біографіи Гордона можетъ поэтому содѣйствовать изслѣдованію многихъ вопросовъ исторіи Россіи отъ 1661 до 1699 г. Указаніе на содержаніе дневника Гордона составляетъ нѣкоторую часть источниковѣдѣнія русской исторіи въ данную эпоху.

И личность Гордона и его дневникъ уже скоро послѣ его кончины сдѣлались предметомъ вниманія любителей отечественной исторіи и спеціалистовъ.

Изъ бумагъ графа Остерманна, конфискованныхъ по случаю его катастрофы, видно, что ему былъ извѣстенъ дневникъ Гордона и что онъ уже въ 1724 году заботился о переводѣ его на русскій языкъ. Этотъ трудъ былъ возложенъ на Волкова, который и успѣлъ перевести часть дневника, относящуюся къ 1684 и отчасти къ 1685 годамъ. Графъ Остерманнъ, между бумагами котораго находился переводъ, сдѣланный Волковымъ, передалъ затѣмъ дневникъ какому-то переводчику Зинявичу для продолженія труда; послѣдній, однако, оказался небрежнымъ и неспособнымъ къ исполненію возложенной на него обязанности. Изъ замѣчанія въ бумагахъ Остерманна,

что послѣ этого рукопись дневника была отправлена въ Петербургъ, можно заключить, что подлинникъ находился въ то время въ Москвѣ [1]).

Немного позже дневникомъ Гордона занимался весьма тщательно извѣстный академикъ Бейеръ. Изъ его исторіи Азова, напечатанной въ издаваемомъ Г. Ф. Миллеромъ сборникѣ „Sammlung russischer Geschichten“, а именно во II-мъ томѣ, явившемся въ 1737 году, видно, что Бейеръ, говоря о походахъ Голицына въ 1687 и 1689 годахъ и объ азовскихъ походахъ Петра Великаго, воспользовался дневникомъ Гордона, выписавъ изъ него нѣсколько страницъ.

Въ 1759 году графъ Строгановъ, по предложенію академика Г. Ф. Миллера, пріобрѣлъ значительную часть рукописи дневника отъ вдовы внука Гордона, бывшаго переводчикомъ при адмиралтействѣ въ С.-Петербургѣ. Затѣмъ Миллеръ открылъ другую часть дневника въ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ. Тамъ же—въ архивѣ находится статья Миллера о Гордонѣ, писанная въ 1766 году; извлеченіе изъ этой статьи въ 1778 году было напечатано въ „Опытѣ трудовъ вольнаго россійскаго собранія при Императорскомъ Московскомъ университетѣ“. Переводъ этой замѣтки, а также статьи „О началѣ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ гвардіи“, при составленіи которой Миллеръ также пользовался дневникомъ Гордона, былъ напечатанъ въ „S.-Petersburger Journal“ 1778 года (апрѣль).

Между тѣмъ Штриттеръ занимался составленіемъ нѣмецкаго перевода дневника [2]), а къ концу XVIII-го вѣка появился цѣлый рядъ біографическихъ очерковъ о Гордонѣ и извлеченій изъ его дневника. Такъ, въ Мѣсяцесловѣ на 1782 годъ было напечатано „Описаніе жизни бывшаго россійскаго генерала Гордона“, въ Мѣсяцесловѣ на 1783 годъ „Извѣстія объ осадѣ Азова въ 1695 году“. Обѣ статьи были перепечатаны въ „Собраніи сочиненій, выбранныхъ изъ Мѣсяцеслововъ на разные годы. Часть V, 1790 г.“. Въ „Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ“ на 1788 и 1789 годы появились выдержки изъ дневника Гордона о двухъ Чигиринскихъ походахъ въ 1677 и 1678 годахъ. Въ „Россійскомъ магазинѣ“, издаваемомъ Туманскимъ, въ 1793 году (іюнь и декабрь) былъ напечатанъ переводъ той части

---

[1]) См. предисловіе Поссельта къ изданію дневника I, стр. XIX.

[2]) См. объ этомъ переводѣ предисловіе къ изданію Поссельта, томъ I, стр. XXI и XXIV, и далѣе III томъ, стр. 360.

дневника, которая относится къ 1684 и 1685 годамъ [1]). Наконецъ, въ 1800 году Голиковымъ были изданы вмѣстѣ біографіи Лефора и Гордона [2]).

Изъ замѣчаній Сахарова по случаю сообщеннаго имъ въ „Запискахъ русскихъ людей“ отрывка перевода дневника Гордона видно, что въ 1784 году списокъ дневника былъ составленъ какимъ-то Англичаниномъ Джономъ Ридлеемъ по приказанію одного вельможи [3]). О переводѣ одного изъ томовъ дневника г. Кэлеромъ (Köhler) младшимъ на русскій языкъ упомянуто въ замѣткѣ Аделунга въ его сочиненіи „Uebersicht der Reisenden in Russland“ [4]). Объ англійской книжкѣ о Гордонѣ, купленной Тургеневымъ у одного книгопродавца въ Лондонѣ, упоминаетъ Поссельтъ [5]), замѣчая при этомъ, что онъ не имѣлъ возможности пріобрѣсти эту книжку. Мы знаемъ только, что этотъ трудъ былъ извлеченъ изъ тѣхъ частей дневника, которыя относятся къ эпохѣ отъ 1684 до 1698 года.

Въ послѣднее время, какъ намъ кажется, не было обращено достаточнаго вниманія на Гордона. Такъ, напримѣръ, въ изданіяхъ Бантышъ-Каменскаго ему не посвящено статьи. Даже въ трудѣ „Дѣянія знаменитыхъ полководцевъ и министровъ при Петрѣ Великомъ (Москва, 1812)“ не упомянуто о Гордонѣ. Аделунгъ въ своемъ сочиненіи „Uebersicht der Reisenden in Russland“ (1846) говоритъ о Гордонѣ весьма кратко, а къ тому же ошибочно указываетъ на 1661—80 года, какъ на время пребыванія въ Россіи Гордона [6]). Германъ при изданіи „Geschichte des russischen Staats“, не могъ пользоваться дневникомъ Гордона, потому что первый томъ изданія этого памятника въ нѣмецкомъ переводѣ вышелъ одновременно съ четвертымъ томомъ сочиненія Германа (въ 1849 году).

Въ 1849 году явился первый томъ нѣмецкаго изданія Поссельта, въ 1851 году второй томъ, въ 1852 году третій [7]). Въ первомъ

---

[1]) См. предисловіе Поссельта I, стр. XXI.

[2]) Историческое изображеніе жизни и всѣхъ дѣлъ... Лефорта и сослужебника его, подобно же посвятившаго себя службѣ отечества, нашего знаменитаго Шотландца войскъ его величества генерала-аншефа Патрика Гордона и проч. Москва. 1800.

[3]) *Сахаровъ*, Зап. р. людей. Приложенія, стр. 97.

[4]) II, 365.

[5]) I, XXIII.

[6]) II, 364.

[7]) I, въ Москвѣ, II и III въ С.-Петербургѣ.

томѣ показаны издателями князь Оболенскій и докторъ М. Поссельтъ, во второмъ издателемъ является только послѣдній. Предисловія къ изданію и разныя замѣчанія и приложенія писаны, очевидно, исключительно Поссельтомъ. Довольно дѣльно составленный біографическій очеркъ въ первомъ томѣ, однако, не обратилъ на себя достаточно вниманія ученыхъ, такъ какъ, напримѣръ, даже у Устрялова въ первомъ томѣ „Исторіи царствованія Петра Великаго“ [1]) встрѣчаются разныя неточности, какъ, напримѣръ, замѣчаніе, будто Гордонъ находился десять лѣтъ въ польской службѣ, будто онъ въ своемъ дневникѣ „говоритъ только о самомъ себѣ“ и т. п.

Впрочемъ, Устряловъ вполнѣ умѣлъ цѣнить значеніе дневника Гордона, которымъ онъ при своемъ трудѣ о Петрѣ пользовался весьма добросовѣстно, обращаясь даже къ самому подлиннику. Характеризуя содержаніе дневника, Устряловъ пишетъ: „Сокровище неоцѣненкое, матеріалъ по преимуществу историческій, не уступающій никакому акту въ достовѣрности, исполненный множествомъ любопытнѣйшихъ подробностей! Онъ тѣмъ болѣе важенъ, что о царствованіи Петра до 1700 года сохранились скудныя извѣстія и проч“.

Вообще же при разработкѣ исторіи второй половины XVII-го вѣка дневникъ Гордона не въ достаточной мѣрѣ былъ принимаемъ въ соображеніе нашими историками. Такъ, напримѣръ, г. Соловьевъ при составленіи своей „Исторіи Россіи“ пользовался имъ какъ-то случайно. За исключеніемъ нѣкоторыхъ замѣтокъ о походахъ Голицына въ XIV-мъ томѣ своего труда, а далѣе весьма важныхъ данныхъ о событіяхъ 1689 года, заимствованныхъ изъ дневника Гордона, г. Соловьевъ даже въ такихъ случаяхъ не прибѣгалъ къ дневнику Гордона, въ которыхъ этотъ памятникъ можетъ служить важнѣйшимъ источникомъ. Сюда относятся между прочимъ Чигиринскіе походы; выписки нѣкоторыхъ случаевъ непріятностей, которыя имѣлъ Гордонъ съ русскими подъячими, въ сочиненіи г. Соловьева имѣютъ характеръ какой-то случайной ссылки.

Г. Замысловскій въ своемъ сочиненіи „Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича“, говоритъ о дневникѣ Гордона весьма кратко, замѣчая только, что это „драгоцѣнный и одинъ изъ наиболѣе важныхъ источниковъ для исторіи турецкой войны въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича“. О другихъ источникахъ въ сочиненіи г. Замысловскаго говорится гораздо подробнѣе.

---

[1]) I, LXXXVI.

Изложеніе біографіи Гордона и изслѣдованіе о значеніи дневника его въ ряду историческихъ источниковъ второй половины XVI-го вѣка, имѣетъ цѣлью обратить вниманіе нашихъ изслѣдователей на этотъ предметъ, понынѣ недостаточно оцѣненный. Обстоятельства заставляли насъ при этомъ случаѣ ограничиваться разборомъ изданія дневника Гордона, страдающаго, какъ мы увидимъ ниже, многими недостатками. При громадности размѣровъ подлинника, едва ли можно расчитывать на новое изданіе, болѣе удовлетворяющее требованіямъ науки. Печатаніе дневника цѣликомъ на англійскомъ языкѣ съ надлежащими объясненіями могло бы быть дѣломъ весьма полезнымъ, но печатаніе отъ шести до девяти большихъ томовъ было бы сопряжено съ большими расходами, между тѣмъ какъ трудность подлиннаго нарѣчія дневника и объемъ его едва ли дозволили бы многимъ историкамъ воспользоваться этимъ источникомъ надлежащимъ образомъ. Если уже гораздо легче доступное каждому трехтомное нѣмецкое изданіе сравнительно мало, можно даже сказать, лишь въ видѣ исключенія было принято въ соображеніе изслѣдователями исторіи XVII-го вѣка, еще менѣе можно расчитывать на научную разработку англійскаго подлинника дневника.

Жизнь Патрика Гордона.

Молодость.

Родъ Гордоновъ уже въ XV-мъ столѣтіи занималъ въ Шотландіи видное мѣсто. Александръ Гордонъ въ 1449 году былъ удостоенъ графскаго достоинства. Во время борьбы Карла I съ революціоннымъ парламентомъ члены этого рода были роялистами. Георгъ Гордонъ, захваченный въ плѣнъ противниками короля, былъ казненъ въ 1649 году. Когда вступилъ на престолъ Карлъ II, въ 1660 году все семейство было удостоено разныхъ наградъ и почестей. Одинъ членъ его былъ возведенъ въ герцогское достоинство. Объ этомъ „Duke of Gordon“ упоминается довольно часто въ дневникѣ Гордона; съ нимъ Патрикъ Гордонъ находился въ перепискѣ; онъ считался главою всего рода и занималъ высокія должности. Въ 1686 году онъ былъ губернаторомъ въ Эдинбургѣ [1]. Патрикъ Гордонъ, какъ мы увидимъ,

[1] О немъ не разъ упомянуто между прочимъ въ сочиненіи Маколея, напр. II (Tauchnitz edition), стр. 350 и III, 395. «the Duke of Gordon a great Roman catholik».

въ этомъ году бывшій въ Шотландіи, обращался съ нимъ съ глубокимъ почтеніемъ. Въ своихъ письмахъ къ нему, нашъ Гордонъ называетъ своего родственника „Your Grace“ [1]). Всѣ Гордоны оставались вѣрными дому Стюартовъ и поэтому многіе члены этого рода по случаю первой и по случаю второй революціи въ Англіи оставили свое отечество, переселяясь въ разныя страны. Не только политическія, но также и религіозныя причины заставляли ихъ сдѣлаться эмигрантами: они были ревностными католиками. Имя Гордоновъ встрѣчается весьма часто во второй половинѣ XVII-го вѣка въ войскахъ шведскихъ, польскихъ, русскихъ, прусскихъ, австрійскихъ и французскихъ. Далѣе мы встрѣчаемъ нѣкоторыхъ купцовъ Гордоновъ въ разныхъ городахъ, напримѣръ, въ Кенигсбергѣ, Замосцѣ, Львовѣ, Роттердамѣ, Хмѣльникѣ. Изъ сорока Гордоновъ, упоминаемыхъ въ дневникѣ, кромѣ членовъ семейства Патрика Гордона въ тѣсномъ смыслѣ, впрочемъ, нѣкоторые не были, какъ кажется, родственниками его.

Патрикъ Гордонъ родился 31-го марта 1635 года въ Шотландіи, въ имѣніи своего отца Джона Гордона, въ Эбердинскомъ графствѣ [2]). Его мать, рожденная Огильви, принадлежала также къ извѣстному въ исторіи Шотландіи роду [3]). Патрикъ Гордонъ, какъ членъ младшей линіи этого рода, не имѣлъ ни графскаго, ни герцогскаго достоинства. Какъ младшій сынъ — у него былъ старшій братъ Александръ — онъ не могъ ожидать наслѣдства отъ отца. О своемъ гербѣ онъ говоритъ подробно въ одномъ изъ писемъ отъ 1693 года [4]).

Братъ Гордона скончался въ 1665 году (I, 360). Родители умерли до 1685 года, какъ видно изъ прошенія Гордона въ этомъ году, въ

---

[1]) См. факсимиле письма Патрика Гордона къ герцогу Гордону въ приложеніи къ третьему тому дневника.

[2]) Во всѣхъ біографическихъ очеркахъ, день рожденія Гордона ошибочно показанъ 31-го мая. И Поссельтъ дѣлаетъ эту ошибку (I. XXXII), ссылаясь при этомъ на надгробную надпись. На послѣдней однако (I. LVIII) показано 31-е марта. Въ дневникѣ ежегодно 31-го марта упоминаетъ Гордонъ о своемъ рожденіи въ этотъ день.

[3]) О своихъ предкахъ рода Огильви Гордонъ собралъ разныя свѣдѣнія, см. III. 210 (1698).

[4]) Къ купцу Мевереллю въ Лондонѣ, III, 334. «drei wilde Schweinsköpfe mit einem kleinen halben Monde in der Mitte, wodurch selbige getrennt werden und oben mit einer Perlenkrone bedeckt».

которомъ сказано, что онъ „въ прошедшемъ году получилъ извѣстіе о кончинѣ своихъ родителей“ (II 85).

О своемъ дѣтствѣ Гордонъ разказываетъ въ началѣ дневника. Начиная съ 1640 года, онъ вмѣстѣ съ братомъ посѣщалъ сельскую школу. Уже въ 1651 году, значитъ, когда ему было не болѣе 16-ти лѣтъ, онъ рѣшился покинуть своихъ родныхъ и родину. Во время самаго разгара революціи онъ не могъ расчитывать на воспитаніе въ какомъ-либо университетѣ Англіи или Шотландіи: онъ былъ строгимъ приверженцемъ католицизма, между тѣмъ какъ католики подвергались гоненію со стороны республиканскаго правительства. Какъ младшій сынъ, онъ не могъ расчитывать на полученіе имѣнія отца; желаніе повидать свѣтъ, попутешествовать, а далѣе и какая-то любовная связь, расторженіе которой казалось дѣломъ необходимымъ—вотъ важнѣйшія причины удаленія Гордона изъ Шотландіи. Достойно вниманія слѣдующее обстоятельство: онъ замѣчаетъ, что въ то время, когда онъ покинулъ родину, онъ не имѣлъ нигдѣ ни родныхъ, ни знакомыхъ (I, 3). Въ слѣдующихъ десятилѣтіяхъ Гордонъ, какъ мы видимъ изъ разказовъ о его путешествіяхъ и изъ его переписки со многими лицами, имѣлъ родныхъ и знакомыхъ всюду, въ разныхъ городахъ Польши, Германіи, Нидерландовъ и проч., не говоря уже о Россіи, гдѣ онъ сдѣлался, такъ сказать, главнымъ лицомъ въ извѣстной нѣмецкой слободѣ.

Два года онъ оставался въ іезуитской коллегіи въ Браунсбергѣ. Хотя онъ и впослѣдствіи хвалилъ это училище, куда и отправилъ для обученія своего сына, онъ уже въ 1653 году, (такъ какъ ему не понравилось житье-бытье въ этомъ тихомъ и преданномъ наукѣ мѣстѣ) рѣшился бѣжать оттуда, имѣя лишь нѣсколько талеровъ денегъ, одежду ученика іезуитскаго ордена, нѣсколько бѣлья и небольшое число книгъ. Довольно подробно разказывается въ началѣ его записокъ цѣлый рядъ разныхъ приключеній во время его странствованія (III, 401—417). Онъ находился нѣкоторое время въ Кульмѣ, въ Познани, наконецъ, въ Гамбургѣ. Тутъ онъ познакомился съ нѣкоторыми шотландцами, поступившими въ шведскую военную службу. Бывши вообще склоннымъ къ военной службѣ, онъ самъ поступилъ въ шведское войско, кавалеристомъ.

Какъ извѣстно, именно въ то время началась война между Польшею и Швеціею. Гордону было двадцать лѣтъ, когда онъ началъ участвовать въ этой войнѣ. Хотя онъ и былъ рядовымъ, онъ, какъ видно изъ его записокъ, съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за поли-

тическими событіями, за дипломатическими переговорами между Швеціею и Польшею и старался составить себѣ точное понятіе о значеніи военныхъ событій. Нѣсколько разъ онъ былъ раненъ (I. 18, 24, 29). Въ декабрѣ 1655 года онъ былъ взятъ въ плѣнъ Поляками. На этотъ разъ онъ спасся бѣгствомъ; схваченный во второй разъ въ плѣнъ, онъ семнадцать недѣль содержался подъ арестомъ и, наконецъ, рѣшился поступить въ военную службу у Поляковъ [1]).

Гордонъ служилъ въ драгунскомъ полку, начальникомъ котораго былъ Константинъ Любомирскій и въ которомъ находилось много иностранцевъ разныхъ народностей. Мало по малу Гордонъ научился польскому языку; онъ разказываетъ подробно, какъ одна Полька, за нимъ ухаживавшая, старалась научить его вѣрному произношенію этого языка. Безъ сомнѣнія, такого рода упражненія были полезнымъ приготовленіемъ къ изученію впослѣдствіи русскаго языка. Далѣе онъ разказываетъ, какъ искалъ случаевъ участвовать въ разныхъ военныхъ операціяхъ съ цѣлью расширить кругъ своихъ познаній и своей опытности въ военныхъ дѣлахъ (I, 63). Весьма пространно въ дневникѣ говорится о разныхъ приключеніяхъ, объ опасностяхъ, которымъ подвергался Гордонъ, о его образѣ дѣйствій при обращеніи съ Поляками по случаю добыванія для войска надлежащихъ припасовъ. При этомъ онъ не забывалъ и своего кармана.

Еще въ продолженіе того же 1656 года, Гордонъ былъ взятъ въ плѣнъ бранденбургскими войсками, союзниками Шведовъ. Его уговорили вновь поступить въ шведскую службу. — Въ настоящее время столь частая перемѣна службы оказалась бы, разумѣется, невозможнымъ дѣломъ и считалась бы измѣною. Въ то же время, когда наемныя войска играли столь важную роль, на это смотрѣли иначе не только искатели приключеній, но и сами правительства. Потому такой образъ дѣйствій не заслуживаетъ упрека. Гордонъ своею нравственностью стоялъ даже выше многихъ современниковъ и сослуживцевъ.

---

[1]) Въ разныхъ біографическихъ очеркахъ, между прочимъ у *Бергманна* «Peter der Grosse als Mensch und Regent» VI, стр. 176, разказывается слѣдующее: въ началѣ 1656 года Гордонъ былъ взятъ въ плѣнъ Поляками и за разграбленіе какой-то церкви приговоренъ къ смертной казни. Его спасло католическое исповѣданіе и ручательство за него какого-то францисканскаго монаха. Послѣ этого онъ рѣшился поступить въ польскую службу. Изданіе дневника (I. 38) именно въ этомъ мѣстѣ весьма сокращено, но едва ли издатель выпустилъ бы столь важное обстоятельство, не упомянутое въ изданіи.

Разказъ Гордона о разныхъ военныхъ событіяхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, весьма подробенъ. Онъ отличался нѣкоторымъ образованіемъ, о которомъ между прочимъ свидѣтельствуетъ вниманіе, съ которымъ онъ слѣдилъ за современными политическими событіями; особенною храбростью и неустрашимостью снискалъ уваженіе своихъ товарищей, честностью и распорядительностью всюду — и въ Польшѣ, и въ шведскомъ войскѣ и затѣмъ въ Россіи — обращалъ на себя вниманіе своихъ начальниковъ.

Какъ кажется, онъ успѣлъ уже въ это время пріобрѣсти нѣкоторое матеріальное благосостояніе. Онъ содержалъ прислугу, имѣлъ нѣсколько лошадей; иногда представлялся удобный случай путемъ контрибуцій добывать и денегъ и разные другіе предметы. Впрочемъ, онъ весьма часто подвергался разнымъ непріятнымъ случайностямъ. Два, три раза онъ лишался своихъ пожитковъ по случаю пожаровъ, былъ ограбленъ крестьянами и вообще весьма часто находился въ опасности (I, 136—147).

Любопытно то обстоятельство, что Гордонъ на нѣкоторое время вышелъ въ отставку, находя для себя болѣе выгоднымъ жить частнымъ человѣкомъ. Онъ не считалъ грѣхомъ и тогда предпринимать вмѣстѣ съ нѣкоторыми земляками разные наѣзды съ цѣлью грабежа. Онъ даже хвалился, что онъ и его товарищи въ качествѣ такихъ мародёровъ пріобрѣли громкую извѣстность во всемъ краѣ (I. 153). Затѣмъ онъ опять поступилъ къ Шведамъ въ регулярную службу, однако сдѣлалъ это неохотно, такъ какъ, по его замѣчанію, полюбилъ разгульную жизнь, представлявшую ему значительныя выгоды (I, 155).

Въ ноябрѣ 1658 года онъ опять былъ взятъ въ плѣнъ. Не смотря на всѣ усилія Шведовъ освободить его, Поляки не желали лишиться Гордона, надѣясь склонить его къ поступленію во второй разъ въ польскую службу (I. 163—169). Какъ видно, Гордонъ умѣлъ составить себѣ хорошую репутацію храбраго воина, опытнаго офицера. На него иногда въ шведскомъ войскѣ возлагали разныя денежныя порученія. Онъ сдѣлался полковымъ квартирмейстеромъ, получилъ 100 талеровъ на подъёмъ, познакомился лично съ кронмаршаломъ Любомирскимъ, который, между прочимъ, при взятіи города Грауденца пользовался совѣтами Гордона и оказывалъ ему покровительство.

Скоро Гордону пришлось встрѣтиться съ Русскими, воевавшими тогда съ Польшею изъ-за Малороссіи. Онъ участвовалъ въ битвахъ на Волыни у Любара и при Чудновѣ осенью 1660 года и былъ

свидѣтелемъ страшнаго пораженія Шереметева. Еще въ 1690 году онъ въ письмѣ къ сыну Джемсу вспоминалъ объ этой Чудновской битвѣ (III, 256). Въ октябрѣ 1660 года онъ былъ раненъ двумя мушкетными пулями (I, 242). Ему пришлось имѣть надзоръ надъ двумя тысячами плѣнныхъ казаковъ (I, 250 и слѣд.).

Въ томъ же 1660 году на англійскій престолъ вступилъ Карлъ II. Эта важная перемѣна заставила Гордона желать возвращенія на родину. Онъ обратился къ Любомирскому съ просьбою объ отставкѣ (I, 260), но Любомирскій уговорилъ его остаться еще хотя бы нѣкоторое время и возвелъ его въ капитаны. Къ тому же и отецъ Гордона писалъ ему, что въ Англіи едва ли представится случай къ дальнѣйшей карьерѣ. Однако, Гордонъ все-таки не желалъ оставаться въ Польшѣ. Въ это время ему съ двухъ сторонъ были сдѣланы предложенія: и со стороны Австріи и со стороны Россіи [1]).

Тогда въ Польшѣ находился для веденія переговоровъ о размѣнѣ военноплѣнныхъ русскій дипломатическій агентъ Леонтьевъ, съ которымъ Гордонъ познакомился по случаю выкупа изъ плѣна двухъ знатныхъ русскихъ офицеровъ. Послѣдніе, весьма довольные обращеніемъ съ ними Гордона, просили своихъ начальниковъ пригласить его ко вступленію въ русскую службу (I, 275). Леонтьевъ предлагалъ ему пріѣхать въ Россію лишь на три года: одинъ годъ онъ долженъ былъ служить маіоромъ, два года подполковникомъ. Гордонъ медлилъ рѣшительнымъ отвѣтомъ. Между тѣмъ, къ нему обратился и австрійскій посланникъ баронъ д'Изола съ предложеніемъ взять на себя устройство кавалерійскаго полка. Гордону было тогда 26 лѣтъ: онъ рѣшился принять предложеніе и почетное и выгодное въ матеріальномъ отношеніи. Сговорившись уже съ нѣкоторыми другими Шотландцами о путешествіи въ Австрію, онъ получилъ отъ Любомирскаго грамоту объ отставкѣ съ похвальнымъ отзывомъ, однако нѣсколько дней спустя австрійскій посланникъ изъ Вѣны получилъ противоположныя порученія: наборъ войскъ былъ пріостановленъ. Гордонъ, обманутый въ своихъ надеждахъ, жаловался по-

---

[1]) Г. Ф. Мюллеръ въ статьѣ, помѣщенной въ «Petersburger Journal», апрѣль 1778 года, стр. 258, разказываетъ, будто Гордонъ получилъ отставку въ Польшѣ по случаю мира, заключеннаго въ Оливѣ (3 мая 1660 года), и что это обстоятельство принудило его поступить въ русскую службу. Значитъ, ему была неизвѣстна та часть дневника, въ которой разказано о военныхъ событіяхъ осени 1660 года.

сланнику, выставляя на видъ, что онъ теперь лишился выгоднаго мѣста въ Польшѣ. Баронъ д'Изола предлагалъ ему удовлетвореніе суммою 1000 талеровъ, сверхъ того обѣщался доставить ему мѣсто въ Вѣнѣ и Гордонъ уже готовился было къ отъѣзду въ Австрію. Однако съ одной стороны друзья и знакомые старались убѣдить его въ невыгодности такой поѣздки, а съ другой Леонтьевъ и находившійся въ русской службѣ полковникъ Крофурдъ (Crawfuird) уговаривали его переѣхать въ Москву. Гордонъ рѣшился. Оставалось только отдѣлаться отъ Австрійцевъ. Онъ исполнилъ это довольно іезуитскимъ способомъ, выдумавъ сложную исторію о постигшей его болѣзни, о которой онъ сообщилъ подробно въ двухъ письмахъ. Самъ же онъ готовился къ отъѣзду въ Россію [1]).

ПРІѢЗДЪ ВЪ РОССІЮ.

Начало образованія такъ называемаго иноземнаго строя относится къ царствованію Ѳеодора Іоанновича. При Борисѣ Годуновѣ иноземная дружина, въ 2,500 человѣкъ, состояла наиболѣе изъ Поляковъ и Ливонцевъ, но также изъ Шотландцевъ, Датчанъ, Шведовъ, Цесарцевъ, Французовъ и Грековъ. Извѣстно, какую роль при Борисѣ и при Димитріѣ игралъ Маржере. Во время Шуйскаго и народнаго ополченія Русскіе предпочли не расчитывать на помощь наемныхъ людей. За то при царѣ Михаилѣ, а еще болѣе при царѣ Алексѣѣ, возобновилось приглашеніе иностранцевъ въ русскую службу. При царѣ Михаилѣ два полковника, Лесли и фанъ-Дамъ, были отправлены за границу для набора нѣсколькихъ тысячь *охочихъ нѣмцевъ*. Число иностранцевъ, пріѣхавшихъ въ Россію при Алексѣѣ Михайловичѣ росло по мѣрѣ того, какъ съ одной стороны Россія во время войнъ съ Польшею нуждалась въ опытныхъ офицерахъ, и какъ съ другой стороны на Западѣ послѣ тридцатилѣтней войны многіе

[1]) О поступленіи Гордона въ русскую службу существуютъ даже въ современныхъ источникахъ неточныя показанія. Такъ, напримѣръ, въ сочиненіи Корба «Diarium itineris» стр. 216 сказано, что Гордонъ былъ взятъ въ плѣнъ Русскими и вслѣдствіе этого былъ принужденъ оставаться въ Россіи. То же самое разказываетъ Веберъ «Verändertes Russland» III, 143, при чемъ Гордонъ сравнивается съ Іосифомъ въ Египтѣ.—Можно удивляться тому, что даже и Александръ Гордонъ, зять Патрика Гордона, упоминая въ своей исторіи Петра Великаго, стр. 145, о поступленіи Гордона въ русскую службу, сообщаетъ разныя небылицы, напримѣръ, будто Гордонъ пріѣхалъ въ Россію вмѣстѣ съ Бокговеномъ, на дочери котораго Гордонъ впослѣдствіи женился, и т. п.

люди остались безъ дѣла и были готовы наниматься въ чужія государства.

Главною цѣлью при вызовѣ иностранныхъ офицеровъ было обученіе войскъ иноземному строю, въ составѣ 9-ти корпусовъ, опредѣленныхъ росписаніемъ царя Ѳеодора Алексѣевича; въ послѣдній годъ его жизни находилось уже 63 полка иноземнаго строя, въ томъ числѣ 25 полковъ конныхъ рейтарскихъ и копейныхъ и 38 пѣшихъ солдатскихъ; наборъ иностранцевъ продолжался при Софіи для походовъ въ Крымъ, при Петрѣ для Азовскихъ походовъ [1]). Корбъ прямо говоритъ, что полки, по большей части, ввѣряются полковникамъ изъ Нѣмцевъ и что Русскіе, не имѣя свѣдѣній въ артиллерійской наукѣ, вынуждены содержать иностранцевъ, пріѣзжающихъ изъ разныхъ земель [2]).

Между этими пріѣзжими иностранцами, посвящавшими себя военному дѣлу, было особенно много Шотландцевъ. Обѣ революціи въ Великобританіи въ XVII столѣтіи заставили многихъ роялистовъ и католиковъ покинуть свое отечество. Они цѣлыми толпами пріѣзжали въ Московское государство и въ Польшу. Въ дневникѣ Гордона упоминается о множествѣ такихъ случаевъ. Такъ напр. въ 1657 году въ Прейсишъ-Голландѣ (близъ Кенигсберга) онъ встрѣтилъ 43 Шотландца, готовившихся къ отъѣзду въ Ригу, съ намѣреніемъ поступить въ шведскую службу (I, 127). Нѣсколько разъ Гордонъ упоминаетъ о многихъ шотландскихъ сослуживцахъ въ польскомъ (I, 133), австрійскомъ и шведскомъ войскахъ (I, 134, 165, 183, 260). У Шведовъ былъ особый отрядъ, состоявшій исключительно изъ Шотландцевъ и называвшійся Дугласскимъ. На пути въ Россію, Гордонъ встрѣтился съ разными соотечественниками, въ обществѣ которыхъ онъ совершилъ свое путешествіе въ Москву (I, 285). Нѣкоторые изъ этихъ офицеровъ были женаты и ѣхали съ своими семействами. Въ Россіи уже находилось много Шотландцевъ, напр. Крофурдъ [3]), Даліель, Друммондъ, Бокговенъ, Уйнрамъ и проч. Въ разныхъ городахъ, между прочимъ въ Краковѣ, Псковѣ (I, 202, 287,375) Гордонъ встрѣчался

---

[1]) *Устряловъ*, I. с. 183—184.

[2]) *Korb*, Diarium p. 182 и 185.

[3]) У Устрялова. I. 181, не вѣрно показано, что Крофурдъ въ 1661 году съ 30 офицерами, въ числѣ которыхъ былъ и Гордонъ, пріѣхалъ въ Россію. Изъ дневника Гордона, I. 241, видно, что Крофурдъ уже въ 1660 году, находившись въ русской службѣ, былъ раненъ въ Польшѣ.

съ Шотландцами. Иногда такія встрѣчи были ему непріятны, и онъ избѣгалъ ихъ, какъ видно между прочимъ изъ его разказа о поѣздкѣ въ Англію въ 1666 г. (I, 370—371). Самъ онъ однако не разъ приглашалъ своихъ соотечественниковъ переѣхать въ Москву, особенно послѣ революціи 1688 года (см. напр. II, 638).

Довольно значительное число Гордоновъ было въ Россіи. Еще до Патрика Гордона мы встрѣчаемъ двухъ Гордоновъ, находившихся въ русской военной службѣ. Сохранилась челобитная капитана Вильяма Гордона къ царю Михаилу отъ 1631 года [1]). Въ 1634 году подполковникъ Александръ Гордонъ получилъ значительную сумму денегъ изъ казны [2]). Объ Андреѣ Гордонѣ упомянуто въ полномъ собраніи законовъ [3]). Патрикъ Гордонъ уже въ Германіи и Польшѣ засталъ многихъ Гордоновъ. Такъ напр. онъ упоминаетъ о Джонѣ Гордонѣ, находившемся въ плѣну у Поляковъ (I, 133), о ротмистрѣ Патрикѣ Гордонѣ „съ стальною рукою", командовавшемъ отрядомъ польскихъ войскъ (I, 133, 289, 405 и слѣд.). Какой-то Адамъ Гордонъ въ 1659 году былъ убитъ въ Польшѣ (I, 183); о дружбѣ съ Маргоретомъ Гордономъ въ Польшѣ упоминаетъ нашъ Гордонъ въ своемъ дневникѣ въ 1659 г. (I, 200). Лордъ Генри Гордонъ служилъ также въ Польшѣ (I, 220). До 1868 г., какъ кажется, Патрикъ Гордонъ оставался единственнымъ представителемъ своего рода въ Россіи; за то катастрофа Якова II-го въ Англіи заставила нѣкоторыхъ переѣхать въ Россію. Впрочемъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до паденія Якова II-го, нѣкто Джонъ Гордонъ пріѣхалъ въ Россію для посѣщенія своего родственника Патрика Гордона и для изученія русскаго языка (I, 225, 238, 641). Онъ оставался всего лишь три мѣсяца въ Россіи и не поступилъ въ русскую службу. Въ 1691 году пріѣхалъ въ Россію другой родственникъ Гордона, Андрей Гордонъ (I, 642). Еще другой родственникъ Патрика, Герри Гордонъ, въ томъ же 1691 году, въ письмахъ къ патріарху, изъявилъ желаніе поступить въ русскую службу и дѣйствительно пріѣхалъ въ Россію (III, 280—281, II. 345, 348, 350, 354, 381). Также и Александръ Гордонъ, женившійся на дочери Гордона, до этого былъ уже родственникомъ Патрика. Онъ извѣстенъ подъ именемъ Ахиптуль: такъ называлось его имѣніе въ Шотландіи.

---

[1]) См. приложеніе въ изд. дн. Гордона, I, 610.
[2]) Тамъ же, 611.
[3]) IV, стр. 619, 647.

О немъ весьма часто говорится въ дневникѣ [1]). Нѣкто Францъ Гордонъ, также родственникъ Гордона, пріѣхалъ въ Россію въ 1695 г. [2]). Джорджъ Гордонъ, пріѣхавшій въ Россію, называлъ Патрика „двоюроднымъ дядею" (I, 644). Ѳома Гордонъ пріѣхалъ въ 1698 году и поступилъ въ русскую службу. О сыновьяхъ Гордона, находившихся въ русской службѣ, мы будемъ говорить далѣе. О какомъ-то фокусникѣ Гордонѣ, находившемся въ Россіи въ 1699 году и старавшемся спастись отъ преслѣдованія полиціи въ домѣ Патрика Гордона, упоминаетъ Корбъ [3]). Послѣ смерти нашего Гордона, мы встрѣчаемъ напр. Ѳому Гордона въ 1717 г. (I. LXVI), далѣе, владѣльца рукописи дневника Гордона и пр.

Мы видѣли выше, что Гордонъ рѣшаясь вступить въ русскую службу, могъ расчитывать на пребываніе въ Россіи въ продолженіе трехъ лѣтъ. Таковы были предложенія, сдѣланныя ему Леонтьевымъ и Крофурдомъ (I, 275). Дѣйствительно, иногда бывали случаи, что иноземцы, вступавшіе въ русскую службу, заключали при посредствѣ пословъ и агентовъ условія на извѣстный срокъ, а по окончаніи этого срока возвращались во свояси [4]). Во многихъ случаяхъ однако правительство, нуждаясь въ иноземцахъ, весьма неохотно отпускало ихъ и весьма часто вовсе не освобождало ихъ отъ русской службы. Уже въ началѣ XVII вѣка правило о неувольненіи поступившихъ въ русскую службу иноземцевъ встрѣчается въ полной силѣ. Такъ напр. Маржере, говоря о затрудненіи перешагнуть чрезъ границу вообще, замѣчаетъ, что пока вовсе не было случая увольненія изъ русской службы, и что онъ представлялъ собою первый примѣръ такого рода [5]). Когда при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Мерикъ былъ въ Россіи англійскимъ дипломатомъ, онъ просилъ, чтобы отпустили домой англійскаго дворянина Астона, который боленъ отъ ранъ и на его мѣстѣ будетъ служить его сынъ, бояре отвѣчали, что издавна повелось изъ государевой службы никого не отпускать. Мерикъ даже безуспѣшно просилъ, чтобы отпустили жену Астона [6]).

---

[1]) См. замѣтку о немъ Поссельта. I. LXV, документъ 644—49; III. 371—374. *Устряловъ*, l. c. I. LXVI.

[2]) Въ дневникѣ о немъ не упомянуто. I. 653.

[3]) Diarium itineris, p. 100.

[4]) *Устряловъ*, I, 183.

[5]) Etat de l'empire de Russie et grand duché de Moscowie, p. 38 (ed. 1821).

[6]) *Соловьевъ*, IX. 119.

Такихъ случаевъ было много и впослѣдствіи [1]). Гордонъ самъ испыталъ это на себѣ и въ письмахъ къ сыну Джемсу и къ родственнику Герри Гордону повторялъ, что разъ вступивъ въ русскую службу, нельзя отдѣлаться отъ нея.

Онъ не подозрѣвалъ, что порѣшивъ съ Леонтьевымъ, связалъ себя на всю свою жизнь. Вмѣсто предполагаемыхъ трехъ лѣтъ, онъ оставался въ русскомъ войскѣ 38 лѣтъ, то-есть, до гроба. Не раньше какъ въ 1692 году, какъ кажется, Гордонъ разстался со своею любимою мыслью кончить жизнь въ Шотландіи. Онъ сдѣлалъ въ Россіи блестящую карьеру, имѣлъ возможность оказать существенныя услуги Петру Великому; нельзя однако сказать, чтобы Гордонъ полюбилъ Россію. Всѣ почести и матеріальныя выгоды, обширный кругъ дѣйствій, участіе въ важнѣйшихъ событіяхъ, привязанность къ нему Петра Великаго, большой кругъ знакомыхъ, друзей и родственниковъ, который окружалъ его въ Москвѣ, особенно же въ нѣмецкой слободѣ— все это не могло замѣнить ему родины.

Впрочемъ, онъ очень скоро привыкъ къ своему новому положенію, женился въ Москвѣ, необычайно ловко устраивалъ свои дѣла и успѣвалъ въ достиженіи предполагаемыхъ цѣлей.

Переговоры между Гордономъ и Леонтьевымъ происходили въ Варшавѣ. Онъ выѣхалъ изъ этого города 26-го іюля 1661 года (I. 283). Описаніе этого путешествія сдѣлано имъ довольно подробно.

Первою цѣлью путешествія былъ городъ Рига. Очень скоро послѣ рѣшенія вступить въ Россію и Гордонъ и Менезесъ жалѣли объ этомъ рѣшеніи. Въ Ригѣ они встрѣтили кое-какихъ знакомыхъ, съ которыми совѣтовались. Гордонъ искалъ случая отдѣлаться отъ путешествія въ Москву, узнавъ, что жалованье ратнымъ людямъ въ Москвѣ бываетъ скудное, но что оно выплачивается правильно въ срокъ (I, 285). Впослѣдствіи оказалось, какъ мы увидимъ, совершенно противное: не столько на скудость оклада могли жаловаться иностранцы, сколько на неточную уплату его.—Полученныя свѣдѣнія, а также, какъ онъ замѣчаетъ, „данное слово“ заставили Гордона ѣхать дальше. Въ Кокенгузенѣ, недавно занятомъ русскими войсками, Гордонъ видѣлъ русскій гарнизонъ. Сравненіе между Русскими и Поляками оказалось весьма невыгоднымъ для первыхъ. Кокенгузенъ очень не понравился Гордону. Все это заставляло задумываться. Еще менѣе бла-

---

[1]) См. любопытный случай съ какимъ-то поручикомъ, разказанный Корбомъ, 125.

гопріятно было впечатлѣніе, произведенное на путешественниковъ Псковомъ; городъ показался грязнымъ, жители угрюмыми. Гордонъ былъ въ самомъ нехорошемъ расположеніи духа. Къ тому же тамъ господствовала страшная дороговизна вслѣдствіе выпущенныхъ правительствомъ нѣсколькими годами раньше мѣдныхъ денегъ, упавшихъ въ цѣнѣ. Гордонъ до того былъ недоволенъ своимъ положеніемъ, что вовсе не обращалъ вниманія на красивыя мѣстности, чрезъ которыя проѣзжали спутники.

2-го сентября Гордонъ пріѣхалъ въ Москву и остановился въ нѣмецкой слободѣ.

Изъ сочиненія Мейерберга, сопровожденнаго рисунками, мы знаемъ какой видъ имѣла нѣмецкая слобода именно въ то время, когда туда пріѣхалъ Гордонъ. [1]) Тутъ уже при Іоаннѣ Грозномъ поселились жители Ливоніи, уведенные Москвитянами въ плѣнъ; тутъ жили и прочіе иностранцы. Когда въ 1610 году это предмѣстье сгорѣло, иноземцы переселились въ Москву, но затѣмъ, не задолго до пріѣзда Гордона въ Россію, вновь было приказано имъ занять прежнее мѣсто на рѣкѣ Яузѣ, находившееся въ разстояніи одной версты отъ края столицы. Дома были бо́льшею частью деревянные, отчасти окруженные садами и огородами. Нѣмецкая слобода, на картинѣ сообщенной Мейербергомъ, имѣетъ чисто деревенскій характеръ. [2]) Тутъ жили офицеры, купцы, аптекари, пасторы лютеранской и реформатской церквей, впослѣдствіи и католическіе священники, врачи, число которыхъ росло въ продолженіе XVII-го вѣка, иногда и дипломаты, представители иностранныхъ державъ.

Въ этомъ мѣстѣ Гордонъ провелъ бо́льшую часть своей жизни, въ немъ онъ обзавелся хозяйствомъ, сдѣлался главою многочисленнаго семейства и даже нѣкоторымъ образомъ, какъ бы патріархомъ колоніи иноземцевъ. Тутъ господствовали нравы и обычаи западной Европы, читались иностранныя книги, получались подробныя извѣстія о происходившихъ въ разныхъ концахъ Европы событіяхъ. О житьѣ-бытьѣ въ нѣмецкой слободѣ мы будемъ имѣть случай говорить въ другомъ мѣстѣ нашего труда.

---

[1]) См. изображеніе подъ № 52 въ атласѣ, изданномъ Аделунгомъ, какъ приложеніе къ его біографіи Мейерберга.

[2]) См. нѣкоторыя замѣчанія о нѣмецкой слободѣ въ сочиненіи Поссельта о Лефортѣ, I. 212 слѣд.

Первая встрѣча Гордона съ русскимъ правительствомъ была довольно благопріятна. Царь Алексѣй, принимая Гордона въ селѣ Коломенскомъ, поблагодарилъ его за гуманное обращеніе съ русскими военноплѣнными въ Польшѣ (I, 289). За то Гордона удивило что́-то въ родѣ испытанія, которому его подвергнулъ двумя днями спустя тесть царя, Илья Даниловичъ Милославскій. Иноземцы - офицеры, только-что вступившіе въ русскую службу, должны были по приказанію боярина показать въ открытомъ полѣ, въ окрестностяхъ Москвы, на такъ называемомъ Чертольѣ, умѣютъ ли они обращаться съ оружіемъ, а именно съ копьями и ружьями. Гордонъ возразилъ было, что любой изъ его лакеевъ могъ бы показать какъ должно обращаться съ оружіемъ и что значеніе офицера состоитъ гораздо болѣе въ умѣніи командовать войсками. Милославскій сослался на обычай, въ силу котораго каждый офицеръ долженъ былъ выказать свое умѣніе и Гордонъ повиновался, выдержалъ экзаменъ вполнѣ удовлетворительно (I, 290).

Гораздо болѣе серьезнымъ показался ему слѣдующій случай, доставившій ему возможность познакомиться съ самымъ существеннымъ недостаткомъ русской администраціи. Начальство распорядилось о выдачѣ Гордону обычныхъ денегъ и прочихъ предметовъ (соболей, камки и пр.) по случаю пріѣзда. Гордонъ не зналъ, что все это можно получить не иначе, какъ вознаградивъ дьяка предварительно, и вслѣдствіе этого долго не получалъ ничего. Онъ нѣсколько разъ жаловался боярину Милославскому, который велѣлъ призвать дьяка, таскалъ за бороду и грозилъ наказать его кнутомъ. Послѣ этого происходилъ между дьякомъ и Гордономъ крупный разговоръ, въ которомъ Гордонъ прямо сказалъ, что не желаетъ оставаться въ государствѣ, которое въ такой мѣрѣ несоотвѣтствовало его ожиданіямъ. Къ этому присоединился упадокъ въ цѣнѣ мѣдныхъ денегъ, которыми выплачивалось жалованье, не смотря на обѣщаніе Леонтьева, что жалованье будетъ уплачиваемо серебромъ.

Нѣсколько разъ, въ первое время своего пребыванія въ Россіи, Гордонъ упоминаетъ объ этихъ несчастныхъ мѣдныхъ деньгахъ. Его замѣчанія на этотъ счетъ вполнѣ сходны съ прочими данными объ этомъ предметѣ. Гордону сперва сказали, что одинъ рубль мѣдными деньгами равняется двумъ талерамъ (I, 286). Это было справедливо до упадка въ цѣнѣ мѣдныхъ денегъ, то-есть, отъ 1656 до 1658 года. Котошихинъ говоритъ „и ходили тѣ мѣдныя деньги многое время

съ серебрянными заровно". [1]) Уже во Псковѣ Гордонъ, какъ мы видѣли, удивился чрезвычайной дороговизнѣ вслѣдствіе мѣдныхъ денегъ (I, 287). Въ Москвѣ онъ тотчасъ же послѣ пріѣзда узналъ, что 4 мѣдныя копѣйки равняются одной серебряной (I, 290), значитъ онъ получалъ бы лишь четвертую долю условленнаго жалованья. 26-го сентября и онъ и пріѣхавшіе съ нимъ иноземцы получили свой окладъ мѣдными деньгами (I, 293). Немного позже Гордонъ замѣчаетъ, что 5 или 6 мѣдн. копѣекъ ровняются одной серебряной (I, 306), и что можно было ожидать дальнѣйшаго упадка въ цѣнѣ мѣдныхъ денегъ, такъ какъ привозъ изъ за границы и поддѣлка этой монеты въ самой Россіи принимали все бо́льшіе размѣры. Мѣры правительства противъ поддѣлки монетъ тѣмъ менѣе помогали, что въ этомъ дѣлѣ были замѣшаны нѣкоторые вельможи. [2]) Упадокъ въ цѣнѣ мѣдныхъ денегъ продолжался; вторичное повышеніе оклада на четвертую долю (то-есть, 25%, между тѣмъ какъ потеря на мѣдныя деньги составляля 600 и болѣе %), о которомъ говоритъ Гордонъ (I, 315) разумѣется не могло помочь злу.

При такомъ положеніи дѣлъ нельзя удивляться, что Гордонъ серьезно мечталъ о томъ, какъ бы освободиться изъ Россіи. Можно представить себѣ, какъ на него подѣйствовали замѣчанія всѣхъ тѣхъ, которымъ онъ сообщилъ о своемъ намѣреніи, что исполненіе его желанія положительно невозможно. Напрасно Гордонъ представлялъ, что климатъ Россіи вреденъ для его здоровья. Его убѣждали оставаться. Подробно онъ разказываетъ о любезности, съ которою говорилъ съ нимъ дьякъ, между тѣмъ какъ полковникъ Кроффурдъ и другія лица прямо представляли ему, что онъ, настаивая на отъѣздѣ изъ Россіи, подвергаетъ себя опасности страшной опалы, что его безъ сомнѣнія примутъ за польскаго лазутчика и сошлютъ въ Сибирь или въ какое либо иное отдаленное мѣсто. Поэтому Гордонъ, сначала отказывавшійся принять царское жалованье, накопецъ согласился взять его (I, 292).

Гордонъ получилъ чинъ маіора, служилъ въ полку Кроффурда и довольно усердно занимался обученіемъ ввѣренныхъ ему войскъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мало по малу расширялся кругъ его знакомыхъ; его звали

---

[1]) См. мое сочиненіе «Мѣдныя деньги въ Россіи 1656—63 и денежные знаки въ Швеціи 1716—19». Спб. 1864. стр. 14.

[2]) Между прочимъ, какъ извѣстно, тесть царя Илья Даниловичъ Милославскій. См. мое сочиненіе о мѣдныхъ деньгахъ, стр. 31.

на свадьбы; онъ имѣлъ, какъ замѣчаетъ, случай познакомиться съ разными домами. Скоро, однако, опять оказалось весьма серьезное затрудненіе.

Отъ него стали требовать присяги. Голландскій пасторъ, которому была поручена эта церемонія, сообщилъ Гордону, что онъ долженъ произнести клятву служить царю всю жизнь. Гордонъ тутъ же, въ то время когда ему твердили формулу присяги, протестовалъ торжественно, ссылаясь на контрактъ, заключенный съ Леонтьевымъ. Власть не уступала; Гордонъ стоялъ на своемъ; послѣ долгихъ пререканій рѣшили такъ, что Гордонъ обязался служить царю до окончанія войны съ Польшею (I, 299).

На основаніи этого Гордону можно было бы выйдти въ отставку послѣ Андрусовскаго мира, то-есть, въ 1667 году.

Первое время службы. Женитьба.

Гордонъ уже въ самомъ началѣ своего пребыванія въ Россіи высказалъ умѣніе сообразоваться съ обстоятельствами, ужиться, свыкнуться съ своимъ новымъ положеніемъ. Столкнувшись сначала съ представителями власти, онъ скоро замѣтилъ, что успѣхъ въ Россіи значительно условливается хорошими отношеніями къ писцамъ, чиновникамъ. Поэтому онъ уже 2-го января 1662 года устроилъ у себя пирушку для служащихъ въ иноземскомъ приказѣ (I, 305) и при этомъ случаѣ роздалъ имъ соболей. „Этимъ“, замѣчаетъ онъ, „я снискалъ себѣ уваженіе и привязанность этихъ людей, которые послѣ того были готовы къ услугамъ при всѣхъ дѣлахъ, относящихся ко мнѣ и рѣшавшихся въ иноземскомъ приказѣ“. Послѣ этого онъ угостилъ и своихъ знакомыхъ-иноземцевъ и сослуживцевъ, при чемъ были приглашены и дамы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ занятъ ежедневно обученіемъ солдатъ и полковыми канцелярскими работами. Къ сожалѣнію, онъ не говоритъ о своихъ успѣхахъ въ изученіи русскаго языка. Нельзя сомнѣваться, что онъ впослѣдствіи довольно свободно владѣлъ имъ и выучился ему въ короткое время. Въ февралѣ 1662 года онъ заболѣлъ опасно (I, 307—308) и въ это время былъ посѣщаемъ часто товарищами и знакомыми.

Гордонъ все еще желалъ покинуть Россію. Онъ мечталъ о поѣздкѣ въ Персію. Въ это время бояринъ Θеодоръ Андреевичъ Милославскій долженъ былъ отправиться туда въ качествѣ посла. И Гордонъ Менезесъ хотѣли совершить это путешествіе вмѣстѣ съ бояриномъ.

Пріобрѣвши нѣкоторую опытность въ томъ, какъ должно приниматься за дѣло въ подобныхъ случаяхъ, Гордонъ подарилъ боярину сто червонцевъ, а его дворецкому—сѣдло цѣною въ 20 червонцевъ, въ надеждѣ, что они станутъ хлопотать объ его увольненіи. Послѣ шестинедѣльныхъ стараній, Гордонъ убѣдился въ невозможности осуществленія своего плана (I, 309).

Скоро послѣ того представился ему удобный случай отличиться въ царской службѣ. Лѣтомъ 1662 вспыхнулъ мятежъ, имѣвшій, по всей вѣроятности, тѣсную связь съ мѣдными деньгами, пошатнувшими всю денежную систему и причинившими ужасный вредъ народному благосостоянію [1]).

Гордонъ подробно разказываетъ въ своемъ дневникѣ объ этомъ печальномъ эпизодѣ и о своемъ участіи въ подавленіи мятежа.

5-го іюля рано утромъ, когда Гордонъ у Новоспасскаго монастыря былъ занятъ обученіемъ войскъ, прискакалъ полковникъ Крофурдъ и сообщилъ о происходившихъ въ городѣ безпорядкахъ. Гордонъ тотчасъ спросилъ, гдѣ находился царь, и когда узналъ, что царь былъ въ селѣ Коломенскомъ, настаивалъ на томъ, чтобы полкъ немедленно отправился туда. Крофурдъ не соглашался на это, потому что не получилъ никакого приказанія. Полкъ состоялъ значительною долею изъ инородцевъ, изъ Мордвы и Черемисовъ, на которыхъ нельзя было надѣяться безусловно; даже и другіе, Русскіе, не были вполнѣ надежны. Офицеры, какъ замѣчаетъ Гордонъ, должны были строго наблюдать за ними, особенно послѣ того какъ онъ велѣлъ раздать имъ свинецъ и порохъ. Гордонъ, былъ весьма недоволенъ нерѣшимостью Крофурда и по крайней мѣрѣ для себя испросилъ позволеніе отправиться въ село Коломенское. Однако, мятежники толпами окружали уже лѣтній дворецъ Алексѣя Михаиловича, такъ что Гордонъ не только не могъ пробраться туда, но даже едва не былъ схваченъ мятежниками. Онъ не зналъ, что дѣлать; совѣщанія съ разными офицерами, которые ему попадались на встрѣчу, не имѣли успѣха. Наконецъ, онъ узналъ, что царь поручилъ князю Юрію Ивановичу Ромодановскому привести иноземцевъ изъ нѣмецкой слободы въ Коломенское. Въ нѣмецкой слободѣ все пришло въ движеніе; у одного купца взяли ружья и роздали тѣмъ изъ иноземцевъ, которые не имѣли оружія; одни пѣшіе, другіе на коняхъ — всѣ отправились въ село Коломенское. Между тѣмъ, Гордонъ вернулся къ своему полку и старался

---

[1]) См. мое сочиненіе о мѣдныхъ деньгахъ, стр. 49.

вновь убѣдить Крофурда въ необходимости двинуться впередъ. Приближаясь къ Коломенскому, полкъ Крофурда могъ участвовать лишь въ послѣднемъ дѣйствіи кровавой драмы. Уже стрѣльцы разбили толпу мятежниковъ и разогнали ихъ. Тринадцать человѣкъ, приставшихъ къ бунтовщикамъ и старавшихся спастись бѣгствомъ, были арестованы солдатами Крофурдскаго полка. На другой день происходили пытки и казни.

Гордонъ, оканчивая свой разказъ, замѣчаетъ, что офицеровъ-иноземцевъ наградили скудно и что только Крофурдъ и стрѣлецкіе полковники получили значительныя награды. Онъ былъ весьма недоволенъ, что Крофурдъ не послушался его совѣта и что вслѣдствіе этого всѣ они опоздали и не имѣли случая оказать существенныя услуги царю, защитивъ его и разогнавъ толпу мятежниковъ. Самъ Крофурдъ, прибавляетъ Гордонъ, впослѣдствіи горько сожалѣлъ о томъ, что не умѣлъ воспользоваться столь удобнымъ случаемъ отличиться съ своимъ полкомъ (I, 310—313).

Скоро послѣ того полкъ Крофурда получилъ порученіе отправиться на Каму для подавленія мятежа Башкировъ. Однако ни Крофурдъ, ни Гордонъ не имѣли охоты удаляться отъ двора и, пожалуй, нѣсколько лѣтъ оставаться въ глуши на востокѣ; кромѣ того Гордонъ объявилъ своему начальнику, что желаетъ повышенія чиномъ. Все уладилось какъ нельзя лучше. Крофурдъ и Гордонъ остались въ Москвѣ и Гордонъ сдѣлался подполковникомъ (I, 314).

Его служебная дѣятельность вслѣдствіе этого оказалась менѣе сложною: онъ освободился отъ канцелярскихъ работъ. За то онъ погрузился въ шумную жизнь, участвовалъ въ разныхъ пирушкахъ, балахъ и маскарадахъ и наконецъ замѣтилъ, что такой образъ жизни вреденъ для его здоровья. Онъ старался отдѣлаться отъ чрезмѣрно разгульныхъ товарищей и искалъ случая познакомиться съ женщинами. Изъ его замѣчаній видно, что между пріѣзжими иноземцами было много авантюристовъ, не заслуживавшихъ довѣрія и отличавшихся дурными качествами [1]). Тѣмъ болѣе цѣнились люди солидные, степенные, имѣвшіе и нѣкоторое состояніе: къ такимъ принадлежалъ Гордонъ.

И онъ самъ и, немного позже, Лефоръ испытали на себѣ, что иноземцы-офицеры ничѣмъ такъ удачно какъ женитьбою могли заслу-

---

[1]) Ein grosser, wo nicht der grösste Theil derselben, waren niederträchtige und schlechte Leute. I, 317.

жить довѣріе Русскихъ. Холостыхъ подозрѣвали въ желаніи уѣхать за границу; семейныхъ считали болѣе надежными. Вступивъ въ бракъ, Лефоръ писалъ своей матери, что онъ лишь теперь можетъ надѣяться на карьеру [1]). Гордонъ подробно разказываетъ, какъ онъ всесторонне обсуждалъ этотъ вопросъ, взвѣшивалъ всѣ доводы за и противъ. Наконецъ, онъ рѣшился просить руки дочери полковника Бокговена. Между причинами, заставившими Гордона при выборѣ невѣсты остановиться на тринадцатилѣтней дѣвочкѣ, мы встрѣчаемъ и то обстоятельство, что полковникъ Бокговенъ былъ католикомъ [2]). Въ денежномъ отношеніи эта женитьба едва ли была выгодною. Впослѣдствіи Гордонъ не разъ говорилъ, что въ Москвѣ почти вовсе не встрѣчается богатыхъ невѣстъ. Поэтому онъ не желалъ женить своихъ сыновей въ Москвѣ [3]).

12-го января 1663 года Гордонъ сдѣлалъ предложеніе; свадьба должна была состояться не раньше какъ послѣ возвращенія отца невѣсты изъ Польши, гдѣ полковникъ Бокговенъ находился въ плѣну. Старанія Гордона доставить свободу своему будущему тестю не имѣли успѣха. Онъ по этому дѣлу переписывался съ разными лицами, хлопоталъ неусыпно, однако не могъ подвинуть дѣла. Между тѣмъ онъ заказалъ для себя великолѣпный мундиръ, стоившій безъ малаго 100 червонцевъ, отличился по случаю большаго парада въ началѣ 1664 года, но не былъ удостоенъ никакой награды, чѣмъ былъ очень недоволенъ (I, 340) и, наконецъ, получилъ приказаніе отправиться въ Польшу. Нѣсколько мѣсяцевъ до конца 1664 года онъ былъ въ походѣ, не участвуя, впрочемъ, въ сраженіяхъ. Получивъ отпускъ, онъ пріѣхалъ въ Москву въ декабрѣ и тутъ, наконецъ, достигъ своей цѣли. 26-го января 1665 года была его свадьба (I, 355). Благодаря протекціи, оказанной Гордону тестемъ царя, бояриномъ Милославскимъ, онъ былъ сдѣланъ полковникомъ (I, 358).

Подробности житья-бытья Гордона съ первою женою и кончины ея въ Малороссіи намъ неизвѣстны, потому что дневникъ его имѣетъ пробѣлъ отъ 1667 до 1677 года.

---

[1]) См. соч. Поссельта о Лефорѣ I, 262.

[2]) I, 320.—*Устряловъ*, I, 183, ссылаясь на челобитную Бокговена 1676 года, говоритъ, что Бокговенъ принялъ православіе. Можетъ быть, эта перемѣна произошла послѣ брака Гордона.

[3]) III, 336 и 337 письма къ Роберту Гордону въ Хмѣльникѣ и къ Патрику Форбесу въ Данцигѣ.

Поѣздка въ Англію 1666—67.

Въ маѣ 1665 года въ дневникѣ упоминается о кончинѣ старшаго брата Гордона въ Шотландіи (I, 360). Такъ какъ онъ, вслѣдствіе кончины брата, сдѣлался наслѣдникомъ отцовскаго имѣнія, то считалъ нужнымъ хотя бы на нѣкоторое время отправиться на родину. Поэтому, онъ подалъ прошеніе объ отпускѣ въ августѣ 1665 года. Какъ кажется, рѣшеніе затянулось. Наконецъ, только лѣтомъ 1666 года его призвали въ иноземскій приказъ, гдѣ думный дьякъ обратился къ нему съ вопросомъ, не пожелаетъ ли онъ совершить путешествіе въ Англію. Гордонъ сначала изъявлялъ готовность ѣхать, но какъ скоро узналъ, что чрезъ него хотятъ отправить къ королю Карлу II письмо царя Алексѣя Михайловича, сталъ отказываться. Очевидно, онъ опасался, что ему не возвратятъ расходовъ этого путешествія. Онъ объявилъ, что по собственнымъ своимъ дѣламъ не имѣетъ теперь никакой надобности отправиться въ Англію и что, отправляясь туда въ качествѣ дипломатическаго агента, онъ по необходимости долженъ будетъ израсходовать значительную сумму денегъ. Ему обѣщали вознаградить его за всѣ расходы этого путешествія, но Гордонъ все еще задумывался и желалъ вообще отдѣлаться отъ порученія, которое при тогдашнихъ, нѣсколько натянутыхъ отношеніяхъ между Англіею и Россіею, могло быть нѣсколько труднымъ. Онъ самъ, въ особенной запискѣ объ отношеніяхъ между Англіею и Россіею отъ 1553 до 1666 года (I, 365—68), излагаетъ положеніе всего дѣла.

Какъ извѣстно, Англичане, торговавшіе въ Россіи, послѣ казни Карла I лишились своихъ привиллегій. Англійское правительство, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ вступилъ на престолъ Карлъ II, старательно хлопотало о возстановленіи этихъ привиллегій. Карлъ II прислалъ грамоту, въ которой просилъ объ этомъ. Когда русскіе послы Прозоровскій и Желябужскій были въ Англіи, въ 1662 году, съ цѣлью поздравить короля съ восшествіемъ на престолъ, англійское правительство отказало имъ дать въ займы денегъ. Когда затѣмъ, въ 1664 году, въ Россію пріѣхалъ графъ Карлейль, онъ тщетно просилъ о возстановленіи англійскихъ привиллегій и вообще былъ весьма недоволенъ пріемомъ, оказаннымъ ему въ Россіи. Отправленный въ Англію для объясненія, стольникъ Дашковъ былъ принятъ тамъ весьма неблагосклонно. Карлъ II, воевавшій въ то время съ

Нидерландами, требовалъ, чтобы Россія запретила Голландцамъ вывозить изъ Россіи матеріалы для кораблестроенія, и чтобы право покупать оные было предоставлено исключительно Англичанамъ. Отвѣчать на это письмо пришлось нѣсколько уклончиво, указывая на моровое повѣтріе, свирѣпствовавшее въ то время, какъ на помѣху болѣе оживленнымъ торговымъ сношеніямъ между Англіею и Россіею.

Гордонъ разказываетъ, что, когда царская грамота была готова, нельзя было найдти Русскаго, который взялъ бы на себя порученіе передать ее королю Карлу II. Всѣ опасались столь же холоднаго пріема, какой былъ оказанъ въ Англіи Дашкову, который къ тому же разказывалъ о страшной дороговизнѣ въ Англіи. Русское правительство надѣялось, что Гордонъ, какъ англійскій подданный, будетъ имѣть возможность воспользоваться своими личными связями съ разными лицами при англійскомъ дворѣ для болѣе успѣшнаго веденія дѣла (I, 368).

Такимъ образомъ, Гордонъ долженъ былъ готовиться къ отъѣзду. Онъ купилъ себѣ экипажъ, имѣлъ аудіенцію у царя Алексѣя Михайловича, получилъ нѣкоторую сумму денегъ на путевыя издержки, откланялся боярину Милославскому и его супругѣ и уѣхалъ 29-го іюня, при чемъ его провожали до какого-то лѣса нѣкоторые иноземцы изъ нѣмецкой слободы (slobodish Cavaliers) и многіе купцы (I, 370)

Чрезъ Клинъ, Тверь, Валдай, Новгородъ, Псковъ, Нейгаузенъ и Вольмаръ Гордонъ пріѣхалъ въ Ригу (I, 370—376). Тутъ онъ имѣлъ знакомыхъ, былъ принятъ довольно почетно губернаторомъ, затѣмъ на кораблѣ отправился въ Любекъ и сухимъ путемъ чрезъ Гамбургъ, Ганноверъ въ Брюгге. Отсюда онъ написалъ письмо думному дьяку Алмазу Иванову, жалуясь на дороговизну путешествія, на разныя опасности, которымъ подвергался, и на затрудненіе перебраться въ Англію, такъ какъ мореплаваніе по Нѣмецкому морю, по случаю войны между Англіею, Франціею и Голландіею, было далеко не безопасно (I, 623 — 625). Дѣйствительно, Гордонъ нѣкоторое время долженъ былъ оставаться въ Брюгге, гдѣ онъ получилъ извѣстіе о страшномъ пожарѣ въ Лондонѣ, опустошившемъ значительную часть города. Не раньше какъ 1-го октября Гордонъ пріѣхалъ въ Дувръ, былъ на другой день принятъ весьма радушно въ домѣ Гебдона, съ которымъ совѣтовался о нѣкоторыхъ частностяхъ аудіенціи у короля Карла II. Въ Лондонѣ жилъ болѣе какъ частный человѣкъ, нежели какъ посланникъ, и не бывалъ съ визитами у представителей другихъ державъ. За то онъ имѣлъ разныя

сношенія съ англійскими вельможами: его аудіенція у короля была весьма торжественна (I, 387). Карлъ II изъявилъ удовольствіе, что получаетъ царскую грамоту изъ рукъ своего подданнаго, и велѣлъ сказать ему, что Гордонъ можетъ являться ко двору во всякое время по своему усмотрѣнію. Ему даже передали особенный ключъ къ королевскому парку, гдѣ Гордонъ могъ прогуливаться безпрепятственно (I, 388). Къ сожалѣнію, Гордонъ говоритъ въ своемъ дневникѣ весьма лишь кратко о дѣловыхъ совѣщаніяхъ съ государственными людьми въ Англіи. Онъ имѣлъ нѣсколько конференцій съ лордоъ-канцлеромъ На содержаніе первой бесѣды (16-го октября) онъ указываетъ въ дневникѣ лишь замѣчаніемъ, что о ней говорится „въ другой книгѣ", очевидно въ статейномъ спискѣ. 23-го октября происходила вторая конференція. Немного позже онъ отправилъ записку о порученныхъ ему дѣлахъ въ государственный секретаріатъ (Secretary office); въ половинѣ ноября Гордонъ имѣлъ третью конференцію съ лордомъ-канцлеромъ, „въ которой происходили довольно оживленныя пренія о дѣлахъ, ему порученныхъ, и о привиллегіяхъ Англичанъ въ Россіи". 10-го декабря была послѣдняя конференція: тутъ Гордонъ узналъ, что ему дадутъ отвѣтное письмо короля къ царю и что для него самого назначена сумма 200 фунт. стерлинговъ. Гордонъ оставался въ Лондонѣ еще нѣсколько недѣль; въ продолженіе этого времени онъ посѣщалъ многихъ знакомыхъ, обѣдалъ и ужиналъ у разныхъ англійскихъ вельможъ, устроилъ у себя для знакомыхъ музыкальный вечеръ и побывалъ у родственника короля, принца Руперта, который обѣщалъ ему дать письма къ курфирсту Бранденбургскому и къ князю Радзивилу, которыхъ просилъ объ освобожденіи изъ плѣна полковника Бокговена. Объ этомъ же предметѣ писалъ англійскій король къ польскому (I, 393).

18-го января 1667 года была прощальная аудіенція у короля, который самъ вручилъ Гордону письмо къ царю Алексѣю и при этомъ выразилъ надежду, что его желанія будутъ приняты въ соображеніе русскимъ правительствомъ. Возвратившись домой, Гордонъ замѣтилъ, что надпись на королевской грамотѣ была неправильна: вмѣсто „Serenissimo" было сказано „Illutrissimo". Онъ объявилъ Гебдону, что этого письма безъ надлежащей перемѣны адреса не можетъ взять съ собою, иначе подвергнется опасности смертной казни, и что изъ-за подобнаго случая происходилъ уже въ Москвѣ весьма серьезный

споръ съ графомъ Кэрлейлемъ [1]). Чрезъ два дня Гордонъ получилъ грамоту съ измѣненною, согласно его желанію, надписью. Простившись съ братомъ короля, герцогомъ Іоркскимъ (впослѣдствіи король Яковъ II), онъ еще разъ былъ приглашенъ ко двору. Король сказалъ ему: „Въ Россіи находится нѣкто Кальтгофъ (Calthoffe); я уже нѣсколько разъ писалъ къ царю, чтобы его отпустили, и крайне удивленъ неисполненіемъ моего желанія. Прошу васъ поговорить съ царемъ объ этомъ". Гордонъ обѣщалъ исполнить просьбу короля (I, 396).

Въ дневникѣ напечатано цѣликомъ письмо Карла къ царю Алексѣю (I, 397—399). Въ немъ выражалось сожалѣніе о томъ, что пока еще не осуществились его ожиданія и что въ грамотѣ царя не видно особеннаго предпочтенія Англичанамъ предъ Голландцами. Затѣмъ однако выражается благодарность за то, что царь запретилъ продавать Голландцамъ лѣсъ и прочіе матеріалы для кораблестроенія и надежда, что Англичанамъ будетъ дозволено вывозить эти товары, иначе же Англія не имѣла бы никакого преимущества предъ своими врагами. О моровомъ повѣтріи король писалъ, что оно совершенно прекратилось и что не было причины запретить по этому поводу Англичанамъ пріѣзжать въ Россію. Наконецъ, выражается надежда, что прежнія привиллегіи англійскихъ купцовъ въ Россіи будутъ возстановлены въ ближайшемъ будущемъ.

Гордону обѣщали, что онъ поѣдетъ на королевскомъ кораблѣ, но оказались на этотъ счетъ затрудненія, задержавшія его еще нѣсколько дней въ Англіи. Онъ долженъ былъ переписываться съ разными чиновниками адмиралтейства. Когда наконецъ, 29-го января, онъ выѣхалъ изъ Лондона въ Гринвичъ, его провожалъ туда Джонъ Гебдонъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Туда же пріѣхали англійскіе купцы, имѣвшіе торговыя сношенія съ Россіею. Какъ видно, они особенно интересовались успѣшнымъ ходомъ дипломатическихъ переговоровъ между Россіею и Англіею и поэтому ухаживали за Гордономъ (I, 402).

Въ Гамбургѣ жила въ то время отказавшаяся отъ шведскаго престола королева Христина, дочь Густава Адольфа. Узнавъ еще въ Голландіи, что у нея будетъ балъ, Гордонъ спѣшилъ въ Гамбургъ въ надеждѣ участвовать въ этомъ собраніи и очень сожалѣлъ, когда ему сказали, что онъ опоздалъ четырьмя днями. Въ Гамбургѣ онъ узналъ о заключеніи Андрусовскаго мира (I, 406), посѣтилъ разныхъ

[1]) См. Relation des trois ambassades de monseigneur le comte de Carlisle. Paris, 1857, стр. 274.

знакомыхъ, написалъ множество писемъ и имѣлъ аудіенцію у королевы Христины. Гордонъ былъ ревностнымъ католикомъ, Христина, какъ извѣстно, приняла католическую вѣру: онъ присутствовалъ у нея при богослуженіи.

Наконецъ Гордонъ пріѣхалъ въ Москву (I, 411). Уже въ Клину его встрѣтили тесть, полковникъ Бокговенъ, котораго онъ при этомъ случаѣ увидѣлъ въ первый разъ и который лишь незадолго, можетъ быть, благодаря стараніямъ Гордона, высвободился изъ польскаго плѣна, а также англійскій купецъ Брейанъ (Bryan), который былъ въ Москвѣ чѣмъ-то въ родѣ англійскаго консула. Они привезли съ собою приказаніе Гордону оставаться до полученія дальнѣйшихъ приказаній въ нѣмецкой слободѣ, куда онъ пріѣхалъ 6-го іюня.

Путешествіе Гордона продолжалось около года. Въ настоящей своей родинѣ, въ Шотландіи, онъ не былъ. Въ его инструкціи было сказано, что онъ, послѣ пребыванія въ Англіи, долженъ, нигдѣ не мѣшкая, возвратиться въ Россію. Его путешествіе имѣло чисто офиціальный характеръ; онъ ѣхалъ исключительно въ качествѣ дипломатическаго агента. Частные интересы оставались на заднемъ планѣ. Впрочемъ, нигдѣ въ дневникѣ не выражено сожалѣнія о томъ, что ему не случилось побывать въ Шотландіи.

Хотя Гордонъ при отъѣздѣ и получилъ нѣкоторую сумму изъ казны, а затѣмъ 200 ф. стерл. отъ короля Карла II, онъ, по случаю этого путешествія поплатился собственными деньгами. Очень долго хлопоталъ онъ объ этихъ деньгахъ. Рѣшеніе послѣдовало не раньше какъ въ 1681 году. Изъ сохранившихся документовъ видно, что Гордонъ истратилъ своихъ денегъ 633 рубля, что въ 1675 году, значитъ, восемь лѣтъ послѣ путешествія, онъ получилъ только 300 рублей, а остальные 333 р. не раньше какъ въ 1681 году. Пятнадцать лѣтъ нужно было просить, ходатайствовать, подавать разныя челобитныя, указывать на примѣры другихъ русскихъ дипломатовъ, тратившихъ при подобныхъ поѣздкахъ не менѣе Гордона [1]). Какъ кажется, поѣздка Гордона въ глазахъ русскаго правительства не могла считаться вполнѣ удавшеюся. Уже то обстоятельство, что ему такъ долго не возвра-

[1]) Такъ, напримѣръ, Гордонъ въ своихъ челобитняхъ указываетъ на расходы по случаю отправленія въ Лондонъ Прозоровскаго въ 1662 году, въ Вѣну Коробина въ 1663 г., въ Римъ Павла Менезеса, въ Венецію Кельдерманна, въ Константинополь Грека Иванова, въ Испанію, Англію и Францію Андрея Виніуса и проч.

щали израсходованныхъ денегъ, пожалуй, указываетъ на нѣкоторое неудовольствіе власти, хотя впрочемъ подобные случаи медленности вознагражденія русскихъ дипломатовъ встрѣчаются довольно часто [1]). Нигдѣ далѣе не говорится о выдачѣ Гордону, послѣ возвращенія въ Россію, какой-либо награды въ родѣ упомянутыхъ у Котошихина и выдаваемыхъ особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда царь былъ доволенъ образомъ дѣйствій дипломата. Къ сожалѣнію, дневникъ Гордона не разъясняетъ этого вопроса. 6-го іюня Гордонъ пріѣхалъ домой; до 25-го іюня въ дневникѣ встрѣчаются лишь очень краткія замѣтки, а затѣмъ слѣдуетъ пробѣлъ въ найденной рукописи до января 1677 года.

Нѣкоторые историки полагаютъ, что Гордонъ попалъ въ опалу. Такъ напримѣръ, Бергманъ замѣчаетъ: Гордонъ чѣмъ-нибудь навлекъ на себя негодованіе царя; возвратившись изъ Англіи, онъ подвергся домашнему аресту, а затѣмъ былъ удаленъ въ Сѣвскъ [2]). Поссельтъ объясняетъ также столь долгое невозвращеніе денегъ Гордону опалою и говоритъ о домашнемъ арестѣ, при чемъ высказываетъ предположеніе, что, можетъ быть, порученіе о Кальтгофѣ не понравилось царю [3]).

Послѣднее предположеніе, какъ кажется, лишено всякаго основанія. Карлъ II просилъ Гордона переговорить лично съ царемъ о Кальтгофѣ. Приказъ, что Гордонъ долженъ въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій оставаться въ Нѣмецкой слободѣ, былъ сообщенъ ему

---

[1]) Шведскіе дипломаты, находившіеся въ Россіи въ первой половинѣ XVII вѣка, писали, что русскіе дипломаты должны содержаться на свой счетъ; см. *Herrmann*, Gesch. d. russ. Staats III. 540. Крижаничъ замѣчаетъ, I, 294, что русскіе дипломаты, недостаточно награждаются за расходы при своихъ путешествіяхъ и что вслѣдствіе этого они дѣлаются иногда доступными подкупу со стороны иностранныхъ правительствъ. За то Котошихинъ—спеціалистъ въ этомъ предметѣ—говоритъ прямо о содержаніи русскихъ дипломатовъ на казенный счетъ, хотя и изъ его показаній видно, что иногда приходилось приплачиваться русскимъ посланникамъ изъ своего кармана; см. гл. IV, § 18, 19, 27. Не даромъ русскій посланникъ въ Польшѣ при царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ, Тяпкинъ, постояно горько жаловался на безденежье. Разные случаи челобитень въ родѣ поданныхъ Гордономъ см. въ Памятникахъ дипломатическихъ сношеній, напримѣръ, прошеніе грека Иванова, сопровождавшаго Волкова въ Венецію, X, 1323, 1361. Онъ прямо говоритъ, что долженъ былъ во время путешествія нанимать лошадей и кормиться на свой счетъ. Не даромъ Гордонъ сначала хотѣлъ отдѣлаться отъ этой поѣздки въ Англію.

[2]) Peter d. Grosse, VI, 180.

[3]) I, XLI. Сравн. также сочиненіе *Голикова* о Гордонѣ, стр. 252.

уже въ Клинѣ, не доѣзжая до Москвы. Этотъ приказъ вообще не былъ предписаніемъ домашняго ареста. Можетъ быть, все еще опасались мороваго повѣтрія, и пребываніе Гордона въ слободѣ было чѣмъ-то въ родѣ карантина. Въ подобныхъ случаяхъ, имѣя непріятности такого рода, Гордонъ обыкновенно дѣлаетъ кое-какія замѣчанія о своемъ душевномъ волненіи, объ опасеніяхъ, досадѣ и проч. На этотъ разъ въ дневникѣ, въ продолженіе трехъ недѣль послѣ полученія приказанія оставаться въ слободѣ, нѣтъ ни малѣйшаго намека на какое-либо несчастіе, между тѣмъ какъ царская опала могла быть дѣломъ чрезвычайно серьезнымъ. За то Гордонъ очень просто разказываетъ, что онъ въ Нѣмецкой слободѣ былъ встрѣченъ своею женою и друзьями „съ большою радостью“, и что на другой день явились къ нему многіе знакомые поздравить его съ пріѣздомъ. Что касается до отношеній къ начальству, то сказано только: „Когда наконецъ онъ (Гордонъ) получилъ позволеніе прійдти въ иноземскій приказъ, то передалъ боярину грамоту короля и вмѣстѣ съ тѣмъ свой статейный списокъ. Бояринъ сказалъ ему, что ему прійдется имѣть нѣкоторое терпѣніе относительно аудіенціи у царя“. Далѣе говорится о томъ, что Гордонъ подарилъ своему тестю прекрасную лошадь съ сѣдломъ, о перепискѣ съ разными знакомыми въ Гамбургѣ и проч. Объ опалѣ ни слова. За то мы знаемъ, что Гордонъ и послѣ возвращенія изъ Англіи командовалъ тѣмъ самымъ полкомъ, которымъ онъ командовалъ прежде. Въ его послужномъ спискѣ упомянуто о поѣздкѣ въ Англію (I, 670), но ничего не сказано о царскомъ гнѣвѣ. Отправленіе въ Малороссію и пребываніе тамъ въ продолженіе нѣскольких лѣтъ не можетъ считаться ссылкою. Поэтому мы, не отвергая возможности какихъ-либо непріятностей, пока не будетъ открыта потерянная часть дневника, или пока не найдутся другіе матеріалы для рѣшенія этого вопроса, не думаемъ, чтобы царь былъ недоволенъ Гордономъ.

Пребываніе въ Малороссіи.

Съ 1667 по 1677 годъ мы имѣемъ лишь весьма скудныя свѣдѣнія о жизни Гордона, такъ какъ до сихъ поръ не найдена относящаяся къ этому періоду часть дневника. Изъ нѣкоторыхъ краткихъ замѣчаній въ дневникѣ позднѣйшаго времени, а также изъ сохранившагося послужнаго списка мы знаемъ, что онъ большую часть этого времени провелъ въ Малороссіи. Послѣ возвращенія изъ Англіи онъ со своимъ полкомъ былъ отправленъ въ Украйну и находился до

1670 года въ разныхъ городахъ, между прочимъ въ Трубчевскѣ и Брянскѣ. Въ то время происходили безпорядки въ Малороссіи; Гордона употребляли для усмиренія непокорныхъ казаковъ [1]).

Какъ кажется, въ 1669—1670 году Гордонъ совершилъ поѣздку въ Шотландію; по крайней мѣрѣ когда онъ въ 1685 году подалъ прошеніе объ увольненіи, присоединяя къ этому разныя жалобы, то (II, 83—88) указывалъ на разныя черты своей прежней жизни и служебной дѣятельности, и между прочимъ говорилъ: „Когда я въ 1670 году возвратился изъ моего отечества, я нашелъ, что жалованье офицерамъ было понижено на одну треть противъ прежняго. Я поэтому просилъ увольненія, но моя просьба не была исполнена [2]). Я долженъ былъ отправиться въ Сѣвскъ. Его величество покойный славной памяти государь отпустилъ меня милостиво и сказалъ мнѣ лично, что я въ Сѣвскѣ найду достаточное прокормленіе, что въ случаѣ какой-либо нужды я долженъ подать прошеніе, и что всѣ мои просьбы будутъ исполнены“ (II, 84).

Вѣроятно только послѣ этой поѣздки въ Шотландію скончалась первая супруга Гордона, урожденная Бокговенъ. Вторая супруга его была урожденная Ронэръ (Roonair). Ея отецъ былъ также полковникомъ [3]). Портретъ ея приложенъ къ первому тому изданія дневника; подлинникъ не сохранился; копія находится въ эрмитажѣ: здѣсь на супругѣ Гордона видна цѣпочка съ портретомъ Петра Великаго. Мы не знаемъ, когда она была удостоена этого знака отличія (II, III и III, 400).

Мы уже выше замѣтили, что четверо дѣтей отъ перваго брака, Екатерина и Мери, Джонъ и Джемсъ пережили отца. За то изъ пяти дѣтей отъ втораго брака, четверо умерло въ дѣтскомъ возрастѣ. Георгъ Стефанъ родился 24-го декабря 1682 года и умеръ 1-го но-

---

[1]) См. I, 670; II, 362—63.

[2]) Пониженіе жалованья иностраннымъ офицерамъ дѣйствительно состоялось. По случаю дѣла о спорѣ изъ-за двухъ пасторовъ лютеранской церкви, полковникъ Бауманъ заявилъ въ 1670 г. о томъ, что положеніе иноземцевъ стало хуже. «Два года тому назадъ», сказалъ онъ,—«жалованье выдавалось не деньгами, а солью, что уже было убыточно; а теперь вмѣсто 12 мѣсячныхъ окладовъ, офицеры получаютъ лишь 5. Кто проситъ увольненія, не получаетъ ни денегъ, ни увольненія и долженъ оставаться въ Россіи въ крайней бѣдности и пр.».—См. *Fechner*, Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau, Moskau, 1876, I, 347.

[3]) О немъ упомянуто въ дневникѣ, II, 240, по случаю дѣлежа его имѣнія.

ября 1684 года (II, 46) [1]. Θеодоръ Игнатій родился 14-го февраля 1681 года, какъ видно изъ письма Гордона къ іезуиту Шмидту (III, 351) по случаю его отправленія въ Браунсбергъ въ 1692 году. Мать весьма нѣжно любила этого сына и съ трудомъ разсталась съ нимъ (III, 317). Онъ также впослѣдствіи посвятилъ себя военной карьерѣ и пережилъ отца. Дочь Іоанна родилась 21-го іюня 1688 года (II, 230), а скончалась 24-го марта 1690 года (II, 299). Сынъ Петръ родился 3-го іюня 1691 года (II, 341), а умеръ 9/10-го ноября 1695 года (II, 635). Младшій сынъ Гордона Георгъ Гиларій родился 10-го сентября 1693 года (II, 416) и умеръ 5-го марта 1694 года (II, 440). Значитъ, изъ всѣхъ дѣтей отъ втораго брака, остался въ живыхъ одинъ Θеодоръ, который впрочемъ, какъ видно изъ письма Гордона къ іезуиту Шмидту (III, 318), былъ также не крѣпкаго тѣлосложенія. Когда умеръ Гордонъ, отецъ, въ 1699 году сыну его Θеодору было семнадцать лѣтъ.

Потеря первой жены, вступленіе въ новый бракъ были, безъ сомнѣнія, важнѣйшими событіями той эпохи въ жизни Гордона, которая намъ по недостатку дневника менѣе извѣстна. Дневника недостаетъ отъ конца іюня 1667 до января 1677 года, а затѣмъ отъ августа 1678 до января 1684 года. Значитъ, подробности всего времени отъ 1667 до 1684 года намъ извѣстны лишь на столько, на сколько онѣ относятся къ Чигиринскимъ походамъ.

8-го января 1677 года Гордонъ пріѣхалъ въ Москву; уже на дорогѣ онъ заболѣлъ и цѣлую недѣлю послѣ прибытія въ столицу хворалъ. Въ Москвѣ онъ оставался до конца марта. Между тѣмъ на престолъ вступилъ царь Θеодоръ Алексѣевичъ. Съ тѣхъ поръ какъ Гордонъ живалъ въ Москвѣ въ шестидесятыхъ годахъ, многое въ столицѣ измѣнилось. Покровителя Гордона при царѣ Алексѣѣ Ми-

---

[1]) Какъ кажется замѣтка о сынѣ «Григорьѣ» посѣщавшемъ школу, въ изданіи дневника, II, 28, заключаетъ въ себѣ какую-то ошибку. Имя «Григорій», чисто русское, между тѣмъ какъ всѣ прочія дѣти Гордона имѣли не русскія имена, напримѣръ, «Джемсъ», «Джонъ», «Мери» и пр. Далѣе едва ли можно считать вѣроятнымъ, чтобы Гордонъ посылалъ своего сына въ монастырскую школу; прочимъ своимъ дѣтямъ онъ давалъ домашнее воспитаніе или отправлялъ ихъ за границу для обученія въ іезуитскихъ коллегіяхъ. Къ тому же впослѣдствіи нигдѣ не упоминается о сынѣ Григоріѣ. Поэтому вѣроятно, издатель (II, 28) безъ основанія прибавилъ къ имени «Григорій» въ скобкахъ «сынъ Гордона» и напрасно въ алфавитномъ указателѣ (III, 39) отожествилъ этого «Григорія» съ сыномъ Гордона Георгомъ Стефаномъ.

хайловичѣ, царскаго тестя Ильи Даниловича Милославскаго давно не было въ живыхъ. При дворѣ явились новые люди. Находившись въ провинціи, Гордонъ не имѣлъ столькихъ связей съ разными вельможами и чиновниками въ столицѣ, какъ прежде. И вотъ ему грозила бѣда. Нѣсколько солдатъ Гордона полка, подстрекаемые, какъ онъ разказываетъ (I, 413), полковникомъ Трауерпихтомъ, подали жалобу на него. Гордонъ былъ особенно раздраженъ противъ Трауерпихта, и какъ кажется, считалъ себя нисколько не виноватымъ. Встрѣтившись 15-го января 1677 года въ домѣ князя Трубецкаго съ Трауерпихтомъ, онъ въ сильныхъ выраженіяхъ упрекнулъ своего сослуживца въ несправедливости; Трауерпихтъ не возразилъ ничего, какъ полагаетъ Гордонъ, потому что онъ самъ сознавалъ основательность упрековъ. Но на другой день, 16-го января, солдаты, сопровождаемые Трауерпихтомъ, подали свою жалобу, наполненную „наглою ложью и клеветами", какъ говоритъ Гордонъ (I, 413). 20-го января къ Гордону пришелъ шуринъ Трауерпихта съ предложеніемъ сдѣлки за 300 фунт. стерл.; этотъ господинъ брался уладить дѣло Гордона съ солдатами, если послѣдній уплатитъ ему означенную сумму. Гордонъ разгорячился и сказалъ, что скорѣе готовъ купить за нѣсколько копѣекъ веревку, чтобы повѣсить всѣхъ своихъ противниковъ. Онъ, какъ видно, пріобрѣлъ уже нѣкоторую опытность въ подобныхъ дѣлахъ, и потому счелъ нужнымъ подкупить какого-то дьяка. Отъ князя Ромодановскаго онъ узналъ, что при разборѣ жалобы солдатъ всѣ обвиненія оказались лишенными основанія и вы-ванными лишь нѣкоторою строгостью Гордона въ соблюденіи дисциплины. Вообще Ромодановскій выразился чрезвычайно благосклонно и благодарилъ Гордона за услуги, оказанныя царю. Къ тому же и изъ Сѣвска Гордонъ получилъ грамоту, подписанную жителями 19 или 20 деревень, въ которыхъ стоялъ полкъ Гордона, съ заявленіемъ о безукоризненности образа его дѣйствій. Противники Гордона, видя, что ихъ жалоба не будетъ имѣть успѣха, изъявили готовность отказаться отъ дальнѣйшаго веденія дѣла, если Гордонъ дастъ имъ пять рублей. Гордонъ соглашался на эту плату лишь на томъ условіи, чтобы солдаты открыли ему своихъ сообщниковъ, тайныхъ или закулисныхъ недоброжелателей. Такъ какъ солдаты на это не соглашались, сдѣлка не состоялась. Тѣмъ не менѣе это дѣло, имѣвшее, какъ видно, характеръ мелочной интриги, кончилось ничѣмъ. Тотчасъ послѣ окончанія этого дѣла Гордонъ уѣхалъ

изъ Москвы. Очень возможно, что только этотъ эпизодъ и былъ причиною поѣздки въ столицу.

Какъ видно, положеніе Гордона, хотя онъ долженъ былъ жить въ провинціи, было довольно прочное. Уже въ началѣ 1677 года онъ былъ хорошо знакомъ съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ, которому суждено было играть столь важную роль во время правленія царевны Софіи.

Мѣстопребываніемъ Гордона, за исключеніемъ того времени, когда онъ былъ въ походѣ или временно въ столицѣ, былъ Сѣвскъ, куда онъ и отправился весною 1677 года. Въ Сѣвскѣ онъ игралъ довольно важную роль. Онъ принималъ у себя боярина князя Ивана Борисовича Троекурова, бывшаго въ Сѣвскѣ проѣздомъ въ Кіевъ; при этомъ случаѣ и другіе вельможи были въ гостяхъ у Гордона (I, 418). Вообще упоминается часто о довольно дружескихъ сношеніяхъ Гордона съ русскою знатью. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ въ это время говорилъ свободно по-русски. Угощать Русскихъ и участвовать въ ихъ пиршествахъ онъ умѣлъ отлично. Опытность Гордона въ военныхъ дѣлахъ давала ему сильный перевѣсъ надъ многими русскими офицерами. Съ одной стороны та польза, которую онъ оказывалъ Россіи, давала ему право на всеобщее уваженіе и довѣріе; съ другой именно то значеніе, которое онъ имѣлъ въ русскомъ войскѣ, лишало его возможности оставить Россію. Въ немъ нуждались и поэтому всѣ его просьбы объ увольненіи были отклоняемы. Въ немъ нуждались болѣе прежняго особенно съ тѣхъ поръ, какъ столкновенія съ Турціей и Татарами, начиная съ 1677 года, требовали чрезвычайныхъ усилій со стороны Россіи.

Чигиринскіе походы. Просьба объ увольненіи.

Борьба за Малороссію продолжалась и послѣ Андрусовскаго мира. Гордонъ былъ, какъ мы знаемъ, свидѣтелемъ малороссійскихъ смутъ. Ему было суждено присутствовать при первомъ столкновеніи между Россіей и Турціей. Мало того: при второмъ Чигиринскомъ походѣ онъ игралъ весьма важную роль.

Извѣстно, что въ Малороссіи послѣ 1667 года не прекращались волненія; извѣстно и то значеніе, какое въ это время имѣлъ Дорошенко. Передавшись сначала на сторону Турокъ и Татаръ и затѣмъ отклонившись отъ союза съ Оттоманскою Портою, онъ сдѣлался причиною разрыва между Россіей и Турціей. Борьба за Малороссію въ

1677 и 1678 годахъ сосредоточивается около Чигирина. Уже при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ можно было предвидѣть такое столкновеніе; оно послѣдовало при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ.

Въ то самое время, когда Гордонъ въ первые мѣсяцы 1677 года находился въ Москвѣ, туда былъ привезенъ Дорошенко. Правительство должно было готовиться къ походу. Какъ скоро Гордонъ вернулся въ Сѣвскъ, началось передвиженіе войскъ. Генералъ-маіоръ Трауерпихтъ былъ назначенъ комендантомъ въ Чигиринъ. Въ Сѣвскъ пріѣзжали одинъ за другимъ русскіе вельможи: Алексѣй Петровичъ Головинъ, Кондратій Ѳомичъ Нарышкинъ, Василій Васильевичъ Голицынъ, причемъ послѣдній обѣдалъ у Гордона (I, 421). Разные стрѣлецкіе полки прошли чрезъ Сѣвскъ и отправились дальше. Гордонъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми событіями и сообщаетъ въ дневникѣ разныя любопытные слухи относительно положенія дѣлъ вообще и намѣреній Турціи въ особенности. Въ началѣ іюня Гордонъ собралъ свой полкъ. 14-го іюня онъ оставилъ Сѣвскъ и направился къ Чигирину. Сначала однако онъ пошелъ къ Курску, гдѣ по его указаніямъ были построены укрѣпленія (I,422—23). Затѣмъ у Сумъ въ августѣ происходили первыя стычки съ Татарами. О своемъ участіи въ этихъ дѣлахъ Гордонъ не сообщаетъ никакихъ подробностей. Онъ упоминаетъ только о томъ, что онъ при помощи 300 солдатъ вынулъ изъ рѣки потонувшее судно (I, 425), и что бояринъ Ромодановскій въ разныхъ случаяхъ обращался къ нему за совѣтами (I, 457). Изъ разказа Гордона видно, что русскимъ офицерамъ не нравились предложенія Гордона. Такъ напримѣръ, при переходѣ чрезъ рѣку, по мнѣнію Гордона, необходимо было занять небольшой лѣсъ, находящійся на другомъ берегу. Гордонъ и Росседормъ со своими полками переправились чрезъ рѣку и старались занять этотъ лѣсъ. Русскіе же офицеры отказывались содѣйствовать этому дѣлу (I, 427 — 428). Не смотря на такое сопротивленіе, главные начальники войска все-таки руководствовались при расположеніи шанцовъ и проч. указаніями Гордона. Онъ самъ, не достаточно поддерживаемый товарищами и солдатами, подвергался разнымъ опасностямъ, такъ что даже распространился слухъ о томъ, что онъ уже взятъ въ плѣнъ Турками. Съ большимъ трудомъ Гордонъ убѣдилъ наконецъ русскихъ офицеровъ въ необходимости дѣйствовать по его указаніямъ. Ромодановскій, какъ кажется имѣвшій полное довѣріе къ Гордону, велѣлъ благодарить его за такую настойчивость (I, 430).

Не даромъ Гордонъ могъ разчитывать по крайней мѣрѣ на уваженіе нѣкоторыхъ русскихъ военачальниковъ. Такъ напримѣръ, генералъ-маіоръ Шепелевъ, который также обращался къ Гордону за совѣтами (I, 428), звалъ его къ себѣ обѣдать и обращался съ нимъ, какъ разказываетъ Гордонъ, съ особенною учтивостью (I, 433).

Походъ 1677 года не богатъ важными событіями. Въ самомъ Чигиринѣ Гордонъ не былъ, но онъ разказываетъ подробно по чужимъ извѣстіямъ исторію осады этой крѣпости Турками. Тамъ происходило то же самое съ генералъ-маіоромъ Трауерпихтомъ, что̀ происходило съ Гордономъ. Постоянно встрѣчались случаи разногласія между Трауерпихтомъ и стрѣлецкими головами (I, 428). Приближеніе той части русскаго войска, при которой находился Гордонъ, заставило Турокъ снять осаду и удалиться. Къ тому же наступила осень, такъ что русское войско окончило свои операціи. 28-го сентября 1677 года Гордонъ возвратился въ Сѣвскъ. Постоянно встрѣчаемъ мы его въ это время въ сношеніяхъ съ важнѣйшими лицами. Такъ напримѣръ, въ ноябрѣ онъ отправился въ Рыльскъ, гдѣ происходили совѣщанія между нимъ, Ромодановскимъ и гетманомъ Самойловичемъ о принятіи мѣръ для дальнѣйшаго укрѣпленія Чигирина (I, 452). Изъ всего этого видно, что русское правительство умѣло цѣнить опытность и заслуги Гордона и не желало лишиться его именно въ то время, когда слѣдующею весною можно было ожидать возобновленія военныхъ дѣйствій.

Онъ самъ однако не переставалъ желать увольненія изъ русской службы и еще во время перваго Чигиринскаго похода серьезно мечталъ объ осуществленіи сей любимой мысли. Мы знаемъ, что встрѣчались случаи увольненія изъ русской службы другихъ Англичанъ и Шотландцевъ, сослуживцевъ Гордона. Такъ напримѣръ, въ дневникѣ Гордона упомянуто объ увольненіи Уайтфурда (Whitefuird, I, 307). Какъ кончилась исторія съ Кальтгофомъ, объ увольненіи котораго просилъ царя Алексѣя король Карлъ II чрезъ Гордона, мы не знаемъ. За то мы знаемъ, что два Шотландца Друммондъ и Дальелъ, хотя и не безъ затрудненій, получили дозволеніе возвратиться на родину (I, 353—356). Могъ ли надѣяться на такой же успѣхъ Гордонъ?

Когда кончился походъ 1677 года, на возвратномъ пути въ Сѣвскъ Гордонъ получилъ извѣстіе, что ему по его просьбѣ будетъ дозволено выѣхать изъ Россіи (12-го сентября, I, 450). Двумя днями позже, Ромодановскій, узнавъ о томъ, велѣлъ призвать Гордона и со-

общилъ ему, что онъ въ свою очередь никогда не согласится на увольненіе Гордона (I, 450). Очевидно, Ромодановскій, по случаю похода имѣвшій возможность оцѣнить по достоинству столь опытнаго и ревностнаго офицера, въ виду возобновленія военныхъ дѣйствій чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ нуждался въ Гордонѣ, который именно въ это время участвовалъ въ совѣщаніяхъ относительно втораго чигиринскаго похода.

Между тѣмъ съ другой стороны пошли просьбы объ увольненіи Гордона. Находившійся тогда въ Москвѣ англійскій посланникъ и другъ Гордона, Джонъ Гебдонъ, передалъ отъ имени короля Карла II записку съ просьбой о его увольненіи. Узнавъ о томъ чрезъ самого Гебдона, который писалъ, что царь согласился было отпустить Гордона тотчасъ послѣ возвращенія послѣдняго изъ похода, послѣдній писалъ къ боярину Василію Васильевичу Голицыну и просилъ позволенія пріѣхать въ Москву. Пріѣхавъ въ столицу 4-го января 1678 года, Гордонъ на другой же день отъ разныхъ бояръ и сановниковъ, которыхъ онъ навѣстилъ, узналъ, что царь, извѣщенный о пользѣ, оказанной Гордономъ во время послѣдняго похода, намѣренъ отправить его въ Чигиринъ. Гордонъ тотчасъ же убѣдился въ невозможности увольненія и сказалъ только, что хотя онъ къ сожалѣнію видитъ себя обманутымъ въ своихъ надеждахъ, съ которыми пріѣхалъ въ Россію, онъ сознаетъ, что царь чтитъ его порученіемъ ему важнаго и опаснаго поста, и потому считаетъ себя обязаннымъ не отказываться отъ таковой службы, но что онъ надѣется на соотвѣтствующее обезпеченіе, на пенсію и на награды (I, 456).

Какъ кажется, Гордона хотѣли назначить главнокомандующимъ въ Чигиринѣ [1]). Впослѣдствіи однако не онъ, а Ржевскій сдѣлался Чигиринскимъ комендантомъ. На самомъ же дѣлѣ Гордонъ былъ главнокомандующимъ.

Какъ мы видѣли Гордонъ въ 1677 году отличился особенно при постройкѣ укрѣпленій, шанцовъ. Въ нѣкоторыхъ бумагахъ ему давали названіе „полковника и инженера". Онъ просилъ не называть его инженеромъ, „такъ какъ онъ не знаетъ инженернаго искусства, и для полковника такой титулъ не можетъ прибавить почета"; подобныя познанія, прибавилъ онъ,—можно требовать въ нѣкоторой сте-

---

[1]) 455—456. Иначе Гордонъ не говорилъ бы о «Gefährlichen und wichtigen Posten», когда ему сказали, что царь желаетъ «ihn nach Tschigirin zu commandiren».

пени отъ каждаго офицера. Ему возразили, что на этотъ разъ расчитываютъ на его опытность и ревность и въ этомъ отношеніи, и что впредь его не станутъ безпокоить подобными порученіями. Гордонъ, не смотря на всѣ свои возраженія и просьбы, не могъ получить болѣе чѣмъ обѣщанія будущихъ наградъ. При аудіенціи царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ употребилъ самыя общія выраженія. Затѣмъ, Гордонъ получилъ однако сверхъ жалованья чрезвычайную сумму 100 рублей (I, 457).

1-го февраля онъ выѣхалъ изъ Москвы. Вскорѣ послѣ того начался второй Чигиринскій походъ. И какъ главнокомандующій въ этой важной крѣпости, и какъ инженеръ Гордонъ при этомъ случаѣ оказалъ Россіи самыя существенныя услуги. Защита Чигирина можетъ считаться чуть-ли не самымъ важнымъ подвигомъ всей военной карьеры его. Никогда, ни позже, ни прежде жизнь его такъ часто не находилась въ опасности, и Русскіе не имѣли случая нуждаться столько въ знаніи дѣла и въ храбрости Гордона, какъ при этой осадѣ. Тутъ русскіе офицеры, сослуживцы и подчиненные Гордона одинаково сознавали и перевѣсъ западно-европейскаго военнаго искусства, и неловкость зависимости отъ иностранца, готоваго каждую минуту жертвовать своею жизнію и жизнію другихъ для Россіи и ея военной чести.

Приготовленія къ чигиринскому походу въ 1678 г. начались рано. Уже 19-го февраля Гордонъ выѣхалъ изъ Сѣвска. Онъ былъ въ перепискѣ съ окольничимъ Иваномъ Ивановичемъ Ржевскимъ, который былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Чигиринъ. Въ Батуринѣ онъ имѣлъ совѣщанія съ гетманомъ Самойловичемъ о мѣрахъ для укрѣпленія и обороны Чигирина, а также о постройкѣ разныхъ укрѣпленій у Батурина. Такъ какъ дневникъ прерывается на 13-мъ марта и представляетъ пробѣлъ до 28-го апрѣля, мы не имѣемъ подробныхъ указаній на дѣйствія Гордона въ эти полтора мѣсяца. О томъ, что происходило затѣмъ до августа въ Чигиринѣ, Гордонъ разказываетъ весьма подробно. Изъ этого разказа видно, что онъ пользовался въ крѣпости большимъ значеніемъ, такъ сказать, былъ душою важнѣйшихъ мѣръ, принятыхъ для ея обороны, и все время отличался неутомимою дѣятельностью и чрезвычайною неустрашимостью.

Объ отношеніяхъ Гордона къ Ржевскому сказано не много. Въ іюлѣ былъ случай разногласія между ними: Ржевскій хотѣлъ снять какую-то стѣну, между тѣмъ какъ Гордонъ доказывалъ необходимость дальнѣйшей отстройки и починки этого вала (I, 481). Воля

Ржевскаго была исполнена. Онъ, какъ говоритъ г. Соловьевъ [1]), былъ извѣстенъ своею распорядительностью и умѣлъ ладить съ Малороссіянами, что доказалъ во время своего воеводства въ Нѣжинѣ. Но настоящимъ спеціалистомъ въ дѣлѣ обороны крѣпости оказывается Гордонъ. Онъ послалъ боярину Голицыну планъ Чигиринской крѣпости; по его указаніямъ все время совершались постройки укрѣпленій; онъ оказался техникомъ-изобрѣтателемъ. По его указаніямъ были сдѣланы жерновы для ручныхъ мельницъ; онъ придумалъ новаго рода тачки; имъ были изобрѣтены какіе-то особые габіоны (467, 468, 469) и пр.

По прежнему Гордона уважало высшее начальство; въ нёмъ сильно нуждались и давали ему самыя важныя порученія. Но сослуживцы, подчиненные его, весьма часто были имъ недовольны. Онъ самъ работалъ неусыпно, требовалъ такой же работы и отъ другихъ, подвергался страшнымъ опасностямъ и въ рѣшительную минуту не щадилъ ввѣренныхъ ему солдатъ. Есть основаніе думать, что Гордонъ былъ строгимъ начальникомъ; его можно на этотъ счетъ сравнить съ Минихомъ. Съ другой стороны встрѣчаются нѣкоторыя черты, указывающія на популярность Гордона. Онъ самъ весьма часто былъ недоволенъ и офицерами, и солдатами; происходили случаи неповиновенія,—дисциплиною въ это время нельзя было хвалиться [2]). Когда Гордонъ началъ руководить работами въ Чигиринѣ, и между прочимъ, хотѣлъ провести какой-то широкій ровъ, казаки начали роптать, и Гордонъ долженъ былъ отказаться отъ своего предположенія (I. 466). Когда онъ благодаря своей технической изобрѣтательности выпавшую на долю его солдатъ работу исправлялъ скорѣе, чѣмъ другіе офицеры, то послѣдніе были весьма недовольны этимъ (I. 468). Разныя распоряженія Гордона считались Русскими излишними, и потому они весьма неохотно исполняли его приказанія (I. 471). Бывали случаи, что войска прямо отказывались работать, и Гордонъ долженъ былъ убѣждать, уговаривать, перемѣнять свои планы, сообразжаясь съ этимъ обстоятельствомъ (I. 472). Часто возникали разногласія въ отношеніи къ предполагаемымъ постройкамъ. Сторонники Гордона не смѣли изъявлять своего согласія съ нимъ (I. 474). Иногда русскіе офицеры, которые не видали такихъ укрѣпленій, какія пред-

[1]) XIII, 271.

[2]) См. напр. прекрасное изложеніе недостатковъ русскаго войска въ письмѣ И. Посошкова къ Головину.

полагалъ сооружать Гордонъ, выражали удивленіе и сомнѣнія и старались препятствовать исполненію его проектовъ. Вездѣ Гордонъ оказывался необходимымъ—и при разныхъ опытахъ съ пушками, и при обозрѣніи припасовъ и пр.

Турецкое войско явилось 8-го іюля. 9-го іюля Гордонъ сдѣлалъ вылазку, но долженъ былъ отступить къ крѣпости. На другой день Русскіе намѣревались повторить то же самое съ большимъ числомъ солдатъ. Гордонъ требовалъ, чтобъ ему было поручено веденіе этого дѣла. Однако всѣ офицеры, члены военнаго совѣта, протестовали, утверждая, что не должно употреблять его при столь опасномъ предпріятіи; Гордонъ настаивалъ было на своемъ, но комендантъ Ржевскій кончилъ споръ указаніемъ на особенную инструкцію отъ царя, въ силу коей Гордонъ не долженъ былъ участвовать ни въ какихъ вылазкахъ. Гордонъ повиновался, замѣтивъ впрочемъ, что въ случаѣ крайней нужды онъ не будетъ щадить себя. Другіе полковники въ свою очередь рѣшили, что и имъ не слѣдуетъ участвовать въ вылазкахъ. Гордонъ объяснялъ это рѣшеніе трусостью полковниковъ (I. 489). Вообще Гордонъ весьма часто былъ крайне недоволенъ духомъ офицеровъ и солдатъ. Небрежность стрѣльцовъ доставила Туркамъ возможность подвинуть впередъ свои траншеи (I. 492). По случаю одной вылазки Гордонъ обѣщалъ дать каждому солдату, который возьметъ непріятельское знамя или приведетъ плѣннаго, 5 руб., зная впередъ „что не рискуетъ многимъ“ при этомъ случаѣ (I. 493). Однажды Гордонъ въ сильныхъ выраженіяхъ упрекнулъ русскихъ полковниковъ въ томъ, что они ночью оставили ввѣренный имъ контрескарпъ; съ большимъ трудомъ убѣдилъ онъ ихъ оставаться на этомъ мѣстѣ въ слѣдующую ночь (I. 491).

Когда наступленіе Турокъ становилось все болѣе и болѣе опаснымъ и уже въ разныхъ мѣстахъ были сдѣланы ими бреши, Гордонъ всегда былъ на самыхъ опасныхъ мѣстахъ „Никто“, говоритъ онъ,— „не зналъ, что дѣлать: всѣ прибѣжали къ Гордону и требовали, чтобъ онъ придумалъ какое-либо средство остановить непріятеля. Видя, что всѣ надѣялись на его изобрѣтательность, между тѣмъ какъ никто не желалъ подвергать себя опасности, такъ какъ всѣ были убѣждены, что Гордонъ и другіе иностранцы могутъ творить какія-то чудеса,—онъ считалъ болѣе полезнымъ лишить ихъ всякой надежды на какую-либо особенную военную хитрость и прямо объявилъ имъ, что нѣтъ другаго средства спасенія какъ отстаиваніе каждымъ ввѣреннаго ему поста“ (I. 500). За Гордономъ посылали

каждый разъ, когда въ какомъ-либо мѣстѣ была крайняя опасность (I. 504). Однажды онъ бросился на встрѣчу Туркамъ, сдѣлавшимъ брешь, но за исключеніемъ одного маіора и семи или восьми человѣкъ рядовыхъ никто не послѣдовалъ за нимъ (I. 507).

Впрочемъ и онъ однажды поступилъ, какъ намъ кажется, не особенно правильно. Защищая особенно опасный постъ, Гордонъ видѣлъ невозможность держаться въ этомъ мѣстѣ. „Не желая“, говоритъ онъ простодушно,—„чтобъ этотъ брустверъ такъ сказать погибъ въ его рукахъ, онъ при восходѣ солнца требовалъ смѣны съ этого поста. Русскіе полковники не соглашались, требуя, чтобы Гордонъ оставался еще цѣлыя сутки на этомъ мѣстѣ. Послѣ долгихъ споровъ Ржевскій рѣшилъ вопросъ въ пользу Гордона. Въ 9 часовъ Гордонъ былъ смѣненъ; въ 10 часовъ Турки взяли это мѣсто приступомъ“ (I. 499). Разумѣется, такой образъ дѣйствій Гордона можетъ показаться нѣсколько іезуитскимъ; но мы не знаемъ, долго ли Гордонъ находился уже въ этомъ мѣстѣ, и какимъ образомъ вообще полковники чередовались въ подобныхъ случаяхъ. Во всякомъ случаѣ храбрость Гордона не подлежала ни малѣйшему сомнѣнію, какъ между прочимъ видно это изъ того обстоятельства, что онъ нѣсколько разъ былъ раненъ въ это время. 10-го іюля рука Гордона была повреждена кускомъ дерева, оторваннаго пушечною пулею (I. 491). Двумя днями позже у него упавшею бомбою были повреждены „до костей“ три пальца лѣвой руки (I. 493). 15-го іюля Гордонъ былъ сильно раненъ выстрѣломъ въ носъ и подбородокъ (I. 495). 28-го іюля онъ былъ раненъ въ лѣвую ногу ручною гранатою (I. 499). 30-го іюля онъ три раза былъ раненъ въ правую ногу ручными гранатами (I. 503).

Уже три недѣли продолжалась осада. Русскія войска подъ начальствомъ Ромодановскаго не приближались. Положеніе становилось отчаяннымъ. Наконецъ 3-го августа показалось русское войско. Въ этотъ самый день, не стало Ржевскаго. Онъ взошелъ на стѣны и сталъ выражать сильную радость, увидавъ приближавшіеся русскіе полки, но въ эту же самую минуту былъ убитъ гранатою [1]). Вечеромъ того же дня пришли къ Гордону полковники и офицеры съ просьбою, чтобъ онъ взялъ на себя главное начальство въ крѣпости, такъ какъ по праву это мѣсто принадлежало ему, и всѣ были готовы повиноваться безусловно его повелѣніямъ. Мы не знаемъ, на чемъ основывалось подобное право Гордона. Онъ былъ полковникомъ, какъ и

---

[1]) *Соловьевъ*, XIII; 273 *Гордонъ*, I, 510.

многіе другіе. Можетъ быть, сослуживцы имѣли особенное довѣріе къ его способностямъ и къ опытности и знали, что правительство умѣло цѣнить его заслуги. Въ своемъ дневникѣ онъ разказываетъ объ этомъ фактѣ весьма кратко, какъ будто о дѣлѣ обыкновенномъ. Все осталось впрочемъ по прежнему, ибо очевидно, и при Ржевскомъ онъ же руководилъ бо̀льшею частью работъ. Вмѣсто того, чтобы помочь осажденнымъ, Ромодановскій требовалъ напротивъ, чтобы Гордонъ уступилъ ему нѣсколько полковъ изъ находившихся въ Чигиринѣ. Гордонъ возражалъ; Ромадоновскій отказался отъ своего требованія, но нѣкоторые русскіе полковники, считавшіе пребываніе въ лагерѣ Ромодановскаго болѣе безопаснымъ, чѣмъ въ крѣпости, хотѣли непремѣнно оставить Чигиринъ. Гордонъ долженъ былъ жаловаться боярамъ на нерадѣніе офицеровъ, которымъ бояре прислали приказаніе держать себя лучше и во всѣхъ отношеніяхъ слушаться Гордона.

Между тѣмъ, успѣхи Турокъ продолжались, а въ крѣпости усиливалось уныніе. Тщетно Гордонъ убѣждалъ Ромодановскаго переходомъ чрезъ рѣку Тясминъ помочь крѣпости. Валъ былъ сильно поврежденъ во многихъ мѣстахъ, и Гордонъ постоянно былъ недоволенъ небрежностью, съ которою работали солдаты, имѣвшіе порученіе исправлять эти поврежденія. Особенно казаки оказывали явное нерадѣніе. Когда Ромодановскій прислалъ стрѣлецкаго полковника Грибоѣдова для осмотра крѣпости и выразилъ желаніе, чтобы была сдѣлана вылазка, Гордонъ убѣдилъ его въ невозможности этого слѣдующимъ образомъ: онъ выбралъ 150 лучшихъ людей изъ всѣхъ полковъ съ 10-тью или 15-тью лучшими офицерами; для поддержанія въ нихъ мужества онъ велѣлъ раздать имъ порядочную порцію водки и затѣмъ самъ вывелъ ихъ изъ ретраншемента средняго больверка. Однако, вскорѣ только пятая часть отряда подвинулась впередъ и дѣйствительно причинила вредъ Туркамъ. Остальныхъ никакимъ способомъ нельзя было принудить выйдти изъ рва, окружавшаго ретраншементъ. Такъ какъ на нихъ начали падать ручныя гранаты въ большемъ даже числѣ, чѣмъ на подвигавшихся впередъ, они ударились въ бѣгство: Гордонъ въ тѣсномъ проходѣ хотѣлъ удержать ихъ, но подвергся большой опасности: одинъ изъ солдатъ дротикомъ прокололъ ему чулокъ, другіе угрожали ему. Этотъ случай для полковника Грибоѣдова могъ служить достаточнымъ доказательствомъ, что такимъ путемъ нельзя было ожидать успѣха.

Гордонъ однако, не унывая, продолжалъ дѣйствовать. Опасность со дня на день становилась болѣе серьёзною. Къ сожалѣнію, Ромо-

дановскій не помогалъ осажденнымъ, его распоряженія иногда не согласовались съ намѣреніями Гордона. Сообщеніе между осажденными и главнымъ войскомъ было затруднительно. Турки штурмовали со всѣхъ сторонъ; разныя зданія загорѣлись, уже въ самой крѣпости происходили схватки съ Турками. Всѣ начали думать о своемъ спасеніи. Гордонъ между тѣмъ до послѣдней минуты отстаивалъ отдѣльныя части крѣпости. 11-го августа вечеромъ онъ узналъ, что многіе офицеры начали отправлять свои пожитки изъ крѣпости въ лагерь Ромодановскаго. Онъ тотчасъ же созвалъ полковниковъ и упрекнулъ ихъ за это; тогда одинъ изъ офицеровъ шепнулъ ему, что бояре прислали адъютанта съ приказаніемъ выйдти изъ крѣпости; Гордонъ возразилъ, что онъ безъ письменнаго приказанія не можетъ этого исполнить, что онъ имѣетъ приказаніе скорѣе умереть, чѣмъ оставить свой постъ. Въ третьемъ часу почи письменное приказаніе было ему доставлено. Нѣкоторые полковники уже не находились болѣе въ крѣпости; остальныхъ Гордонъ велѣлъ созвать, показалъ имъ приказъ бояръ и распорядился о взятіи изъ крѣпости или о зарытіи въ землю пушекъ. Онъ разказываетъ, что русскіе офицеры отказывались исполнить приказаніе на счетъ пушекъ, и что только нѣкоторые иностранцы принялись за работу, но такъ какъ недоставало людей, Гордонъ долженъ былъ отпустить и ихъ. Всѣ спаслись, кто какъ могъ, только Гордонъ еще оставался, желая собрать солдатъ, находившихся въ разныхъ мѣстахъ укрѣпленій. Наконецъ онъ самъ зажегъ магазинъ, въ которомъ находились припасы. Подробно разказываетъ онъ, какъ, пользуясь ночною мглою, пробрался сквозь густую толпу Турокъ и послѣ разныхъ опасностей и въ совершенномъ изнеможеніи достигъ лагеря бояръ, которые уже совѣщались о порядкѣ отступленія (I. 541—543).

На другой день все войско отступило ко Днѣпру. Не обошлось и тутъ безъ мелкихъ схватокъ съ Турками и Татарами (I. 552), при чемъ Гордонъ продолжалъ оказывать услуги.

Кончивъ разказъ объ осадѣ Чигирина, Гордонъ замѣчаетъ: „Такимъ образомъ оборонялся и былъ оставленъ и потерянъ, но не завоеванъ Чигиринъ“ (I. 544). Онъ могъ быть доволенъ своимъ образомъ дѣйствій. Все, что только можно было сдѣлать для обороны Чигирина, онъ сдѣлалъ. Неудача объясняется, кажется, отчасти разпузданностью войска и неуспѣшнымъ дѣйствіемъ Ромодановскаго, который въ свою очередь боролся съ непослушаніемъ офицеровъ. Еслибы всѣ исполнили свой долгъ столь же ревностно, какъ Гордонъ.

то Чигиринъ, вѣроятно, остался бы въ рукахъ Русскихъ. Потеря Чигирина была чувствительнымъ ударомъ для Россіи. Гордонъ, жившій до этого нѣсколько лѣтъ въ Малороссіи, умѣлъ цѣнить важность этого мѣста, бывшаго когда-то столицею Богдана Хмѣльницкаго.

Правительство умѣло оцѣнить услуги, оказанныя Гордономъ Россіи. 20-го августа 1678 года, значитъ, непосредственно послѣ окончанія чигиринскаго дѣла, онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, какъ сказано въ его послужномъ спискѣ—„за службу въ Чигиринѣ" (II. 363).

Однако это повышеніе чиномъ не могло измѣнить его желанія оставить Россію. Такъ какъ дневникъ прерывается въ сентябрѣ 1678 года и представляетъ пробѣлъ до января 1684 года, мы не знаемъ подробностей повторенія просьбы объ отставкѣ послѣ втораго чигиринскаго похода. Изъ нѣкоторыхъ разбросанныхъ здѣсь и тамъ, въ дневникѣ позднѣйшаго времени, замѣтокъ, мы о судьбѣ Гордона до 1684 года узнаемъ слѣдующее:

11-го сентября 1678 года было распущено войско (I. 557), и до того Гордонъ находился при немъ (II. 363). Затѣмъ онъ пріѣхалъ въ Москву въ надеждѣ, основанной на прежнихъ обѣщаніяхъ царя, получить увольненіе. Но уже до этого было рѣшено, что онъ долженъ отправиться въ Кіевъ. Очевидно, такое распоряженіе состояло въ связи съ предположеніемъ, что Турки сдѣлаютъ нападеніе на этотъ городъ. Этотъ постъ также, какъ и прежній въ Чигиринѣ, считался особенно опаснымъ. Гордонъ чтобы не показать вида, что онъ уклоняется отъ какой-либо опасной службы, долженъ былъ опять отказаться отъ своей надежды возвратиться на родину и отправился въ Кіевъ.

Въ Кіевѣ онъ оставался до 1686 года, иногда впрочемъ посѣщая на короткіе сроки Москву.

Можно считать счастьемъ для Гордона, что въ 1682 году во время стрѣлецкаго бунта онъ не находился въ Москвѣ. Тамъ погибъ Ромодановскій, а также разные иноземцы. Строгость Гордона, его старанія пріучить русскихъ солдатъ къ дисциплинѣ легко могли повести къ тому, чтобъ онъ былъ убитъ во время ужаснаго кризиса 1682 года.

Жизнь Гордона.

Пребываніе въ Кіевѣ въ 1678—1686 годахъ.

Каково было положеніе Гордона въ Кіевѣ до 1684 года, мы не знаемъ. Въ 1681 г. кончилась война съ Турціей, и вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжавшаяся 27 лѣтъ борьба за Малороссію. Кіевъ остался въ рукахъ Россіи. Въ 1678 году заключено вновь перемиріе между Россіей и Польшею на 13 лѣтъ. Вѣчное докончаніе состоялось въ 1686 г. Кое-какія менѣе важныя столкновенія съ Польшею происходили въ то время, когда Гордонъ находился въ Кіевѣ, между прочимъ, изъ-за запорожскихъ казаковъ, которые, на основаніи заключенныхъ между Польшей и Россіей трактатовъ, должны были состоять подъ покровительствомъ обѣихъ державъ. Гордонъ, конечно, принималъ участіе въ этихъ дѣлахъ, и безъ сомнѣнія, утраченная часть его дневника (съ 1678 по 1684 годъ) заключала въ себѣ много любопытныхъ данныхъ о событіяхъ той эпохи.

Гордонъ все время съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за современными политическими событіями и съ разныхъ сторонъ получалъ письма, въ которыхъ сообщались ему свѣдѣнія объ отношеніяхъ различныхъ державъ къ Портѣ, о дѣлахъ въ Польшѣ, о разныхъ происшествіяхъ въ Англіи. Служебная дѣятельность его имѣла довольно важное значеніе. Въ Сѣвскѣ по его указаніямъ были построены кое-какія укрѣпленія. Иногда между гетманомъ Самойловичомъ и Гордономъ происходили совѣщанія о политическихъ дѣлахъ (II, 15). Подъ его руководствомъ производились въ Кіевѣ разныя постройки (II, 20, 44); онъ находился, сколько можно судить по дневнику, въ хорошихъ отношеніяхъ съ разными сановниками, духовными лицами и сослуживцами. Такъ, напримѣръ, бывалъ иногда у игумена Печерскаго монастыря (II, 22) и давалъ совѣты по случаю производившихся тамъ построекъ (II, 29).

Главною обязанностью Гордона въ 1684 и 1685 годахъ было наблюденіе за сооруженіемъ укрѣпленій въ Кіевѣ. Объ этомъ въ дневникѣ говорится нѣсколько разъ (II, 81, 94) [1]. Вообще же, кажется,

---

[1]) Въ 1679 году, какъ видно изъ Разрядныхъ книгъ, II, 1173, Гордонъ представилъ проектъ о такихъ работахъ.

Гордонъ не былъ заваленъ дѣлами и могъ посвящать много времени разнаго рода увеселеніямъ. И Русскіе, и иностранцы, находившіеся въ Кіевѣ, любили устраивать пирушки разнаго рода. Объ обѣдахъ, ужинахъ, попойкахъ, балахъ и маскарадахъ въ дневникѣ говорится весьма часто. Нередко ѣзжалъ онъ и на охоту (II. 39, 47, 70, 80, 117). Лѣтомъ онъ съ пріятелями предпринималъ поѣздки въ окрестности Кіева. Вообще жизнь его текла мирно, и только по временамъ покой его нарушался случайнымъ нездоровьемъ.

Довольно важнымъ эпизодомъ, прервавшимъ на нѣсколько недѣль этотъ порядокъ жизни, была поѣздка въ Москву, гдѣ мы застаемъ его въ началѣ 1684 года. Въ Москвѣ въ то время важнѣйшую роль игралъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, съ которымъ Гордонъ находился въ сношеніяхъ еще съ царствованія Ѳеодора Алексѣевича. Гордонъ, какъ кажется, пользовался въ то время особеннымъ расположеніемъ любимца царевны Софіи, бывалъ у него весьма часто и бесѣдовалъ съ нимъ о важныхъ политическихъ вопросахъ. Такъ, напримѣръ, 16-го января онъ имѣлъ съ Голицынымъ „тайную“ бесѣду о состояніи дѣлъ въ Кіевѣ, о заключеніи союза съ Польшей и съ императоромъ Леопольдомъ и о походѣ въ Крымъ. Бояринъ, пишетъ Гордонъ,— былъ склоненъ къ предпріятію противъ Татаръ; на Польшу онъ однако при этомъ не надѣялся и вообще понималъ тѣ затрудненія, которыя предстояли въ такомъ походѣ. Гордонъ, напротивъ того, не сомнѣвался въ успѣхѣ и указывалъ на цѣлый рядъ благопріятныхъ обстоятельствъ, которыми, по его мнѣнію, должно было пользоваться. Бояринъ просилъ Гордона изложить свои соображенія въ особенной запискѣ, и тотъ на другой же день поднесъ Голицыну довольно обширный мемуаръ объ этомъ предметѣ (II, 4).

Записка Гордона о восточномъ вопросѣ, сообщенная цѣликомъ въ дневникѣ, замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Обширность ея (семь страницъ въ 8-ю д. л. въ изданіи дневника) можетъ служить доказательствомъ того, что Гордонъ былъ въ состояніи въ самое короткое время изложить весьма ясно и отчетливо довольно сложные политическіе вопросы. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно удивляться и нѣкоторой смѣлости, съ которою Гордонъ затрогиваетъ нѣсколько щекотливые предметы. Содержаніе записки состоитъ въ слѣдующемъ: Сперва Гордонъ доказываетъ, что Россія нуждается въ мирѣ, потому что цари малолѣтніе, и регентство, начавшее неудачную войну, легко можетъ навлечь на себя гнѣвъ государей, какъ скоро они достигнутъ совер-

шеннолѣтія. При двоевластіи въ государствѣ легко могутъ возникнуть раздоры, борьба партій, соперничество вельможъ, а все это во время войны легко можетъ повести къ неуспѣху военныхъ дѣйствій. Недостатокъ въ денежныхъ средствахъ, плохая дисциплина въ войскѣ, миролюбіе Русскихъ вообще, въ особенности же вельможъ и сановниковъ, существованіе мирныхъ договоровъ между Русскими и Татарами, убѣжденіе Русскихъ, что никогда не слѣдуетъ вести наступательную войну, недовѣріе къ союзникамъ, и въ особенности къ Польшѣ— вотъ, по мнѣнію Гордона, главные аргументы противъ войны. Затѣмъ онъ старается опровергнуть всѣ эти доводы. Такъ, напримѣръ, онъ указываетъ на разные примѣры удачныхъ войнъ, какъ-то на войны, начатыя во время малолѣтства короля Англійскаго Генриха V и на военныя дѣйствія Шведовъ въ Германіи во время малолѣтства королевы Христины. На согласіе вельможъ и сановниковъ Гордонъ надѣется, такъ какъ согласіе—въ ихъ собственномъ интересѣ. Финансовыя затрудненія кажутся ему ничтожными. Усердіе военныхъ людей можетъ-де быть поддерживаемо наградами и наказаніями. На договоры съ Татарами, постоянно ихъ нарушающими, не должно обращать вниманія. Если даже Россія начнетъ войну, то такая война не можетъ считаться наступательною, потому что Татары въ свою очередь довольно часто въ мирное время предпринимали разные набѣги на русскія владѣнія, оскорбляли русскихъ дипломатовъ и пр. На содѣйствіе Польши можно надѣяться потому, что Польша многимъ будетъ обязана Россіи. Впрочемъ, Гордонъ не особенно надѣется на дружескія сношенія между Польшей и Россіей. Въ пользу войны, по мнѣнію Гордона, можно привести еще слѣдующіе аргументы: Польша будетъ воевать съ Татарами; въ случаѣ успѣшнаго хода этой войны, Польша можетъ сдѣлаться опасною для Россіи въ томъ случаѣ, когда Россія не будетъ участвовать въ войнѣ. Въ случаѣ неудачи Польши, Турки и Татары станутъ требовать для себя части польскихъ малороссійскихъ владѣній и даже части русскихъ областей. Еслибы Польша сдѣлалась вассальнымъ владѣніемъ Турціи, то это обстоятельство можетъ быть весьма гибельно для Россіи. Что касается до малороссійскихъ казаковъ, то Гордонъ допускаетъ, что съ ихъ стороны грозитъ нѣкоторая опасность, и что они легко могутъ думать о присоединеніи вновь къ Польшѣ, воспользовавшись при этомъ случаѣ военными дѣйствіями обѣихъ державъ; но принятіемъ нѣкоторыхъ мѣръ предосторожности Гордонъ надѣется предупредить эту опас-

ность. Вообще Гордонъ не сомнѣвается въ успѣхѣ въ войнѣ съ Татарами. Онъ считаетъ весьма легкою задачей истребленіе гнѣзда невѣрныхъ, чѣмъ можно „оказать существенную услугу Богу", освобожденіе изъ плѣна многихъ тысячъ христіанъ, пріобрѣтеніе громкой славы опустошеніемъ Крымскаго полуострова, избавленіе христіанства отъ этого „ядовитаго, проклятаго и скверпаго изчадія", мщеніе за столь многія обиды, нанесенныя Татарами Русскимъ въ продолженіе многихъ столѣтій, обогащеніе Россіи путемъ такого завоеванія. По мнѣнію Гордона, Крымъ можно занять посредствомъ войска въ 70,000 чел. пѣхоты и 20,000 чел. конницы. Походъ въ Крымъ развѣ только тѣмъ представляетъ затрудненіе, что на пути туда два дня нужно идти безводною степью. Съ другой стороны, степь представляетъ собою то удобство, что при отсутствіи лѣсовъ, холмовъ, болотъ, узкихъ проходовъ и пр. войско во время похода всюду можетъ идти въ боевомъ порядкѣ. Въ концѣ записки Гордонъ говоритъ объ опасности, заключающейся въ томъ, что чрезъ слишкомъ долгій миръ русское войско совсѣмъ отвыкнетъ отъ ратнаго дѣла, между тѣмъ какъ окрестныя государства постоянно упражняются въ войнѣ. (II, 4—11).

Какъ видно, нѣкоторыя соображенія Гордона впослѣдствіи оказались вполнѣ основательнными. Неудавшіеся походы сильно не понравились Петру и, совершенно согласно съ опасеніями Гордона, навлекли гнѣвъ Петра на того самаго Голицына, для котораго Гордонъ списалъ свой мемуаръ. Опасенія Гордона относительно вражды и соперничества между вельможами также сбылись во время Крымскихъ походовъ: изъ переписки Голицына съ Шакловитымъ извѣстно, что во время отсутствія Голицына другіе вельможи крамолили противъ него въ Москвѣ. За то главная мысль Гордона, его вѣра въ успѣхъ войны не нашла себѣ оправданія. Онъ считалъ возможнымъ занятіе Крыма; но русскія войска не проникли туда ни въ 1687, ни въ 1689 году.

Впрочемъ, эту ошибку онъ раздѣляетъ съ другимъ современнымъ ему публицистомъ — съ Юріемъ Крижаничемъ. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, знаменитый „Серблянинъ" въ гораздо болѣе сильныхъ выраженіяхъ проповѣдывалъ войну противъ Татаръ, мечталъ о занятіи Крымскаго полуострова, объ изгнаніи оттуда всѣхъ мусульманъ, не желавшихъ принять христіанскую вѣру, и даже о перене-

сеніи въ Крымъ столицы Россіи [1]). Ни Крижаничъ, ни Гордонъ, ни русское правительство не могли ожидать ужасной неудачи походовъ 1687 и 1689 годовъ. Но наиболѣе достойна порицанія ошибочность соображеній именно у Гордона, который, какъ опытный полководецъ, знакомый съ недостатками русской военной администраціи и съ затрудненіями, представляемыми безводною степью, по настоящему долженъ былъ серьезнѣе смотрѣть на такого рода предпріятія.

Мы не знаемъ, какъ была принята записка Гордона, какое впечатлѣніе она произвела на Голицына. Гордонъ оставался въ столицѣ еще нѣсколько недѣль послѣ передачи боярину записки, но какъ кажется, между ними не было болѣе никакихъ совѣщаній объ этомъ предметѣ. Устряловъ [2]), сообщая записку Гордона, замѣчаетъ: „Ничто не могло быть основательнѣе мнѣнія Гордона при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Голицынъ, кажется, выслушалъ его равнодушно: по крайней мѣрѣ, не отмѣнилъ даннаго полномочнымъ коммисарамъ въ Андрусовѣ наказа объ уклоненіи отъ наступательнаго союза съ Польшею противъ Турціи, и чрезъ мѣсяцъ послѣ совѣщаній съ Гордономъ получено было въ Москвѣ извѣстіе, что переговоры въ Андрусовѣ были прерваны. Первый крымскій походъ состоялся лишь чрезъ три года спустя.

Не смотря на то, что Гордонъ имѣлъ въ столицѣ сильныхъ покровителей, его желанія, выраженныя во время пребыванія въ Москвѣ, не исполнились. Онъ пріѣхалъ собственно съ цѣлью хлопотать о переводѣ въ Москву. Желая быть допущеннымъ къ царской рукѣ, онъ узналъ, что по случаю болѣзни Петра, страдавшаго въ то время оспою, можно видѣть только царя Ивана; Гордонъ сначала хотѣлъ ждать воздоровленія Петра, затѣмъ однако рѣшился просить аудіенціи у одного Ивана. 22-го происходила эта аудіенція. Гордонъ замѣчаетъ, что Иванъ былъ вида болѣзненнаго, слабаго и печальнаго. Поцѣловавъ царскую руку, Гордонъ представлялся и царевнѣ Софіи, которая благодарила его за службу и приказала ему готовиться немедленно къ возвращенію въ Кіевъ. Гордонъ просилъ принять въ соображеніе его печальныя обстоятельства, называлъ себя „разорившимся человѣкомъ“, указывалъ на то, что онъ уже пять лѣтъ про-

---

[1]) См. мою статью «Юрій Крижаничъ о восточномъ вопросѣ» въ сборникѣ *Древняя и Новая Россія*, декабрь 1876 года

[2]) Ист. Петра Вел., I, 129—133.

жилъ въ Кіевѣ и желалъ бы получить отпускъ на короткое время. Но ему отвѣтили сухо повтореніемъ приказапія ѣхать обратно въ Кіевъ (I, 12).

Не смотря на рѣшительный отказъ, Гордонъ однако не унывалъ и настаивалъ на своемъ. На другой же день по утру онъ отправился къ Голицыну и просилъ, чтобъ его не отправляли обратно въ Кіевъ. Бояринъ обѣщалъ подумать о томъ, но два дня спустя далъ Гордону совѣтъ безпрекословно ѣхать, куда его посылали. Сахарное пирожное, принесенное Гордону въ тотъ же день отъ царскаго имени въ знакъ милости, едва ли было достаточнымъ утѣшеніемъ для него (II, 13).

Когда Гордонъ, нѣсколько дней спустя, явился откланиваться къ Голицыну, бояринъ похвалилъ его за уступчивость, замѣтивъ при этомъ, что касательно дозволенія оставить Россію Гордонъ можетъ надѣяться на него. Говорилъ ли Голицынъ о временномъ отпускѣ, или о полномъ увольненіи—мы не знаемъ. За то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что самъ Гордонъ не переставалъ мечтать о совершенномъ возвращеніи на родину. Между тѣмъ онъ воспользовался нѣкоторыми матеріальными выгодами: въ Москвѣ онъ добился полученія вдругъ половины годоваго жалованья, успѣлъ продать казнѣ домъ, принадлежавшій ему въ Сѣвскѣ, и выхлопоталъ себѣ возвращеніе Чигиринскихъ убытковъ (II, 14).

Путешествіе въ Кіевъ въ мартѣ мѣсяцѣ было весьма трудно по случаю разлива рѣкъ. Цѣлый мѣсяцъ Гордонъ былъ въ дорогѣ; въ это время его главнымъ образомъ занималъ вопросъ объ увольненіи, о чемъ онъ, по видимому, просилъ въ Москвѣ. Но въ октябрѣ 1684 года онъ получилъ отъ полковника Менгдена извѣстіе, что на челобитье его послѣдовалъ отказъ (II, 42). Онъ объяснялъ себѣ это тѣмъ, что не имѣлъ въ Москвѣ надежнаго ходатая (II, 49). Въ началѣ 1685 года Гордонъ взялся за дѣло весьма серьезно и написалъ множество писемъ въ Москву, все съ просьбой объ увольненіи; такъ, 8-го января онъ писалъ къ Василію Васильевичу Голицыну, который и сообщилъ ему, что онъ получитъ увольненіе или по крайней мѣрѣ отпускъ для поѣздки за границу на короткое время; писалъ Гордонъ и къ Украинцеву, и къ полковнику Менгдену, и къ датскому резиденту Бутенанту, и къ полковнику Гамильтону. Изъ письма къ Гамильтону видно, что Гордонъ ожидалъ, что самъ король Карлъ II будетъ за него ходатайствовать предъ царями (II, 55). Затѣмъ, онъ опять отправилъ къ Голицыну челобитную объ отпускѣ за границу

(II, 58), но въ февралѣ узналъ, что все еще нѣтъ рѣшенія (II, 61). Очевидно, съ цѣлью хлопотать лично въ Москвѣ о своемъ дѣлѣ Гордонъ билъ челомъ объ отпускѣ его въ Москву для покупки тамъ разныхъ матеріаловъ для построекъ въ Кіевѣ. Тотчасъ послѣ того онъ получилъ письмо отъ полковника Менгдена съ извѣстіемъ, что въ Москвѣ ни подъ какимъ видомъ не хотятъ дозволить Гордону уѣхать изъ Кіева, но что онъ не смѣетъ сообщить о причинахъ этого рѣшенія и только совѣтуетъ Гордону подать челобитье съ изложеніемъ всѣхъ своихъ жалобъ и желаній (II, 68). Гордонъ опять отправилъ въ Москву цѣлый рядъ писемъ къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ, но извѣстіе, полученное отъ Менгдена, подтвердилось письмами другихъ знакомыхъ: правительство, писали Гамильтонъ, Бутенантъ и проч.,—не только не желало отпустить Гордона за границу, но даже хотѣло перевести его изъ Кіева. Съ свойственною Гордону настойчивостью онъ продолжалъ хлопотать, переписываться съ разными лицами и подавать разныя бумаги; между прочимъ, составилъ онъ обширную записку, въ которой изложилъ всѣ свои обстоятельства, и которую должны были передать его покровители царямъ и царевнѣ Софіи. Въ этой запискѣ Гордонъ указывалъ на свое знатное происхожденіе и на военную службу въ разныхъ государствахъ. „Вездѣ", говоритъ онъ,—„меня отпускали тотчасъ же, когда я выражалъ желаніе увольненія; вездѣ получалъ я письменныя свидѣтельства и похвалы о моей службѣ. Я пріѣхалъ въ Россію не въ крайней нуждѣ и не убогимъ, а въ качествѣ богатаго и знатнаго человѣка, съ цѣлью прослужить лишь нѣсколько времени и въ надеждѣ уѣхать какъ скоро мнѣ заблагоразсудится". Затѣмъ, онъ выставляетъ на видъ свои заслуги въ русской военной службѣ, пониженіе жалованья ратнымъ людямъ въ Россіи въ 1669 году, свои потери въ Чигиринѣ, и указываетъ на свои прежнія просьбы объ увольненіи, а также и на данныя ему обѣщанія отпустить его въ Шотландію. Тутъ мы узнаемъ объ особенно важной причинѣ, заставившей его желать возвратиться туда. Въ 1684 году умерли родители Гордона. Такъ какъ онъ остался единственнымъ сыномъ, то нужно было привести въ порядокъ отцовское имѣніе; безъ его личнаго присутствія въ Шотландіи, какъ онъ пишетъ,—онъ не могъ вступить во владѣніе унаслѣдованнымъ отъ отца имѣніемъ. Далѣе слѣдуетъ длинный рядъ жалобъ. Гордонъ жалуется на то, что другіе иноземцы получили бо̀льшія въ сравненіи съ нимъ награды, что ему

трудно прожить съ скуднымъ жалованьемъ, что онъ не въ состояніи воспитывать своихъ дѣтей надлежащимъ образомъ, и что частыя болѣзни вслѣдствіе ранъ и чрезмѣрныхъ усилій въ разныхъ походахъ заставляютъ его думать о предстоящей кончинѣ и о томъ, что онъ оставляетъ свою семью въ крайне бѣдственномъ состояніи. Далѣе, Гордонъ жалуется на недостатокъ въ католическихъ священникахъ, которымъ было запрещено пребываніе въ Россіи. Поэтому онъ просилъ о повышеніи жалованья, о дозволеніи приглашать въ Кіевъ хотя бы по случаю главныхъ праздниковъ католическихъ священниковъ изъ ближайшихъ польскихъ городовъ, о содержаніи въ Кіевѣ врача, и наконецъ, о дозволеніи ему, если нельзя думать объ увольненіи, съѣздить на шесть мѣсяцевъ въ Шотландію (II, 83—88).

Подробное изложеніе всѣхъ этихъ желаній, находится и въ письмѣ Гордона къ Леонтью Романовичу Неплюеву, котораго онъ просилъ ходатайствовать за него предъ правительствомъ. Тутъ между прочимъ сказано, что Россія не купила его, какъ товаръ, что онъ не былъ взятъ въ плѣнъ, а пріѣхалъ въ Россію свободнымъ человѣкомъ. Далѣе Гордонъ указывалъ на то обстоятельство, что въ случаѣ его кончины правительство будетъ имѣть расходы для содержанія его жены и дѣтей и проч. (II, 91—92).

По истеченіи нѣсколькихъ недѣль, къ Гордону пришелъ какой-то думный дьякъ и совѣтовалъ ему не просить объ увольненіи, а довольствоваться исполненіемъ другихъ желаній (II, 97). Гордонъ, какъ кажется, дѣйствительно на этотъ разъ рѣшился прекратить свои ходатайства. За то въ концѣ 1685 года онъ отправился въ Москву опять хлопотать объ отпускѣ, и въ началѣ 1686 года мы застаемъ его въ столицѣ [1]).

При разборѣ прошеній Гордона мы не можемъ не спросить себя: было ли его положеніе въ Россіи въ матеріальномъ отношеніи дѣйствительно столь бѣдственно, какъ онъ разказывалъ. Съ одной стороны, мы знаемъ, что онъ жилъ въ Кіевѣ безбѣдно, устраивалъ празднества и увеселенія разнаго рода; съ другой — знаемъ изъ достовѣрнаго источника — изъ одного письма Лефорта, что положеніе иностранныхъ офицеровъ именно послѣ Чигиринскихъ походовъ, когда насталъ миръ на нѣсколько лѣтъ, было весьма дур-

---

[1]) 3-го декабря онъ еще былъ въ Кіевѣ. Затѣмъ пробѣлъ въ дневникѣ до 1-го января.

ное. Лефортъ пишетъ, что многіе офицеры, получившіе увольненіе и приведенные въ крайне бѣдственное состояніе, занимались грабежомъ и совершали разныя преступленія, чтобы не умереть съ голоду, но что и оставшіеся на службѣ получали самое скудное жалованье, такъ что едва были въ состояніи содержать на эти деньги лошадь. „Москвитяне", пишетъ Лефортъ, — „думаютъ, что они уже вполнѣ достаточно знаютъ ратное дѣло и потому не хотятъ болѣе содержать ни офицеровъ, ни солдатъ изъ иностранцевъ". Поэтому и Лефортъ желалъ оставить Россію въ то время и писалъ въ Швейцарію, что военные люди въ настоящее время не могутъ расчитывать на карьеру въ Россіи [1]). Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ иностранные офицеры, служившіе въ Россіи, поправляли свое положеніе принятіемъ православной вѣры. Голландскій резидентъ Келлеръ пишетъ въ это время, что принявшіе православіе офицеры, не имѣя средствъ выѣхать изъ Россіи, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи были обезпечены, что русское правительство такихъ людей, чрезъ перемѣну исповѣданія сдѣлавшихся подданными царя, не могло выслать вонъ изъ государства. Лефортъ упоминаетъ о полковникѣ Штоделѣ, принявшемъ православіе, чтобы поправить свое положеніе, и говоритъ, что братъ этого Штоделя генералъ-маіоръ, вѣроятно, послѣдуетъ его примѣру. Они были реформатскаго исповѣданія [2]).

Все это не могло относиться къ Гордону. Его положеніе было гораздо выгоднѣе; при томъ значеніи, какое онъ имѣлъ въ русскомъ войскѣ, при существенныхъ услугахъ, оказанныхъ имъ Россіи, праиительство не только не думало о высылкѣ его вонъ изъ государства, но даже, какъ мы видѣли, ни за что не хотѣло лишиться Гордона. Далѣе мы знаемъ, что Гордонъ былъ отличнымъ хозяиномъ и никогда не бѣдствовалъ; къ тому же онъ послѣ смерти родителей сдѣлался зажиточнымъ землевладѣльцемъ въ Шотландіи; для него и въ матеріальномъ отношеніи могло быть болѣе выгоднымъ возвратиться на родину, нежели оставаться въ Россіи. Наконецъ, Гордонъ былъ ревностнымъ католикомъ и ни за что не рѣшился бы на перемѣну вѣры. Напротивъ того, благодаря своимъ сношеніямъ съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ, склоннымъ къ поддержкѣ католицизма въ Россіи, онъ скорѣе могъ надѣяться на льготы русскаго правительства въ пользу католицизма.

---

[1]) *Posselt.* Lefort, I, 252 и 257.

[2]) Тамъ же, I, 257 и 265.

Во время своего пребыванія въ Москвѣ въ началѣ 1686 года Гордонъ, безъ сомнѣнія, говорилъ о своемъ дѣлѣ и съ Лефортомъ, котораго онъ зналъ уже нѣсколько лѣтъ и съ которымъ даже былъ въ родствѣ. Жена Лефорта была племянницею тестя Гордона, полковника Бокговена. Въ то время, когда Гордонъ былъ начальникомъ въ Кіевѣ, Лефортъ находился при немъ и даже жилъ нѣкоторое время въ его домѣ; однажды Гордонъ написалъ для Лефорта одобрительное свидѣтельство [1]), а во время пребыванія въ Москвѣ ему случалось посѣщать Лефорта (II, 118).

Въ девяностыхъ годахъ имъ суждено было играть весьма важную роль при Петрѣ Великомъ, и въ нѣкоторомъ отношеніи они даже были соперниками; но нельзя сказать, чтобъ ихъ отношенія были особенно близкія. Они рѣзко отличались другъ отъ друга характеромъ. Гордонъ былъ болѣе серьезнымъ дѣльцомъ, а Лефортъ — болѣе веселымъ и пріятнымъ товарищемъ, собесѣдникомъ. Опытностью въ ратномъ дѣлѣ, знакомствомъ съ политическими вопросами, знаніемъ техники и вообще образованіемъ Гордонъ превосходилъ Лефорта. Послѣдній былъ болѣе талантливымъ диллетантомъ, чѣмъ солиднымъ спеціалистомъ въ военномъ искусствѣ. По своимъ дарованіямъ и своей необыкновенно привлекательной личности онъ могъ сдѣлаться фаворитомъ; напротивъ того, Гордонъ, отличавшійся болѣе силою характера, стойкостью въ трудѣ, чѣмъ талантливостью, скорѣе могъ принести пользу государству, чѣмъ довольствоваться ролью царедворца. И тотъ, и другой въ жизни и дѣятельности Петра играли важную роль и могли быть его руководителями. Но это было уже послѣ государственаго переворота 1689 года. Когда они встрѣтились въ Москвѣ въ началѣ 1686 г., ихъ офиціальное положеніе было очень скромное. И Лефортъ, подобно Гордону, также подумывалъ о выѣздѣ за границу, но Гордонъ на этотъ счетъ, какъ и вообще, обнаруживаетъ гораздо бо̀льшую стойкость и послѣдовательность, бо̀льшую привязанность къ своей родинѣ, меньшую любовь къ Россіи. Когда незадолго предъ тѣмъ Лефортъ ѣздилъ къ роднымъ въ Швейцарію, ему совѣтовали не возвращаться въ Россію, а искать случаевъ для дальнѣйшей карьеры въ Германіи, Франціи, Англіи или въ Нидерландахъ, онъ прямо возразилъ, что многимъ обязанъ Россіи, а потому хочетъ продолжать служить Петру и на-

[1]) *Posselt*, Lefort, I, 269, 280, 302.

дѣется тамъ сдѣлать блестящую карьеру [1]). Гордонъ, напротивъ того, при каждомъ посѣщеніи своего отечества все болѣе и болѣе желалъ отдѣлаться отъ русской службы и даже когда послѣ 1689 года его положеніе въ Россіи стало гораздо болѣе выгоднымъ, онъ не переставалъ мечтать о возвращеніи въ Англію или Шотландію. Обстоятельства, въ которыхъ находились Гордонъ и Лефортъ, были различны. Лефортъ не имѣлъ никакого состоянія, его не знали на западѣ; онъ не имѣлъ никакихъ связей, не принадлежалъ ни къ какой политической партіи: онъ долженъ былъ главнымъ образомъ надѣяться на карьеру въ Россіи. Гордонъ же, какъ зажиточный землевладѣлецъ, какъ роялистъ и католикъ, какъ политическій дѣятель, котораго знали лично и уважали короли Карлъ II и Яковъ II, всегда могъ надѣяться на обезпеченное положеніе въ западной Европѣ и на почетное мѣсто въ ряду приверженцевъ Стюартовъ. Изъ его переписки въ началѣ девяностыхъ годовъ, а также изъ его дневника видно, съ какимъ вниманіемъ онъ слѣдилъ за всѣми событіями въ западной Европѣ и какъ страстно желалъ, особенно послѣ революціи 1688 года въ Англіи, участвовать въ тамошнихъ дѣлахъ. Лефортъ почти вовсе не занимался политикою, былъ равнодушенъ къ религіознымъ дѣламъ, но за то, какъ настоящій космополитъ и свѣтскій человѣкъ, держался правила „ubi bene ibi patria", и какъ кажется, отличался отъ Гордона болѣе теплою душой и неограниченною привязанностью къ Петру. Лефортъ всегда былъ готовъ жертвовать всѣмъ для своего монарха и друга; Гордонъ никогда не забывалъ своего долга въ отношеніи къ Англіи и Шотландіи, въ Стюартамъ, къ католицизму, къ своему семейству и къ самому себѣ.

Гордонъ убѣдился теперь, что просить объ увольненіи опасно. За то вопросъ объ отпускѣ за границу былъ разрѣшенъ на этотъ разъ очень скоро. 18-го января Гордонъ обратился къ Голицыну съ просьбою, и на другой же день послѣдовало рѣшеніе. Ему было дозволено ѣхать за границу, но онъ долженъ былъ оставить жену и дѣтей въ Кіевѣ. Этимъ условіемъ правительство хотѣло обезпечить себѣ возвращеніе Гордона въ Россію. Когда онъ имѣлъ аудіенцію у царевны Софіи, она внушала ему весьма серьезно, чтобъ онъ скорѣе возвращался и привезъ съ собою одного изъ сыновей, которые находились въ то время за границею. Когда онъ откланивался князю Василью Василье-

[1]) *Posselt*, I, 312.

вичу Голицыну, послѣдній убѣдительнѣйше просилъ его вернуться скоро, иначе онъ, князь, взявшій на себя ручательство за возвращеніе Гордона въ Россію, можетъ попасть въ бѣду (II, 119 — 120). Что значило въ семнадцатомъ столѣтіи такое ручательство, мы знаемъ изъ сочиненія Котошихина, который пишетъ, что родственники находившихся за границею лицъ и поручители за нихъ подвергались пыткѣ, конфискованію имущества и т. п. въ случаѣ невозвращенія во-время тѣхъ лицъ, которымъ была дозволена поѣздка [1]). Кромѣ того, Голицынъ вмѣнилъ Гордону въ обязанность въ каждый почтовый день писать къ нему письма. Эта мѣра могла имѣть двѣ цѣли. Вопервыхъ, Голицынъ, получая еженедѣльно письмо отъ Гордона, легче могъ слѣдить за нимъ. Вовторыхъ, такимъ путемъ онъ могъ узнать болѣе или менѣе подробно о томъ, что̀ происходило на западѣ. Мы знаемъ, что и въ 1666 году, когда Гордонъ былъ за границею, онъ писалъ такія же, похожія на газеты, донесенія дьяку Алмазову.

Путешествіе въ Шотландію въ 1686 году.

Въ 1666 году Гордонъ былъ въ Англіи въ качествѣ дипломатическаго агента. Онъ не имѣлъ тогда возможности съѣздить въ Шотландію, побывать у родныхъ и заняться своими дѣлами. О поѣздкѣ 1669—1670 годовъ (II, 84) мы не имѣемъ никакихъ подробностей и только изъ одной замѣтки въ частномъ письмѣ можемъ заключить, что это путешествіе имѣло совершенно частный характеръ. Такова же была и поѣздка 1686 года.

Не останавливаясь на частностяхъ весьма подробнаго разказа Гордона объ этомъ путешествіи, укажемъ лишь на важнѣйшія черты этого эпизода. Гордонъ выѣхалъ изъ Москвы въ началѣ февраля, посѣтилъ Новгородъ и затѣмъ, послѣ краткаго пребыванія въ Ригѣ, отправился сухимъ путемъ въ Мемель. Въ Брунсбергѣ (близъ Кенигсберга) онъ посѣтилъ сына Джемса, находившагося тамъ въ іезуитской коллегіи. Сначала онъ намѣревался отправиться въ Лондонъ моремъ изъ Гамбурга, но потомъ избралъ путь чрезъ Голландію. Изъ числа знакомыхъ, которыхъ онъ посѣтилъ въ Лондонѣ, назовемъ лорда Мельфорта, который былъ ревностнымъ сторонникомъ Стюартовъ и послѣ революціи 1688 года жилъ въ Римѣ, чтобы дѣйствовать въ пользу Якова II [2]). Во время пребыванія въ Лондонѣ Гордонъ

---

[1]) *Котошихинъ*, IV, 24.

[2]) О не особенно хорошей репутаціи этого рояллиста см. Исторію *Маколея* Tauchnitz edition) III, 428.

нѣсколько разъ представлялся ко двору, и король Яковъ II, уже прежде знавшій его, кажется, умѣлъ цѣнить его преданность королевскому дому.

Мы знаемъ, что Гордонъ былъ роялистомъ. Когда, въ 1657 году его желали привлечь въ Австрію (I, 146), то дали ему замѣтить, что ему не слѣдуетъ служить въ шведскомъ войскѣ, такъ какъ Швеція состоитъ въ союзѣ съ „архи-измѣнникомъ“ (architraitor) Кромвелемъ. Когда роялисты, служившіе въ шведскомъ войскѣ и находившіеся въ Польшѣ въ 1657 году, узнали о проѣздѣ посланника Кромвеля Бредшо (Bradshaw) въ Россію, то хотѣли убить его. Гордонъ, разказывая о томъ, хвалитъ ихъ намѣреніе, впрочемъ не приведенное въ исполненіе, и даже можетъ быть, самъ принадлежалъ къ числу 15 лицъ, составившихъ этотъ замыселъ (I, 154). Можно представить себѣ, какъ обрадовала Гордона реставрація Стюартовъ въ Англіи. О личныхъ свиданіяхъ его съ Карломъ II въ 1666 году мы говорили выше. Послѣ того онъ постоянно слѣдилъ за ходомъ событій въ Англіи. Ежегодно праздновалъ онъ день рожденія короля и даже въ Чигиринѣ, 29-го мая 1678 года, угостилъ своихъ сослуживцевъ-соотечественниковъ въ своемъ саду (I, 469). Въ апрѣлѣ 1684 года онъ чрезъ газеты и частныя письма узналъ о кончинѣ Карла II и о вступленіи на престолъ Якова II (II, 79); 29-го мая находившіеся въ Кіевѣ соотечественники Гордона вмѣстѣ съ нимъ собрались въ день рожденія покойнаго короля „для печальнаго празднества его памяти“ (II, 89). Вскорѣ послѣ того Гордонъ узналъ о возстаніи побочнаго сына Карла II Монмута противъ Якова II и о его казни. Въ дневникѣ сообщены стихи на латинскомъ языкѣ, относящіеся къ этому событію (II, 107 и 108). Нѣсколько времени послѣ того Гордонъ поѣхалъ въ Англію. 16-го апрѣля 1686 года онъ имѣлъ аудіенцію у короля Якова II, который долго бесѣдовалъ съ нимъ о царяхъ, о Россіи вообще, объ устройствѣ Московскаго государства, о тамошнемъ ратномъ дѣлѣ и правленіи. Тутъ же привѣтствовали его шотландскіе дворяне. Затѣмъ Гордонъ былъ представленъ зятю короля, датскому принцу Георгу. Чтобы находиться ближе ко двору, Гордонъ нанялъ квартиру недалеко отъ Сен-Джемскаго сада, куда ходилъ гулять, и гдѣ нѣсколько разъ встрѣчался съ королемъ. Яковъ II между прочимъ разпрашивалъ его объ осадѣ Чигирина. Однажды Гордонъ участвовалъ въ поѣздкѣ короля на рѣкѣ Темзѣ, и при этомъ случаѣ король спрашивалъ мнѣніе Гордона о разныхъ укрѣпленіяхъ въ окрестностяхъ Лондона. Другой разъ Гордонъ имѣлъ

случай говорить съ королемъ, когда присутствовалъ при католическомъ богослуженіи во дворцѣ, и еще разъ—когда былъ въ театрѣ, гдѣ давали Шекспирова „Гамлета". Когда Гордонъ въ послѣдній разъ былъ у короля, Яковъ подробно разпрашивалъ его о его происхоженіи и положеніи въ Россіи и въ военной службѣ, выразилъ желаніе, чтобы Гордонъ совсѣмъ возратился въ свое отечество, и обѣщалъ ему свое покровительство. Въ заключеніе Яковъ сказалъ: „Не оставайтесь тамъ, я напишу о васъ царю письмо" (II, 131—138).

У Гордона было множество знакомыхъ въ Лондонѣ, гдѣ онъ пробылъ около трехъ недѣль. Затѣмъ онъ отправился въ Шотландію. Въ Эдинбургѣ, гдѣ въ то время былъ губернаторомъ его родственникъ важнѣйшій членъ всего рода, герцогъ Гордонъ. Во время пребыванія въ Эдинбургѣ, Патрикъ Гордонъ, получилъ письмо отъ Голицына съ просьбою привезти въ Россію нѣкоторое число инженеровъ, фейерверкеровъ и сапёровъ (II, 142). Какъ кажется, Гордонъ представлялъ въ своихъ бесѣдахъ съ знакомыми русскую службу въ довольно выгодномъ свѣтѣ; иначе графъ Эглинтоунъ не просилъ бы его взять съ собою въ Россію его сына (I, 144).

Въ концѣ мая Гордонъ оставилъ Эдинбургъ и отправился въ Эбердинъ. Тутъ онъ прожилъ нѣкоторое время среди родныхъ и занялся своими частными дѣлами и устройствомъ своего хозяйства. 15-го іюля Гордонъ выѣхалъ изъ Шотландіи моремъ. Въ Ригѣ онъ остановился на нѣсколько дней, и затѣмъ чрезъ Псковъ, Новгородъ и пр. отправился въ Москву, куда и прибылъ 31-го августа, послѣ семимѣсячнаго отсутствія.

Гордонъ — прапорщикъ.

Впечатлѣнія пребыванія въ Англіи, свиданіе съ родными и знакомыми, обѣщанное королемъ покровительство, наконецъ, условія жизни въ западной Европѣ, все это утвердило въ Гордонѣ желаніе окончательно покинуть Россію. Но желанія эти совершенно расходились съ тогдашними видами русскаго правительства. За нѣсколько мѣсяцевъ до пріѣзда Гордона изъ-за границы заключенъ былъ миръ съ Польшей и вмѣстѣ съ тѣмъ наступательный союзъ противъ Татаръ; рѣшившись воевать противъ Крыма въ слѣдующемъ году, правительство сильнѣе прежняго нуждалось въ Гордонѣ, который еще недавно оказалъ столь существенныя услуги Россіи въ Чигиринѣ и еще въ 1684 году подалъ столь подробную записку о войнѣ съ Та-

тарами. Поэтому новыя попытки Гордона испросить себѣ увольненіе должны были повести къ довольно серьезному кризису.

На другой день по прибытіи въ Нѣмецкую слободу, 1-го сентября, Гордонъ явился къ Голицыну, былъ принятъ имъ весьма милостиво, и поздравилъ его съ новымъ годомъ. 3-го сентября Гордонъ обѣдалъ у Голицына, 10-го—также. При этомъ случаѣ они бесѣдовали о пребываніи Гордона въ Англіи, о его путешествіи вообще и о разныхъ другихъ предметахъ. Но о предстоявшей войнѣ рѣчи не было. Затѣмъ послѣ обѣда Гордонъ вмѣстѣ съ Голицынымъ отправился на охоту. 13-го сентября Гордонъ долженъ былъ представиться царямъ. Аудіенція почему-то въ этотъ день не состоялась; но на слѣдующій онъ былъ допущенъ къ царской рукѣ. Затѣмъ онъ былъ у царевны Софіи, которая сказала ему: „Богъ наградитъ тебя за то, что ты сдержалъ слово", то-есть, вернулся въ Россію (II, 158—159).

Тутъ пока еще не видать ничего что подтверждало бы разказъ Корба, что Голицынъ наконецъ „возненавидѣлъ" Гордона [1]). Есть основаніе думать, что Гордонъ пока не говорилъ о своемъ намѣреніи, воспользовавшись протекціей Якова II, выѣхать изъ Россіи. Между тѣмъ кризисъ приближался.

Мы уже выше видѣли, что король Яковъ II обѣщалъ Гордону писать царямъ о его увольненіи. Королевское письмо было написано еще во время пребыванія Гордона въ Великобританіи, а когда онъ готовился къ отплытію изъ Шотландіи, онъ получилъ изъ Лондона копію съ этого письма. Оно сообщено цѣликомъ въ дневникѣ (II, 150—151) и заключаетъ въ себѣ слѣдующее: „Узнавъ, что нашъ вѣрный и много любимый подданный Патрикъ Гордонъ служилъ вашимъ императорскимъ величествамъ много лѣтъ и служитъ еще нынѣ въ качествѣ генералъ-лейтенанта, а далѣе, что онъ нынѣ долженъ вступить въ управленіе отцовскихъ имѣній и притомъ обязанъ служить намъ, мы просимъ ваши императорскія величества отпустить Гордона съ женою, дѣтьми, прочими родными и вещами изъ вашего государства. Исполненіе этой просьбы для многихъ охотниковъ вступить въ вашу службу будетъ поощреніемъ" и пр. Герцогъ Гордонъ писалъ также къ князю Голицыну письмо, на латинскомъ языкѣ, въ которомъ было множество комплиментовъ, но милость къ Патрику Гордону испрашивалась только въ общихъ выраженіяхъ.

13-го сентября, въ тотъ самый день, когда Гордону не удалось

---

[1]) Diarium itineris etc., p. 216.

представиться царямъ, одинъ Англичанинъ, по фамиліи Мунтеръ, вручилъ ему подлинное письмо Якова II къ царямъ. Тогда въ Россіи не было англійскаго резидента; въ такихъ случаяхъ письма Англійскихъ королей къ царямъ нерѣдко пересылались чрезъ купцовъ, проживавшихъ въ Москвѣ и игравшихъ роль консуловъ. Такимъ лицомъ былъ прежде купецъ Брейанъ (Bryan), о которомъ не разъ упоминается въ дневникѣ Гордона, такимъ былъ и Мунтеръ. На другой день голландскій резидентъ Келлеръ передалъ письмо короля Якова царямъ. Голландскій резидентъ въ Лондонѣ Ситтерсъ нарочно просилъ Келлера быть посредникомъ въ этомъ дѣлѣ. Какъ видно, вопросу объ увольненіи Гордона придана была нѣкоторая важность, и онъ сталъ предметомъ дипломатическихъ сношеній. Письмо Якова II было передано въ тотъ самый день, когда Гордонъ имѣлъ аудіенцію у царей и царевны. Но можетъ быть, при дворѣ еще не знали содержанія письма. На другой день какой-то Голландецъ, плохо знавшій англійскій языкъ, перевелъ это письмо на русскій языкъ. Между тѣмъ Гордонъ подалъ челобитную объ увольненіи и занялся было составленіемъ другой записки, которую велѣлъ перевести на „славянское нарѣчіе". Въ дневникѣ есть небольшой пробѣлъ отъ 15-го сентября по 24-е октября. Именно въ это время Гордонъ, безъ сомнѣнія, составилъ первую записку, о которой онъ пишетъ, что она была подана 23-го октября, но что пока (то-есть, 26-го октября) еще не было ему дано отвѣта. О какомъ-либо разладѣ съ Голицынымъ въ это время въ дневникѣ не упомянуто. Только когда 5-го ноября Гордонъ просилъ у боярина позволенія перевезти свою жену изъ Кіева въ Москву, онъ получилъ „двусмысленный отвѣтъ"; это впрочемъ не помѣшало ему отправить 9-го ноября лошадей и слугъ въ Кіевъ за женою (II, 160). Вдругъ 16-го ноября Гордонъ узналъ, чрезъ нѣкоторыхъ своихъ русскихъ пріятелей, о рѣшеніи правительства сослать его съ семействомъ въ какое-нибудь отдаленное мѣсто, если онъ не станетъ просить прощенія (II, 160).

Гордонъ испугался. Онъ, кажется, не ожидалъ такого оборота дѣла. На другой день онъ отправился къ голландскому резиденту просить его ходатайства предъ русскимъ правительствомъ. Баронъ Келлеръ объявилъ ему на отрѣзъ, что онъ никоимъ образомъ не станетъ вмѣшиваться въ это дѣло и прибавилъ, что Русскіе изъ газетъ узнали, будто Яковъ II хочетъ помочь Туркамъ (II, 161). Дѣйствительно, въ Россіи не любили Якова Впослѣдствіи Голицынъ однажды прямо сказалъ Гордону: „Съ братомъ и отцомъ вашего ны-

нѣшняго короля мы ладили хорошо; но съ этимъ мы какъ-то не можемъ быть въ дружбѣ: онъ слишкомъ гордъ“ (II, 226). Когда Яковъ лишился престола, русское правительство было чрезвычайно довольно этимъ событіемъ (II, 240). Такимъ образомъ тогдашнее раздраженіе Софіи и Голицына противъ Гордона, можетъ быть, въ значительной степени объясняется отвращеніемъ къ Якову

Гордонъ тщетно искалъ покровителей. 19-го ноября онъ былъ у разныхъ вельможъ и узналъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, что правительница въ большомъ гнѣвѣ на него за его упрямство и намѣрена строго наказать его. Гордонъ все еще не унывалъ и 20-го ноября велѣлъ переписать свою вторую челобитную. Однако 21-го числа онъ узналъ отъ нѣкоторыхъ друзей, что если онъ не поспѣшитъ просить прощенія, то дорого за то поплатится, подвергнетъ и себя, и свое семейство большой бѣдѣ и лишитъ ихъ возможности помочь ему. Гордонъ былъ въ такомъ волненіи, что не могъ спать всю ночь. „Хуже всего“, пишетъ онъ,—„было то, что я никому не смѣлъ открыть моихъ мыслей, потому что при корыстолюбіи и равнодушіи всѣхъ никто не заботился о судьбѣ другаго; не было никого, кто могъ бы дать мнѣ благоразумный совѣтъ“ (II, 161). 22-го ноября рано утромъ онъ отправился въ Измайловское, гдѣ тогда находились царь Иванъ и Софія и пошелъ сначала въ хоромы боярина Голицына. Голицынъ принялъ его и обратился къ нему съ упреками. Гордонъ оправдывался, опираясь, какъ онъ говоритъ, на правоту своего дѣла, но Голицынъ сталъ горячиться еще болѣе и велѣлъ тотчасъ же изготовить приказъ о разжалованіи Гордона въ прапорщики и—немедленной его ссылкѣ. Бывшіе тутъ вельможи, чтобъ угодить Голицыну, какъ говоритъ Гордонъ,—присоединили свои упреки къ сильнымъ выраженіямъ боярина, приглашая его просить прощенія. Голицынъ не хотѣлъ слушать никакихъ доводовъ Гордона и требовалъ только, чтобы тотъ повинился и обѣщалъ служить далѣе. Зная могущество боярина и предвидя гибель своего семейства, Гордонъ рѣшился написать въ весьма осторожныхъ выраженіяхъ челобитье, въ которомъ изъявилъ сожалѣніе, что просьбою своею объ увольненіи оскорбилъ великихъ государей, и прося помилованія, изъявлялъ готовность служить далѣе. Когда это челобитье читалось „на верху“ (ab ove), то-есть, у государей, то нашли, что оно было писано недостаточно покорнымъ тономъ раскаянія и умиленія. Ему опять пригрозили ссылкою. Гордонъ объявилъ, что онъ готовъ под-

писать такую редакцію челобитья, какая для него будетъ сдѣлана въ приказѣ.

Все это происходило 22-го ноября. Гордонъ былъ сильно огорченъ, даже считалъ себя оскорбленнымъ, но не приходилъ въ отчаяніе, что между прочимъ видно изъ того обстоятельства, что онъ, 23-го ноября, возвращаясь изъ Измайловскаго въ Нѣмецкую слободу, осмотрѣлъ лежавшіе на пути стеклянные заводы. 25-го ноября онъ былъ въ городѣ: думный дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцевъ передалъ ему черновое челобитье въ желанномъ видѣ. Нѣкоторыя выраженія показались Гордону слишкомъ унизительными. Онъ зачеркнулъ эти мѣста, велѣлъ переписать челобитную и подписалъ ее. Когда она читалась въ тайномъ совѣтѣ, тамъ царствовало глубокое молчаніе, и царевна Софія не сказала ни слова. Всѣ знали, что Гордонъ насиліемъ и угрозами былъ принужденъ подать такую бумагу (II, 163).

Такимъ образомъ ссылка Гордона не состоялась; но распоряженіе о разжалованіи его было утверждено 22-го ноября, и только 11-го декабря онъ былъ прощенъ [1]), между тѣмъ была сдѣлана англійскимъ правительствомъ попытка дать дѣлу Гордона новый оборотъ. Разумѣется, въ Англіи не могли еще знать о несчастіи Гордона, но можетъ быть, считали вѣроятнымъ, что Гордону не легко будетъ отдѣлаться отъ русской службы; Англія нуждалась въ дипломатѣ, и такъ какъ Гордонъ, хорошо знавшій Россію, былъ особенно годенъ представлять англійскіе интересы при русскомъ дворѣ, то Яковъ II и вздумалъ назначить его англійскимъ резидентомъ въ Москву.

29-го ноября Гордонъ по почтѣ получилъ отъ графа Миддельтона и отъ статсъ-секретарей короля Великобританіи увѣдомленіе, что онъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ при Московскомъ дворѣ, и

---

[1]) Въ дневникѣ при разказѣ о событіяхъ въ Измайловскомъ, показано 23-е число Кажется, это опечатка, потому что послѣ разказа событій этого злосчастнаго дня сказано: «23-го и 24-го Гордонъ оставался дома».—Устряловъ, Ист. П. В., I, 183, пользовавшійся подлинникомъ дневника, также говоритъ, что «лишеніе чина происходило 22-го ноября», но при этомъ слѣдовало бы замѣтить, что это лишеніе чина было номинальное. По разказу Корба можно бы думать, что Гордонъ оставался прапорщикомъ до 1689 года, то-есть, до катастрофы Голицына. Разказавъ о ссылкѣ Голицына, Корбъ пишетъ: «а Гордонъ, мужественно переносившій нѣкоторое время незаслуженное несчастіе и жестокое угнетеніе зависти, будучи, по милости царя, возстановленъ въ прежнемъ своемъ генеральскомъ чинѣ» и пр.

что кредитивныя грамоты и инструкція будутъ немедленно отправлены ему въ Ригу. Неизвѣстно почему графъ Миддельтонъ въ своемъ письмѣ, писанномъ 25-го октября, предполагалъ, что эти бумаги застанутъ Гордона еще въ Ригѣ и потому приглашалъ его остаться въ этомъ городѣ впредь до дальнѣйшихъ приказаній (II, 163). Гордонъ былъ, какъ онъ самъ замѣчаетъ, въ крайнемъ удивленіи. Онъ тотчасъ же отправился съ этимъ письмомъ къ голландскому резиденту и къ дьяку Виніусу, чтобы посовѣтоваться съ ними; но ни тотъ, ни другой не могли ничего ему сказать. На другой день Гордонъ пошелъ къ Украинцеву, показалъ ему письмо графа Миддельтона и вмѣстѣ съ Украинцевымъ отправился къ Голицыну; бояринъ велѣлъ Гордону перевести письмо на латинскій языкъ и отдать въ приказъ для перевода на русскій языкъ, такъ какъ въ то время не было англійскаго переводчика. При этомъ Гордонъ подалъ новое челобитье, которое также было переведено на русскій языкъ. Голицынъ обѣщалъ сообщить царямъ и царевнѣ объ этомъ дѣлѣ. Между тѣмъ Гордонъ отвѣчалъ графу Миддельтону, но очевидно, уже не надѣялся на успѣхъ. 4-го декабря онъ отъ постояннаго волненія и непріятностей заболѣлъ лихорадкой и нѣсколько дней пролежалъ въ постели. Между тѣмъ „на верху" послѣдовало рѣшеніе, то-есть, новый отказъ. „Цари, царевна и бояре", сказано было, по словамъ дневника въ царской грамотѣ,—„выслушали челобитныя, поданныя генералъ-лейтенантомъ Гордономъ, и положили: генералъ-лейтенантъ Гордонъ не можетъ быть чрезвычайнымъ англійскимъ посломъ при дворѣ ихъ величествъ, потому что онъ долженъ служить въ большой арміи въ предстоящемъ походѣ противъ Турокъ и Татаръ. Патрикъ Гордонъ долженъ отвѣтить графу Миддельтону, что, если король желаетъ отправить посла въ Россію для поддержанія братской любви и дружбы, такого посла пріймутъ милостью". На другой день послали за Гордономъ для офиціальнаго сообщенія ему этого рѣшенія, но онъ не могъ явиться по причинѣ болѣзни. Наконецъ, 11-го декабря онъ былъ призванъ къ Голицыну, который объявилъ ему, что цари всемилостивѣйше прощаютъ его и оставляютъ въ прежней должности (II, 165). Гордонъ былъ сильно огорченъ: „Такъ", замѣчаетъ онъ въ дневникѣ,—„кончилось это дѣло. На сторонѣ Гордона была справедливость и право, какъ можно было видѣть изъ всѣхъ представленій его, но на всѣ его доводы не было обращено никакого вниманія: ихъ называли баснями и сказками".

Гордонъ просилъ, чтобъ ему дали копію съ рѣшенія для сообщенія королю Якову II. Ему было отказано въ исполненіи и этой прось-

бы. Съ большимъ трудомъ получилъ онъ обратно изъ приказа письмо графа Мидцельтона. Наконецъ, его заставили показать въ приказѣ его собственное письмо къ графу Миддельтону, прежде чѣмъ оно будетъ отправлено въ Англію. Разумѣется, кромѣ этого письма, онъ отправилъ и другія съ подробнымъ изложеніемъ дѣла.

Разжалованіе Гордона въ прапорщики и ссылка его въ Сибирь были дѣломъ невозможнымъ по той самой причинѣ, по какой не хотѣли отпустить его за границу. Въ немъ нуждались для предстоявшаго похода, нуждались не въ Гордонѣ-прапорщикѣ, а въ Гордонѣ-генералъ-лейтенантѣ. Трудно сказать, на сколько основательно предположеніе г. Поссельта, что образъ дѣйствій Голицына въ отношеніи къ Гордону озлобилъ послѣдняго противъ боярина и повліялъ на образъ дѣйствій Гордона въ 1689 г. во время государственнаго переворота [1]). Соображаться въ своихъ дѣйствіяхъ съ чувствами личнаго негодованія или мести едва ли было въ натурѣ Гордона. Въ продолженіе трехъ лѣтъ послѣ событій 1686 года до переворота 1689 года сношенія между Голицынымъ и Гордономъ были весьма близкія. Къ тому же вскорѣ послѣ этого кризиса, 2-го января 1687 года, Гордонъ получилъ чинъ полнаго генерала.

Оправившись послѣ описанныхъ безпокойствъ, Гордонъ поселился въ Нѣмецкой слободѣ, и сюда въ самомъ концѣ 1686 года пріѣхало его семейство (II, 166); онъ покорился обстоятельствамъ, но все-таки не переставалъ мечтать о родинѣ и о возможности покинуть Россію. Въ 1690 и 1691 годахъ онъ нѣсколько разъ писалъ объ этомъ своимъ роднымъ въ Англію; но съ теченіемъ времени эта надежда стала въ немъ ослабѣвать, въ чемъ и самъ онъ долженъ былъ наконецъ сознаться: это видно изъ писемъ его, относящихся къ началу 1692 года (III, 299 и 308).

Крымскіе походы.

1687 годъ начался для Гордона весьма благопріятно: ему поручили командовать выборными полками второй дивизіи (II, 166). Онъ немедленно занялся приведеніемъ ихъ въ надлежащій порядокъ Также и его личныя отношенія къ князю Голицыну снова улучшились. Онъ посѣтилъ боярина въ его имѣніи, Медвѣдевкѣ, и былъ хорошо принятъ (II, 167). Въ концѣ января было приказано готовиться къ

[1]) II, 665.

походу; Гордонъ хлопоталъ о жалованьѣ и подъемныхъ деньгахъ. 2-го февраля былъ смотръ войскамъ, подробно описанный въ дневникѣ. Голицынъ въ лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ Гордона за отмѣнный порядокъ, въ которомъ найденъ былъ его отрядъ. Въ концѣ февраля войска выступили изъ Москвы въ походъ на сборныя мѣста.

Теперь должно было рѣшиться, могли ли осуществиться высказанныя Гордономъ въ 1684 году предположенія о возможности занятія Крыма. Приготовленія къ войнѣ были сдѣланы значительныя, и Гордонъ, какъ одинъ изъ главныхъ вождей въ русскомъ войскѣ, могъ имѣть большое значеніе въ военномъ совѣтѣ. Къ сожалѣнію, въ дневникѣ его опять встрѣчается пробѣлъ съ 23-го февраля по 3-е мая. Извѣстно, что именно въ это время произошло замедленіе изъ-за „нѣтчиковъ" и вслѣдствіе неудовольствія царедворцевъ, находившихся въ войскѣ Голицына [1]). Обнаружилось то самое зло, на которое столь сильно жаловался Гордонъ по случаю Чигиринскаго похода 1678 года.

Въ маѣ мѣсяцѣ мы застаемъ Гордона въ дорогѣ; онъ часто обѣдалъ у Голицына во время похода и принималъ у себя не только прочихъ военачальниковъ, но и самого князя Василья Васильевича. Довольно подробно описываетъ Гордонъ порядокъ шествія, и далѣе нѣсколько лѣтъ спустя весьма подробно объяснялъ Корбу, какъ были расположены войска, такъ что къ сочиненію Корба приложенъ даже рисунокъ этого строя [2]). На пути Гордонъ занимался полковыми счетами и вообще канцелярскими работами. Какъ извѣстно, походъ былъ крайне неудаченъ. Настроеніе духа въ войскѣ было весьма неблагопріятное, и не разъ въ войскѣ безъ всякаго основанія распространялась тревога; при одномъ изъ такихъ случаевъ Гордонъ совершилъ объѣздъ лагеря. Онъ упоминаетъ также о недостаткѣ воды, о степномъ пожарѣ, о страшной жарѣ, о падежѣ лошадей, о болѣзняхъ солдатъ, о невозможности прокормить лошадей. 17-го іюля происходилъ военный совѣтъ, и на немъ было рѣшено возвратиться. И тутъ, къ сожалѣнію, дневникъ не полонъ, представляя пробѣлъ отъ 20-го мая до 12-го іюня.

О себѣ Гордонъ, разказывая подробности того похода, почти вовсе не говоритъ. Онъ, впрочемъ, не игралъ особенно выдающейся роли. О военныхъ совѣтахъ онъ говоритъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, но ни въ одномъ мѣстѣ не упоминаетъ о мнѣніяхъ, которыя самъ высказывалъ при такихъ случаяхъ. По видимому, онъ бо-

---

[1]) См. *Устрялова* Ист. Петра Великаго, I, 194 и 195.

[2]) См, Diarium itineris, 242, и рисунокъ 1-й и 2-й.

лѣе занятъ былъ дѣлами военной администраціи, чѣмъ военными планами. Въ Чигиринѣ онъ имѣлъ совсѣмъ иное значеніе.

На возвратномъ пути въ Москву въ войскѣ получены были награды, изъ сравненія размѣровъ которыхъ можно заключить, что Гордонъ не занималъ особенно важнаго мѣста въ войскѣ. Голицынъ получилъ медаль съ цѣпью цѣною въ 300 червонцевъ. Прочіе бояре получили медали цѣною въ 9 червонцевъ. Гордонъ получилъ медаль въ 5 червонцевъ; прочія лица, служащіе, дворяне получили медали въ 2 червонца и ниже (II, 195). Правительство, какъ мы знаемъ, старалось замаскировать неудачу похода, имѣвшаго къ тому же слѣдслѣдствіемъ низложеніе преданнаго Россіи гетмана Самойловича. Гордону дали при этомъ случаѣ непріятное порученіе. Онъ долженъ былъ до Сѣвска сторожить сына павшаго гетмана, съ которымъ во время пребыванія въ Кіевѣ находился въ дружественныхъ сношеніяхъ (II, 191—198).

Гордонъ возвратился въ Москву 6-го сентября 1687 года, послѣ семимѣсячнаго отсутствія. Въ слѣдующее затѣмъ время, полтора года, онъ прожилъ спокойно въ Нѣмецкой слободѣ, оставаясь впрочемъ на службѣ; иногда ему приходилось служить правительству полезными совѣтами; такъ при постройкѣ крѣпости на рѣкѣ Самарѣ (притокѣ Днѣпра) Гордонъ сообщилъ разныя соображенія по этому предмету (II, 210); 26-го ноября 1687 года онъ присутствовалъ вмѣстѣ съ бояриномъ Голицынымъ при опытахъ съ новыми пушками и давалъ совѣты въ техническомъ отношеніи. Довольно важно то обстоятельство, что въ апрѣлѣ 1688 года малороссійскіе казаки выразили желаніе, чтобы Гордонъ былъ отправленъ въ Малороссію (II, 215). Изъ этого случая видно, что во время своего пребыванія въ Малороссіи онъ умѣлъ снискать себѣ любовь и уваженіе тамошнихъ жителей.

Правительство вскорѣ послѣ перваго Крымскаго похода удостоило его повышенія: онъ получилъ чинъ полнаго генерала и право писаться съ „вичемъ". Гордонъ, замѣчая объ этомъ въ дневникѣ (II, 202), прибавляетъ, что онъ удостоенъ былъ этой чести такъ поздно лишь потому, что не хлопоталъ объ этомъ ранѣе

1688 годъ былъ не особенно богатъ событіями въ жизни Гордона. Онъ занимался семейными дѣлами, жилъ въ многочисленномъ кругу знакомыхъ и со вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ политическихъ событій. Съ Голицынымъ и другими русскими вельможами онъ все это время былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и нерѣдко бесѣдовалъ о государственныхъ дѣлахъ западной Европы. Къ этому времени отно-

сятся его первыя, хотя еще не личныя, сношенія съ Петромъ, который занимался тогда своими „потѣшными“. Важнѣе всего были приготовленія къ новому походу, начавшіяся въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1688 года. И при этомъ случаѣ впрочемъ Гордонъ, какъ кажется, не игралъ важной роли: въ 1684 году Голицынъ заставилъ его написать подробную записку о восточномъ вопросѣ; теперь спрашивали о томъ же Мазепу (II, 229). Гордонъ имѣлъ даже сильныхъ враговъ при дворѣ. Однажды, когда происходили совѣщанія о предстоящемъ походѣ, патріархъ въ сильныхъ выраженіяхъ говорилъ о Гордонѣ, утверждая, что нельзя надѣяться на успѣхъ русскаго войска, если этимъ войскомъ будетъ командовать еретикъ. Вельможи, разказываетъ Гордонъ,—улыбались и не обращали вниманія на слова патріарха (II, 233). О такихъ совѣщаніяхъ въ дневникѣ Гордона говорится нѣсколько разъ, но мы не узнаемъ, участвовалъ ли онъ самъ въ нихъ, или нѣтъ. Впрочемъ, можно думать, что онъ имѣлъ вліяніе на военныя распоряженія и часто видѣлся съ важнѣйшими лицами при дворѣ—съ Шакловитымъ и Голицынымъ.

13-го февраля Гордонъ выступилъ въ походъ. 8-го марта на пути онъ бесѣдовалъ съ главнокомандующимъ о разныхъ дѣлахъ, относящихся къ своему полку. Такъ какъ послѣ того въ дневникѣ слѣдуетъ записка подъ заглавіемъ: „Размышленія о предстоящемъ походѣ“ (II, 249—250), то можно полагать, что Гордонъ былъ приглашенъ Голицынымъ сообщить свои соображенія по этому предмету. Въ этой запискѣ заключаются лишь техническія частности о способѣ преодолѣнія затрудненій при переходѣ чрезъ степи, о постройкѣ на пути разныхъ укрѣпленій для обезпеченія движеній войска и о разныхъ артиллерійскихъ снарядахъ. Этотъ проектъ былъ составленъ въ Сумахъ, гдѣ отдыхало войско въ первыхъ числахъ марта. Голицынъ однако не счелъ нужнымъ руководствоваться указаніями Гордона. По крайней мѣрѣ форты, о необходимости которыхъ говорилъ Гордонъ, не были построены.

Подробное описаніе движенія войскъ въ дневникѣ не заключаетъ въ себѣ почти никакихъ указаній о самомъ Гордонѣ. Такъ напримѣръ, не говорится о томъ, какія мнѣнія были высказаны Гордономъ на совѣщаніи всѣхъ начальниковъ 8-го мая. (II, 255). За то 12-го мая онъ передалъ князю особенную записку о томъ какъ долженъ дѣйствовать лѣвый флангъ въ случаѣ столкновенія съ непріятелемъ, котораго ожидали ежедневно (II, 256). Опасность росла съ каждою минутою: войско было окружено Татарами. Надежда на

успѣхъ, выраженная Гордономъ пятью годами раньше, и на этотъ разъ оказалась тщетною. Впрочемъ, въ дневникѣ своемъ онъ не высказываетъ никакого мнѣнія о походѣ вообще, о причинахъ неудачи и объ ошибкахъ, сдѣланныхъ при этомъ случаѣ. Нѣтъ также ни малѣйшаго намека на образъ дѣйствій князя Голицына по случаю переговоровъ съ Татарами. Дневникъ именно въ этой части не имѣетъ вовсе характера мемуаровъ или записокъ, тогда какъ, напримѣръ, о походѣ 1678 года говорится съ присоединеніемъ сужденій о событіяхъ. Есть однако основаніе думать, что Гордонъ оказалъ военному начальству существенныя услуги на обратномъ пути, при преодолѣніи разныхъ затрудненій и опасностей, съ которыми приходилось войску бороться. Между прочимъ ему пришлось нѣкоторое время вести аріергардъ (II, 261).

Переворотъ 1689 года.

Гордонъ возвратился въ Москву около половины іюля, послѣ пятимѣсячнаго отсутствія. Въ дневникѣ тутъ пробѣлъ отъ 14-го до 22-го іюля. Гордона занималъ тогда вопросъ о наградахъ, которыя достанутся служилымъ людямъ за второй Крымскій походъ. 22-го онъ былъ въ городѣ, чтобы разузнать объ этомъ, но рѣшенія еще не послѣдовало. 24-го Гордонъ и другія лица были допущены къ рукѣ царя Ивана и царевны Софіи. Послѣдняя особенно благодарила Гордона за оказанныя имъ во время похода услуги (II, 266). Что касалось до наградъ, то рѣшеніе затянулось вслѣдствіе неудовольствія Петра. Разногласіе въ отношеніи къ наградамъ было однимъ изъ поводовъ къ окончательному разрыву между Петромъ и Софіей. Такимъ образомъ приближалось событіе, имѣвшее для Гордона самое важное значеніе. Его вліяніе при Петрѣ было сильнѣе, чѣмъ до 1689 года. Ни Илья Даниловичъ Милославскій, ни Василій Васильевичъ Голицынъ умѣли цѣнить Гордона въ такой степени, какъ Петръ. Тутъ открылось ему широкое поприще плодотворной дѣятельности, за которую онъ былъ награжденъ хорошимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ.

Не даромъ Гордонъ тотчасъ же послѣ возвращенія изъ Крымскаго похода сталъ зорко слѣдить за ходомъ дѣлъ; вслѣдствіе того въ дневникѣ его сообщаются весьма любопытныя данныя о послѣдовавшемъ переворотѣ, въ которомъ и ему пришлось играть не послѣднюю роль. Разказавъ о томъ, что Петръ сначала не соглашался на награды ратнымъ людямъ, и что только 26-го іюля съ большимъ трудомъ его уговорили дозволить раздачу наградъ, Гордонъ замѣ-

чаетъ, что онъ получилъ мѣсячное жалованье, 20 паръ соболей, серебрянный кубокъ, богатой матеріи на платье, и кромѣ того, медаль цѣною въ три червонца. Однако въ тотъ же самый день обнаружился гнѣвъ царя Петра, не хотѣвшаго допустить къ себѣ полководцевъ и офицеровъ для принесенія благодарности за полученныя награды. Гордонъ сообщаетъ о разныхъ слухахъ, распространенныхъ въ кружкахъ этихъ военныхъ: каждый понималъ, что Петръ нё-хотя согласился на награды, и всѣ предвидѣли при дворѣ катастрофу. Никто однако не смѣлъ говорить о томъ, хотя всѣ знали о случившемся (II, 267). Въ слѣдующіе дни распространялись разные слухи о разладѣ въ высшихъ кругахъ; было опасно говорить объ этихъ слухахъ. 7-го августа распространилось извѣстіе объ удаленіи Петра въ Троицкій монастырь. Гордонъ только наблюдалъ за всѣмъ этимъ, узнавалъ всѣ подробности событій, но продолжалъ заниматься, какъ прежде, обученіемъ войска, частною перепискою и проч. Онъ пока и не думалъ о томъ, чтобъ измѣнить Софіи и перейдти въ Троицкій монастырь, хотя разказываетъ, что нѣсколько стрѣльцовъ по своей доброй волѣ перешли къ Петру (II, 269). Но положеніе Гордона и другихъ военачальниковъ стало весьма затруднительнымъ, послѣ того какъ 16-го августа было получено приказаніе стрѣльцамъ, солдатамъ и полковникамъ явиться въ Троицкій монастырь къ царю Петру не позже 20-го числа.

Военные люди не знали, что́ имъ дѣлать. Не даромъ въ чужихъ краяхъ удивлялись такому странному совладѣнію трехъ лицъ, какое учредилось тогда въ Россіи. Когда русскій посланникъ Волковъ сообщилъ въ Венеціи, что царевна Софія „соцарствуетъ“, одинъ изъ сенаторовъ замѣтилъ: „Дожъ и весь сенатъ удивляются, какъ служатъ ихъ царскому величеству подданные ихъ, такимъ превысокимъ и славнымъ тремъ персонамъ государскимъ“. Теперь наступила минута, когда оказалось невозможнымъ служить вмѣстѣ и Софіи, и Петру. Власть была въ рукахъ царевны, Петръ же игралъ нѣкоторымъ образомъ роль претендента. Чувство долга, привязанность къ правительству скорѣе требовали повиновенія Софіи; политическія соображенія, надежда на будущее, справедливая оцѣнка характера и способностей Петра могли заставить военныхъ людей перейдти къ Петру. Петръ и Иванъ пользовались равными правами. Гордонъ достаточно зналъ обѣ личности и не могъ сомнѣваться въ томъ, что будущность принадлежала Петру. Но въ то же время онъ имѣлъ пока дѣло лишь съ царевною Софіей и съ княземъ Голицынымъ.

Для него они были пока самыми законными представителями власти. Онъ долженъ былъ задуматься предъ рѣшеніемъ измѣнить Софіи, Голицыну, царю Ивану.

При дворѣ состоялось совѣщаніе, по окончаніи котораго правительница, пригласивъ къ себѣ военачальниковъ, вмѣнила имъ въ обязанность не отправляться къ Троицѣ и не вмѣшиваться въ ея споръ съ братомъ. Мало того, когда нѣкоторые стрѣлецкіе полковники изъявляли сомнѣніе, Софія объявила имъ, что если кто-либо изъ нихъ пойдетъ къ Троицѣ, то будетъ пойманъ и казненъ смертью. Что касалось Гордона, то Василій Васильевичъ Голицынъ далъ ему приказаніе ни подъ какимъ видомъ не удаляться изъ Москвы. Послѣ того Петръ далъ знать Софіи, что онъ пригласилъ къ себѣ войско, и внушилъ ей, чтобъ она не мѣшала никому перейдти къ нему (I, 270). Князь Прозоровскій отправился въ Троицу съ цѣлью оправдать царевну въ томъ, что она не дозволяетъ войскамъ удалиться туда. На другой день старались распространить слухъ, будто приглашеніе явиться въ Троицу было прислано въ Москву безъ вѣдома Петра. Какъ видно, Гордонъ не вѣрилъ этой баснѣ; тѣмъ не менѣе, онъ все еще оставался въ Москвѣ.

Къ сожалѣнію, и тутъ встрѣчается пробѣлъ въ дневникѣ отъ 18-го августа до 1-го сентября. Къ этому времени относится довольно важный фактъ: въ Москвѣ рѣшились послать патріарха въ Троицу для переговоровъ. Іоакимъ былъ радъ вырваться изъ Москвы, уѣхалъ къ Троицѣ и тамъ остался; Петръ пріобрѣлъ важнаго союзника. 27-го августа новая царская грамота отъ Троицы въ стрѣлецкіе полки, въ гостинную сотню, въ дворцовыя слободы и черныя сотни, чтобы всѣ полковники и начальные люди съ 10 рядовыми изъ каждаго полка, а изъ сотенъ и слободъ старосты съ 10 тяглецами явились немедленно къ Троицѣ, а кто не явится, тому быть въ смертной казни. Толпы стрѣльцовъ, повинуясь указу, двинулись изъ Москвы. Затѣмъ, Софія сама отправилась къ Троицѣ, но ей на дорогѣ объявили, чтобъ она въ монастырь не ходила, иначе съ нею „нечестно поступлено будетъ“. Она возвратилась и заставила оставшихся стрѣльцовъ присягнуть въ томъ, что они не побѣгутъ къ Троицѣ [1]).

Таковы были событія, происшедшія въ то время, къ которому относится пробѣлъ въ дневникѣ Гордона. Въ продолженіе этихъ дней

---

[1]) См. Ист. Росс. *Соловьева*, XVI, стр. 127.

иноземцы, по видимому, соблюдали нѣкоторымъ образомъ нейтралитетъ между спорившими партіями, слѣдили за ходомъ дѣлъ и ждали рѣшительной минуты. Положеніе становилось все болѣе критическимъ.

Весьма подробно разказываетъ Гордонъ о пріѣздѣ въ Москву полковника Нечаева съ требованіемъ выдачи Шакловитаго и Медвѣдева. Гордонъ утромъ 1-го сентября самъ видѣлъ около Кремля многихъ стрѣльцовъ, которые должны были наблюдать за тѣмъ, чтобы не бѣжали главные противники Петра. Требованіе выдачи Шакловитаго, какъ разказываетъ Гордонъ, произвело сильное движеніе при дворѣ; народъ былъ пораженъ: большинство, по словамъ Гордона, рѣшило оставаться спокойнымъ и ждать, чѣмъ кончится дѣло. Къ этому большинству принадлежалъ и самъ Гордонъ, который впрочемъ имѣлъ случай выслушать рѣчи царевны къ стрѣльцамъ, къ торговымъ и посадскимъ людямъ и къ народу. Иноземцамъ становилось чрезвычайно неловко. Они были въ недоумѣніи, отправиться ли къ Петру, или оставаться въ Москвѣ. Многое въ этомъ отношеніи зависѣло отъ рѣшенія самого Гордона, игравшаго важнѣйшую роль между жителями Нѣмецкой слободы. Вдругъ распространился слухъ, что онъ получилъ изъ Троицы особое посланіе. Къ нему обратились съ вопросомъ: правда ли это? Не получивъ на самомъ дѣлѣ никакого письма, онъ отвѣчалъ отрицательно, „чѣмъ", какъ онъ пишетъ,— „были довольны". Однако Гордонъ началъ считать довольно опаснымъ свое положеніе въ отношеніи къ Петру, и потому, когда 2-го сентября нѣкоторыя лица изъ Нѣмецкой слободы отправились къ Троицѣ, онъ поручилъ одному изъ этихъ лицъ, которое пользовалось его довѣріемъ, доложить царю, что иноземцы вообще не идутъ къ Троицѣ потому, что не знаютъ, будетъ ли ему пріятенъ ихъ приходъ, или нѣтъ. Очевидно, Гордонъ предлагалъ Петру услуги иноземцевъ и изъявлялъ готовность разорвать съ Софіей. Развязка приближалась. Гордонъ, какъ кажется, хорошо зналъ о происходившемъ въ Троицкомъ монастырѣ. По крайней мѣрѣ онъ подробно разказываетъ о событіяхъ 3-го сентября и о томъ, что въ этотъ день главный стрѣлецкій полкъ, находившійся уже въ Троицѣ, изъявилъ желаніе отправиться въ Москву и привести оттуда насильно всѣхъ ненавистниковъ царя. Гордонъ замѣчаетъ при этомъ: „Можно было ожидать окончательнаго разрыва; все соединилось къ ускоренію важнѣйшей перемѣны" (I, 275).

Наконецъ и иноземцамъ нужно было рѣшиться дѣйствовать. 4-го сентября въ Нѣмецкой слободѣ явилась царская грамота, помѣчен-

ная 31-мъ августа, и въ которой Петръ обращался ко всѣмъ генераламъ, полковникамъ и прочимъ офицерамъ, не называя впрочемъ никого по имени. Посланіе это было запечатано. Сначала оно попало въ руки какого-то полковника Риддера, а отъ него принесено къ Гордону, очевидно, потому, что онъ считался какъ бы главою иноземческой колоніи въ слободѣ. Гордонъ и поступилъ, какъ слѣдовало вліятельнѣйшему лицу. Онъ пригласилъ къ себѣ какого-то, неизвѣстнаго намъ, „генерала" и полковниковъ, и тогда только, въ присутствіи всѣхъ распечаталъ и прочиталъ царскую грамоту. Въ ней были разказаны событія августа мѣсяца отправленіе Нечаева для привлеченія виновныхъ заговорщиковъ къ суду, и въ заключеніе было приказано всѣмъ иностранцамъ, генераламъ и офицерамъ, тотчасъ же по полученіи этой грамоты въ полномъ вооруженіи и на коняхъ отправиться къ его величеству въ Троицу. По прочтеніи письма было рѣшено довести о немъ до свѣдѣнія князя Василія Васильевича Голицына (II, 276): иноземцы все еще медлили; вмѣсто того, чтобы прямо перебѣжать въ противоположный лагерь, они считали своимъ долгомъ сообщить о случившемся той власти, которой служили много лѣтъ, предоставляя себѣ впрочемъ право дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. Зная, что обѣ стороны дорожатъ ими, они не хотѣли рѣшиться въ пользу одной, не давъ знать о томъ другой.

Сообщить Голицыну о полученіи письма Петра было дѣломъ опаснымъ. Такъ какъ никто изъ присутствовавшихъ при прочтеніи письма не хотѣлъ на это отважиться, Гордонъ самъ, какъ онъ разказываетъ,—взявъ съ собою нѣсколько полковниковъ, отправился къ Голицыну и показалъ ему грамоту. Тотъ былъ сильно смущенъ, но поспѣшилъ оправиться и отвѣчалъ, что̀ покажетъ грамоту старшему царю и царевнѣ и тогда скажетъ, что имъ дѣлать. Гордонъ замѣтилъ, что они боятся за свои головы, если не послушаются. Голицынъ обѣщалъ прислать отвѣтъ не позже вечера и для того пригласилъ Гордона оставить у него своего зятя полковника Страдбурга.

Можетъ быть, Голицынъ, опасавшійся, что иностранцы дѣйствительно послушаются Петра, расчитывалъ на то, что зять Гордона будетъ въ его рукахъ чѣмъ-то въ родѣ заложника. Мы не знаемъ, остался ли Страдбургъ у Голицына; но во всякомъ случаѣ Гордонъ составилъ свое рѣшеніе: возвратясь въ Нѣмецкую слободу, онъ приготовилъ все къ отъѣзду; полковникамъ и офицерамъ, приходившимъ къ нему за совѣтомъ, онъ объявилъ, что съ своей стороны, незави-

симо отъ всякихъ приказаній, онъ готовъ отправиться въ тотъ же вечеръ въ Троицу. Тутъ-то и оказалось, какое значеніе имѣлъ Гордонъ въ Нѣмецкой слободѣ. Какъ скоро узнали о его рѣшеніи, всѣ „знатные и незнатные" начали готовиться къ отъѣзду. Вечеромъ они оставили Нѣмецкую слободу; уже стемнѣло, когда они достигли Яузскаго моста. Прошедши 15 верстъ, они стали кормить лошадей; 5-го сентября они завтракали въ 15 верстахъ отъ Троицы и около 11 часовъ утра пріѣхали въ монастырь. Послѣ обѣда они были допущены къ царской рукѣ. Петръ самъ поднесъ каждому по чаркѣ водки, спрашивалъ ихъ о здоровьѣ и велѣлъ имъ быть готовыми къ службѣ (II, 276—277).

Гордонъ самъ придаетъ своему образу дѣйствій въ этомъ случаѣ большое значеніе. „Прибытіе наше въ Троицкій монастырь", пишетъ онъ,—„было рѣшительнымъ переломомъ; послѣ того всѣ начали высказываться громко въ пользу младшаго царя" (II, 276). Позднѣйшіе историки смотрятъ на этотъ фактъ различно. „Въ такое время натянутаго ожиданія и нерѣшительности", замѣчаетъ Соловьевъ,— „всякое движеніе въ ту или другую сторону чрезвычайно важно, сильно увлекаетъ" [1]). За то Устряловъ находитъ показаніе Гордона несправедливымъ: „Изъ подлинныхъ актовъ", говоритъ онъ,—„очевидно, что всѣ почти стрѣлецкіе полковники и урядники давно были въ лаврѣ; рядовые стрѣльцы оставались въ Москвѣ, но явно склонялись на сторону государя и усердно отыскивали его злодѣевъ; патріархъ, вельможи и царедворцы также были при немъ; а народъ вовсе не думалъ вступаться за Софію. При такомъ положеніи дѣлъ, иноземцамъ ничего болѣе не оставалось, какъ отправиться въ лавру. Велика была бы ихъ заслуга, еслибъ они явились къ Петру за три недѣли передъ тѣмъ, по первому призыву; но теперь они спасали только свои собственныя головы" [2]).

Нѣтъ сомнѣнія, что иностранцамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ отправиться къ Петру, и что они этимъ спасали свои головы. Но нельзя и порицать ихъ за то, что они не покинули Софіи и Голицына раньше. Что же касается до впечатлѣнія, произведеннаго прибытіемъ иноземцевъ въ Троицу на современниковъ, нѣтъ основанія сомнѣваться въ справедливости показанія Гордона. Мѣсто, кото-

---

[1]) *Соловьевъ*, Ист. Р., XIV, стр. 130.

[2]) *Устряловъ*, Ист. П. В., II, 74.

рое занимали Гордонъ и его сослуживцы-иностранцы въ обществѣ и въ государствѣ было видное. Представители западно-европейской культуры, военной техники и опытности не могли не имѣть значенія въ глазахъ русскаго общества. Можно было питать къ нимъ вражду какъ къ еретикамъ, но нельзя было не цѣнить ихъ знанія и образованія, ихъ чувства долга и вѣрности по службѣ. По крайней мѣрѣ тѣ же отчасти самыя причины, которыя заставляли правительство отказывать Гордону въ увольненіи, заставляли и Петра дорожить пріѣздомъ жителей Нѣмецкой слободы. Мы не знаемъ о числѣ иностранцевъ, отправившихся вмѣстѣ съ Гордономъ въ Троицу, но изъ собственныхъ словъ его можно заключить, что оно было значительное. Пріѣздъ ихъ въ Троицу былъ фактомъ, который не могъ ускользнуть отъ вниманія всѣхъ слѣдившихъ за событіями и еще колебавшихся между двумя спорившими партіями.

Предположеніе г. Поссельта, что образъ дѣйствій Голицына въ отношеніи къ Гордону въ 1686 году не остался безъ вліянія на поведеніе Гордона въ 1689 году, не подтверждается фактами. Не видно, чтобы Гордонъ хотѣлъ мстить Голицыну; напротивъ того, намъ кажется, что онъ поступилъ съ павшимъ вельможей и бывшимъ своимъ покровителемъ весьма благородно, какъ то видно, между прочимъ изъ слѣдующаго факта: Гордонъ прибылъ въ Троицу 5-го сентября; 7-го пріѣхалъ туда Голицынъ, не ожидая для себя ничего хорошаго отъ государя, которому была извѣстна тѣсная связь его съ Шакловитымъ. Въ тотъ самый день, когда казнили Шакловитаго, 7-го вечеромъ, Гордонъ посѣтилъ въ Троицкомъ монастырѣ Голицына, ожидавшаго на другой день рѣшенія своей участи, и нашелъ его въ раздумьѣ—„не безъ причины“, замѣчаетъ Гордонъ (II, 279). Имѣть сношенія съ Голицынымъ въ то время могло быть дѣломъ опаснымъ. Гордонъ, очевидно, безъ всякой особенной надобности посѣтилъ боярина, который хотя и былъ еще на свободѣ, но считался государственнымъ преступникомъ. Мало того: Гордонъ самъ, какъ видно изъ дневника (II, 280), былъ убѣжденъ въ томъ, что Голицынъ зналъ объ умыслахъ противъ Петра. Онъ довольно подробно разказываетъ о катастрофѣ Голицына и его отправленіи въ ссылку.

Въ Троицѣ Гордонъ, впрочемъ, не игралъ особенно важной роли. Онъ былъ скорѣе наблюдателемъ, чѣмъ дѣйствующимъ лицомъ. Военныхъ дѣйствій не было, полицейскія обязанности скорѣе лежали на стрѣльцахъ, находившихся въ распоряженіи Петра, чѣмъ на ино-

странцахъ. Когда Петръ оставилъ Троицкій монастырь, Гордонъ долженъ былъ оставаться „при аптекѣ“ (II, 285). Петръ осыпалъ Гордона милостями: 17-го сентября онъ былъ удостоенъ права получать ежедневно по 6 блюдъ, по 3 воза сѣна и по 1 бочкѣ овса (II, 285); въ тотъ же день Петръ присутствовалъ въ Александровской слободѣ при упражненіяхъ войска, долго бесѣдовалъ съ Гордономъ и подарилъ ему камки и атласу.

Гордонъ и Петръ Великій.

До 1689 года отношенія Гордона къ Петру были чисто офиціальныя. Онъ нѣсколько разъ имѣлъ случай представляться ему и при такихъ случаяхъ сравнивалъ то благопріятное впечатлѣніе, которое производилъ Петръ, съ жалкимъ видомъ болѣзненнаго и слабаго Ивана (II, 11). Въ 1688 году Петръ началъ заниматься своими потѣшными. 7-го сентября онъ чрезъ нарочнаго требовалъ, чтобы Гордонъ прислалъ ему изъ своего полка 5 флейтщиковъ и столько же барабанщиковъ. Василій Васильевичъ Голицынъ былъ крайне недоволенъ, что эти люди были отправлены къ царю безъ его вѣдома. Вскорѣ послѣ того Петръ вновь потребовалъ еще нѣсколько барабанщиковъ, и Гордонъ, одѣвъ пять человѣкъ въ голландское платье, отправилъ ихъ къ царю (II, 227). Очевидно, Гордонъ понималъ, что угождать Петру — дѣло выгодное. Въ борьбу партій, о которой Гордонъ пишетъ уже осенью 1688 года, онъ не вмѣшивался, но за то искалъ случаевъ доставлять удовольствіе юному царю. 9-го октября онъ, осматривая свой полкъ въ слободѣ, выбралъ 20 флейтщиковъ и 30 маленькихъ барабанщиковъ „для обученія“ (II, 231). Очевидно, эти люди были назначены для потѣшнаго войска Петрова. 13-го ноября потребовали всѣхъ барабанщиковъ Гордонова полка къ царю Петру, и сверхъ того, 10 человѣкъ взяты въ конюхи.

Между тѣмъ стали обнаруживаться разные признаки распри между Софіей и Петромъ. Уже въ сентябрѣ, сообщая нѣкоторыя частности объ образѣ дѣйствій Петра, Гордонъ употребляетъ слово „партія“ (II, 229 230), а 29-го іюня 1689 г. у него отмѣчено: „Хотя въ этотъ день были имянины младшаго царя, никакого празднества не было“ (II, 263). Впрочемъ, мы не знаемъ, желалъ ли Гордонъ успѣха „партіи“ Петра, и на сколько онъ сочувствовалъ молодому царю, уже тогда столь рѣзко отличавшемуся отъ своихъ родственниковъ: у Гордона не было

обычая излагать въ дневникѣ свои мысли, разсужденія, надежды и желанія. Но въ сентябрѣ 1689 года, послѣ пребыванія въ Троицкомъ монастырѣ, установились постоянныя сношенія Петра съ Гордономъ, и молодой царь ежедневно любовался военными упражненіями, производившимися подъ руководствомъ Гордона. Семь дней сряду происходили ученія, маневры. Гордонъ показалъ царю разныя движенія конницы, велѣлъ своимъ солдатамъ стрѣлять залпомъ и проч. Однажды при этихъ упражненіяхъ Гордонъ упалъ съ лошади и сильно повредилъ себѣ руку. Петръ самъ подошелъ къ нему и съ нѣкоторымъ волненіемъ спрашивалъ, какъ онъ себя чувствуетъ (II, 285 и 286). Доказательствомъ значенія, которое Гордонъ пріобрѣлъ послѣ государственнаго переворота, можетъ служить и то, что Гордона посѣщалъ фаворитъ царя, Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ (II, 287). Въ свою очередь, и Гордонъ обѣдывалъ у него иногда въ это время (II, 289). Очевидно, Петръ сталъ нуждаться въ обществѣ Гордона. Онъ весьма часто посылалъ за нимъ; въ дневникѣ нерѣдко встрѣчаются замѣтки, что Гордонъ былъ у царя на потѣшномъ дворѣ, что онъ присутствовалъ при приготовленіи царемъ фейерверка, что онъ былъ „на верху", обѣдалъ у Петра и оставался тамъ до вечера, что онъ весьма долго бесѣдовалъ съ царемъ о разныхъ предметахъ. Гордонъ участвовалъ и въ царскихъ пирахъ и оставался во дворцѣ цѣлую ночь; иногда онъ вмѣстѣ съ Петромъ обѣдалъ или ужиналъ у Льва Кирилловича Нарышкина, у котораго все подавалось на серебрѣ, у Ромодановскаго или Андрея Артамоновича Шереметева (II, 289, 290, 291, 292, 293 и п.р).

Мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что Петръ именно благодаря Гордону привыкъ посѣщать Нѣмецкую слободу, и чрезъ Гордона прежде, чѣмъ чрезъ Лефорта, познакомился съ нравами западной Европы. Петръ узналъ Гордона и Лефорта лично, когда ему было не менѣе 17 лѣтъ, когда, какъ говоритъ Устряловъ, — „душа его уже горѣла жаждою знанія, а воображеніе рисовало фортеціи, корабли, битвы на морѣ и на сушѣ" [1]). Послѣ кризиса 1689 года Петръ посвятилъ бо̀льшую часть своего времени военнымъ упражненіямъ: въ сентябрѣ этого года онъ цѣлую недѣлю занимался въ Александровской слободѣ, въ 173 верстахъ отъ Москвы, коннымъ и пѣшимъ ученіемъ съ пушечною пальбою, въ присутствіи обѣихъ царицъ и всего двора, и при этомъ единственнымъ наставникомъ его

---

[1]) Ист. П. В., II, 23.

былъ Гордонъ, подъ руководствомъ котораго происходили маневры потѣшныхъ. О Лефортѣ пока нѣтъ рѣчи. Точно также, когда царь является впервые въ Нѣмецкой слободѣ, онъ прежде всего былъ въ гостяхъ у Гордона.

Однако, осенью 1689 года, положеніе иностранцевъ было далеко небезопасное. Патріархъ Іоакимъ, какъ мы знаемъ уже, сильно не любившій иноземцевъ и искавшій случая принять самыя строгія мѣры противъ „еретиковъ", могъ легко воспользоваться ересью Кульмана для уничтоженія лютеранскихъ и реформатскихъ церквей, находившихся въ Нѣмецкой слободѣ. Кульманъ былъ сожженъ чрезъ нѣсколько недѣль послѣ паденія Софіи. Въ октябрѣ 1689 года состоялся указъ, имѣвшій цѣлью затруднить пріѣздъ иностранцевъ въ Россію. Самъ Гордонъ испыталъ на себѣ непріязнь патріарха къ иноземцамъ. Приглашенный къ торжественному столу по случаю празднованія рожденія царевича Алексѣя Петровича (въ февралѣ 1690 года), онъ не могъ участвовать въ обѣдѣ, потому что патріархъ объявилъ рѣшительно, что иноземцамъ въ такихъ случаяхъ быть неприлично (II, 297). Можно думать, что Петру, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ видѣвшему Гордона почти ежедневно, этотъ эпизодъ очень не понравился. Желая показать вниманіе оскорбленному генералу, Петръ на другой же день послѣ этого происшествія пригласилъ его обѣдать гдѣ-то за городомъ. На возвратномъ пути оттуда царь постоянно съ нимъ бесѣдовалъ (II, 297).

Эта привязанность царя къ иностранцамъ сильно тревожила патріарха, въ своемъ завѣщаніи высказавшагося въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ противъ иноземцевъ и противъ вліянія западной Европы вообще. Тутъ онъ коснулся и Гордона, хотя и не назвалъ его по имени. Мы видѣли, что Іоакимъ еще до похода 1689 года не желалъ, чтобы Гордонъ въ немъ участвовалъ. Нынѣ же патріархъ писалъ: „Говорилъ я, смиренный старецъ, не обинуяся, благородной государынѣ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, и молилъ ее, и училъ, и письмомъ увѣщевалъ предъ началомъ Крымскихъ походовъ, когда царскія войска ходили на Татаръ, чтобы еретикамъ-иновѣрцамъ начальниками въ полкахъ не быть; но благородная царевна моленія моего послушать не изволила; не послушалъ меня и князь Василій Голицынъ; что же вышло? безчестіе и безславіе на многія земли, какъ всѣмъ извѣстно и вѣдомо!" [1]).

---

[1]) *Устряловъ*, Ист. П. В., II, 116.

Извѣстно, что и народъ не любилъ иностранцевъ. Многіе обычаи ихъ казались Русскимъ странными, смѣшными; купечество жаловалось сильно на конкурренцію иноземцевъ; простой народъ часто осыпалъ ихъ бранью и насмѣшками. Прудъ, около котораго иноземцы выстроили себѣ дома при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ назывался *Поганымъ*; Нѣмецкая слобода слыла подъ презрительнымъ именемъ Кукуя. Сама мать Петра, Наталья Кирилловна, празднуя день своего тезоименитства, жаловала изъ собственныхъ рукъ чаркою вина всѣхъ русскихъ сановниковъ, въ томъ числѣ полковниковъ стрѣлецкихъ, также гостей и купцовъ, но генераловъ и полковниковъ иноземныхъ не удостоивала этой чести и въ чертоги свои не впускала (II, 316). Въ тотъ самый день оскорбили иностранцевъ и тѣмъ, что гости и купцы при пріемѣ занимали мѣсто выше ихъ. О супругѣ Петра извѣстно, что она не любила иноземцевъ, видя въ нихъ нехристей и развратниковъ [1]). Не такъ однако думалъ самъ Петръ. „Не обращая вниманія на замѣтную досаду почтенныхъ сѣдинами и преданностью бояръ, на строгія нравоученія всѣми чтимаго патріарха, на суевѣрный ужасъ народа, не слушая ни нѣжныхъ пеней матери, ни упрековъ жены, еще любимой, Петръ“, по словамъ Устрялова,— „съ ласковымъ привѣтомъ товарища и друга протянулъ свою руку чужеземнымъ пришельцамъ, искавшимъ въ Россіи царскаго жалованья, торговой корысти, нерѣдко куска хлѣба, и потребовалъ у нихъ образованія для себя и для своего народа“.

При такихъ обстоятельствахъ смерть патріарха Іоакима, скончавшагося 17-го марта 1690 года, была для Гордона важнымъ событіемъ (II, 298); онъ однако записываетъ этотъ фактъ безъ всякихъ замѣчаній о значеніи его. За то достойно вниманія слѣдующее замѣчаніе въ письмѣ Гордона къ его другу, купцу Мевереллю въ Лондонъ отъ 29-го іюля 1690 года (III, 259): „Я все еще при дворѣ, что̀ причиняетъ мнѣ большіе расходы и много безпокойства. Мнѣ обѣщали большія награды, но пока я еще получилъ мало. Когда молодой царь самъ возьметъ на себя управленіе государствомъ, тогда я, безъ сомнѣнія, получу полное удовлетвореніе“. Изъ этого замѣчанія видно, что Гордонъ пользовался безусловнымъ расположеніемъ къ себѣ Петра, но что Петръ въ этомъ отношеніи — и послѣ кончины патріарха — былъ еще нѣсколько стѣсненъ и не могъ дѣйствовать вполнѣ

---

[1]) *Устряловъ*, Ист. П. В., II, 119.

независимо. Впрочемъ Петръ умѣлъ цѣнить заслуги Гордона. „Дорогъ, незамѣнимъ Петру былъ Гордонъ“, справедливо замѣчаетъ Устряловъ.—„Въ высшей степени точный во всѣхъ своихъ поступкахъ, тѣмъ болѣе въ исполненіи своихъ обязанностей, бдительный, неутомимый, храбрости испытанной, чести безукоризненной, характера прямаго и благороднаго, онъ присоединялъ къ тому многолѣтнюю опытность, и если, мало знакомый съ военными науками, не могъ быть искуснымъ главнокомандующимъ, въ замѣнъ того обладалъ множествомъ практическихъ свѣдѣній объ устройствѣ войскъ регулярныхъ и былъ отличнымъ боевымъ генераломъ. А это для Петра было главное“ [1]).

Намъ кажется, что Гордонъ не только своею практическою опытностью, но и нѣкоторымъ теоретическимъ знаніемъ военнаго дѣла годился въ наставники Петру. Устряловъ, очевидно, не достаточно цѣнитъ образованіе Гордона вообще. Допуская, что Гордонъ, какъ говоритъ Устряловъ,—пришелъ въ Россію „смѣлымъ рубакою, но съ самыми ограниченными свѣдѣніями въ военномъ дѣлѣ, чего онъ впрочемъ не скрывалъ, сознаваясь князю Голицыну, что инженернаго искусства вовсе не понимаетъ“, — нельзя отрицать, что Гордонъ не ограничивался практическою стороною дѣла, но старался путемъ чтенія пріобрѣтать кое-какія теоретическія познанія; въ другомъ мѣстѣ мы укажемъ на эти занятія и на начитанность Гордона. Но не одна военная спеціальность должна была нравиться Петру въ Гордонѣ, который вообще былъ многосторонне образованнымъ человѣкомъ. Въ продолженіе всей своей жизни онъ слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ за политическими событіями; въ зрѣлыхъ лѣтахъ путешествуя нѣсколько разъ по Европѣ, онъ имѣлъ случай познакомиться съ бытомъ разныхъ государствъ и народовъ. Его бесѣды могли замѣнить для Петра чтеніе газетъ. Переписываясь со множествомъ лицъ въ разныхъ концахъ Европы, Гордонъ хорошо зналъ о томъ, что̀ происходило на западѣ. Выписывая книги, инструменты, предметы роскоши, онъ постоянно находился въ самой тѣсной связи съ западною культурой, а именно послѣдняя казалась Петру въ высшей степени привлекательною. Лефортъ былъ дорогъ для Петра главнымъ образомъ своею личностью, своимъ прекраснымъ сердцемъ, безкорыстною, безпредѣльною преданностью къ особѣ Петра; но Гордонъ гораздо болѣе, чѣмъ Лефортъ, могъ считаться представителемъ

---

[1]) *Устряловъ*, Ист. П. В., II, 124.

западно-европейской политической и общественной цивилизаціи и потому скорѣе, чѣмъ Лефортъ, могъ быть наставникомъ Петра и посредникомъ въ его сближеніи съ европейской культурой. 21-мъ годомъ моложе Гордона и 16-ю старше Петра, Лефортъ по своему характеру и наклонностямъ оставался юношею до гроба. Напротивъ того, Гордонъ, который былъ тридцатью семью годами старше Петра, уже въ юныхъ лѣтахъ отличался необычайною зрѣлостью характера, обдуманностью дѣйствій, ясностью воззрѣній и неутомимымъ трудолюбіемъ. Въ противоположность къ нѣкоторой женственности въ характерѣ Лефорта, не отличавшагося ни самостоятельною волею, ни яснымъ сознаніемъ своего личнаго достоинства, Гордонъ былъ серьезнымъ мужчиною, который всегда сознаетъ свое положеніе и свой долгъ. Лефортъ едва ли любилъ труды военные: удовольствія веселой жизни, дружеская попойка съ разгульными друзьями, пиры по нѣскольку дней сряду, съ танцами, съ музыкою, были для него, кажется, привлекательнѣе славы ратныхъ подвиговъ [1]). Гордонъ, напротивъ того, съ трудомъ перенося увеселенія придворной жизни, предпочиталъ имъ походы и занятія за письменнымъ столомъ. Именно при этой солидности, серьезности, при нѣкоторомъ педантизмѣ Гордона, въ противоположность широкой натурѣ Лефорта, достойно вниманія сближеніе перваго съ Петромъ. Ихъ отношенія не измѣнялись въ продолженіе всего времени до кончины Гордона. Они были менѣе интимными, чѣмъ отношенія Петра къ Лефорту, но имѣли по крайней мѣрѣ такое же значеніе въ жизни юнаго царя, принося ему большую пользу, расширяя кругъ его знаній, наводя его на новыя мысли, упражняя его въ дѣлахъ военной техники и развивая его понятія. Сначала царя занимали фейерверки и попойки, а затѣмъ начались маневры въ большихъ размѣрахъ, въ которыхъ Гордонъ былъ главнымъ руководителемъ. Наконецъ настала эпоха Азовскихъ походовъ.

Представимъ нѣкоторыя данныя объ отношеніяхъ Петра къ Гордону до Азовскихъ походовъ.

11-го января 1690 года Гордонъ присутствовалъ при приготовленіи самимъ Петромъ фейерверка; 13-го онъ обѣдалъ у Петра и оставался почти до обѣда; 16-го онъ опять обѣдалъ у Петра и оставался до 1-го часа ночи; опыты съ фейерверкомъ были удачны. 17-го онъ снова былъ при дворѣ, гдѣ происходило какое-то совѣщаніе;

---

[1]) *Устряловъ*, Ист. П. В., II, 122.

19-го онъ вмѣстѣ съ Петромъ былъ на дачѣ у боярина Петра Васильевича Шереметева; оттуда они отправились послѣ обѣда въ одинъ изъ загородныхъ дворцовъ Петра, и здѣсь занимались фейерверкомъ, а затѣмъ снова отправились къ Шереметеву. На другой день Гордонъ хворалъ вслѣдствіе этой пирушки, продолжавшейся до ночи, и пролежалъ весь день въ постели. 21-го Гордонъ опять обѣдалъ у Петра, 22-го также; въ этотъ день его зять Стразбургъ обжогъ себѣ лицо на фейерверкѣ. 23-го онъ посѣтилъ Петра въ городѣ, а затѣмъ былъ на похоронахъ одной полковницы, вслѣдствіе чего на другой день не могъ видѣться съ Петромъ, такъ какъ по обычаю всѣ лица, присутствовавшія при погребеніи, въ продолженіе трехъ дней не могли являться при дворѣ. 27-го Гордонъ былъ при дворѣ, 31-го также; 4-го и 5-го февраля онъ долго разговаривалъ съ Петромъ и пр. (II, 290 и слѣд.). Онъ говорилъ съ Петромъ о расширеніи правъ католиковъ въ Россіи (II, 289), просилъ его принять мѣры для правильной выдачи жалованья (II, 293), испытывалъ съ нимъ новыя пушки (II, 296) и предпринималъ поѣздки по водѣ, продолжавшіяся иногда по два дня (II, 302). Когда родился царевичъ Алексѣй, Гордонъ (23-го февраля) командовалъ парадомъ войскъ и отъ имени всего войска въ торжественной рѣчи поздравилъ Петра (II, 206). Стрѣльба залпомъ при этомъ случаѣ до того понравилась Петру, что нужно было повторить ее нѣсколько разъ.

Начались награды. Гордонъ получилъ право на безпошлинный провозъ вина, чѣмъ и пользовался неоднократно (II, 292, 356); ему пожаловали бархату (II, 296, 300). 6-го марта 1691 года Петръ обрадовалъ Гордона подаркомъ въ 1,000 рублей; половину этой суммы Гордонъ получилъ въ разныхъ серебряныхъ сосудахъ, а другую соболями; и то, и другое Гордонъ продалъ. Его зять Стразбургъ получилъ 500 рублей (II, 335 и 337). Вскорѣ послѣ того Петръ подарилъ Гордону землю подлѣ его дома до рѣки Яузы (II, 341). Начиная съ 1692 года, Гордонъ сталъ получать, сверхъ оклада, 400 рублей (II, 362).

Петръ совершенно привыкъ къ этимъ близкимъ сношеніямъ съ жителями Нѣмецкой слободы. Когда, 26-го февраля 1690 года, онъ въ своемъ дворцѣ устроилъ великолѣпный фейерверкъ, то пригласилъ иностранцевъ съ ихъ семействами стоять близко, не смотря на то, что тутъ находился весь дворъ, оба царя, обѣ царицы и нѣкоторыя царевны; на этотъ разъ Гордонъ и его родственники и знакомые вернулись домой не ранѣе какъ въ два часа по полуночи (II, 297). Вскорѣ Петръ и самъ сталъ посѣщать Нѣмецкую слободу. 30-го

апрѣля 1690 года Петръ, съ боярами и важнѣйшими царедворцами, ужиналъ у Гордона и былъ чрезвычайно веселъ (II, 302), и послѣ того, такія посѣщенія повторялись довольно часто. Иногда число гостей при такихъ случаяхъ было довольно значительное (до 40 человѣкъ); иногда, какъ кажется, Петръ обѣдалъ у Гордона одинъ. Петръ былъ у Гордона и на свадьбѣ его дочери, и на похоронахъ зятя. Иногда посѣщенія его были очень продолжительны; такъ, 2-го января 1691 года онъ объявилъ Гордону, что на другой день будетъ у него обѣдать и ужинать и останется ночевать; при этомъ было 85 человѣкъ гостей и около 100 человѣкъ прислуги; къ ночи всѣ расположились спать „по лагерному" (II, 330); на другой день вся кампанія отправилась обѣдать къ Лефорту. 27-го января 1692 года Петръ также провелъ у Гордона цѣлый день (II, 365). Но молодой царь посѣщалъ Гордона и не ради однѣхъ попоекъ; когда однажды Гордонъ заболѣлъ послѣ роскошнаго обѣда у Бориса Алексѣевича Голицына, Петръ самъ пришелъ къ нему узнать подробнѣе о болѣзни, а затѣмъ послалъ ему лѣкарства (II, 312). Иногда Петръ посылалъ за Гордономъ, а затѣмъ послѣ военныхъ упражненій отправлялся къ нему (II, 334); иногда Петръ приходилъ совсѣмъ нечаянно, утромъ, днемъ, вечеромъ (II, 349 и 350, 383 и 384, 397, 408, 409). Когда однажды Петръ возвратился съ Переяславскаго озера, онъ въ тотъ же день зашелъ къ Гордону (II, 401). Однажды Петръ, посѣтивъ Гордона, взялъ у него три книги объ артиллерійскомъ искусствѣ (II, 421), подобно тому и Гордонъ бралъ книги у Петра (II, 477), а самъ выписывалъ для него, чрезъ купца Мюнтера, книги изъ-за границы (II, 494). Иногда они бесѣдовали о разныхъ военныхъ снарядахъ и оружіи, напримѣръ, осматривали новые шомполы, которые Гордонъ получилъ изъ Англіи (II, 477) и которые чрезвычайно понравились Петру. Когда начали заниматься проектомъ большихъ маневровъ въ Коломенскомъ, Гордонъ изобрѣлъ машину, посредствомъ которой можно было вламываться въ непріятельскій лагерь, не смотря на рогатки. Петръ самъ пришелъ къ Гордону для осмотра этого снаряда, который до того понравился царю, что онъ велѣлъ заказать три такіе снаряда (II, 469 и 484). Петръ былъ какъ бы домашнимъ другомъ въ домѣ Гордона, обращался съ нимъ какъ съ равнымъ. Прежде Гордона не приглашали къ царскому столу при торжественныхъ случаяхъ; теперь же, напримѣръ, въ день рожденія Петра, 30-го іюня 1690 года (патріархъ Іоакимъ умеръ въ мартѣ), Гордонъ обѣдалъ вмѣстѣ съ боярами и сановниками.

Гордонъ весьма подробно описываетъ это празднество; послѣ обѣда стрѣляли изъ пушекъ въ цѣль; Гордонъ въ крайнемъ утомленіи вернулся домой (II, 305). Однажды, 2-го іюля 1690 года, Петръ обжегъ себѣ лицо фейерверкомъ, и Гордонъ при этомъ случаѣ былъ легко раненъ (II, 305). Сынъ Гордона Джемсъ и зять его Стразбургъ также трудились вмѣстѣ съ Петромъ надъ фейерверкомъ въ царской лабораторіи (II, 331 и 333). Вообще Гордонъ принадлежалъ къ тому кружку, который въ то время составлялъ постоянное общество Петра: то были Борисъ Голицынъ, часто бывавшій въ это время и у Гордона, и у его зятей (II, 310), Стрешневъ, Нарышкинъ, Шереметевъ, Лыковъ и пр.; но никто изъ этихъ товарищей не могъ руководить ученіями и маневрами такъ успѣшно, какъ Гордонъ. Однажды при такомъ случаѣ Гордонъ обжегъ себѣ лицо и былъ довольно серьезно раненъ въ ногу (II, 318 и 319). Иногда онъ проводилъ вмѣстѣ съ царемъ цѣлый день, занимаясь опытами надъ военными снарядами (II, 341). При Семеновскихъ походахъ въ октябрѣ 1691 года Гордонъ руководилъ всѣмъ дѣломъ, указывалъ каждому его мѣсто и самъ командовалъ правымъ крыломъ войска (II, 351). Когда Петръ отправился однажды къ персидскому посланнику, онъ взялъ съ собою Льва Кирилловича Нарышкина и Гордона. Они видѣли тамъ льва и львицу, которыхъ посланникъ привезъ въ подарокъ царю, и были угощаемы сластями, напитками и музыкою (II, 368).

Когда начались потѣхи Петра на Переяславскомъ озерѣ, онъ и туда приглашалъ Гордона, который даже купилъ тамъ себѣ домъ. Съ большою радостью Петръ показывалъ Гордону свои суда (II, 372 и 373); Гордонъ участвовалъ въ поѣздкахъ по озеру и присутствовалъ при церемоніи спусканія на воду новопостроеннаго судна (II, 380, 381). Возвращаясь однажды вмѣстѣ въ Петромъ въ Москву, Гордонъ, узнавъ о пожарѣ въ городѣ, вмѣстѣ съ царемъ отправился туда и принималъ столь ревностное участіе въ тушеніи пожара, что едва не лишился зрѣнія (II, 382).

Особенно часто устраивались при дворѣ фейерверки. Гордонъ выписывалъ изъ-за границы разныя сочиненія о пиротехникѣ (II, 394), и Петръ иногда поручалъ ему приготовленіе этой забавы (II, 394). Любопытно, что однажды по желанію Петра было два фейерверка: было состязаніе между русскими и иностранцами. 21-го февраля 1692 года былъ фейерверкъ иностранцевъ: онъ произвелъ, какъ пишетъ Гордонъ, — „отличный эффектъ“; на другой же день былъ фейерверкъ Русскихъ, который также произвелъ „хорошій эф-

фектъ“ (II, 399). Гордонъ получалъ также изъ-за границы разныя книги объ артиллерійскомъ искусствѣ и вмѣстѣ съ царемъ дѣлалъ опыты надъ новыми мортирами, ручными гранатами, бомбами и проч. (II, 378, 379, 391, 392). Эти занятія были прерваны болѣзнью Петра въ концѣ 1691 года: дневникъ Гордона служитъ главнымъ источникомъ для исторіи этой болѣзни; оно и понятно, почему Гордонъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за ея ходомъ. Изъ другаго источника мы знаемъ, что любимцы Петра очень боялись его кончины, въ увѣренности, что въ такомъ случаѣ, при неминуемомъ господствѣ Софіи, ихъ ждетъ плаха или вѣчная ссылка; болѣе близкія къ Петру лица, какъ напримѣръ, Лефортъ, князь Борисъ Голицынъ, Апраксинъ, Плещеевъ, на всякій случай запаслись лошадьми въ намѣреніи бѣжать изъ Москвы [1]).

Въ 1693 году Петръ посѣтилъ Архангельскъ, между тѣмъ какъ Гордонъ оставался въ Москвѣ. Это было отчасти временемъ отдыха для стараго генерала. Придворная жизнь ему не нравилась; онъ иногда въ письмахъ къ друзьямъ жаловался на утомленіе и безпокойство разгульнаго житья-бытья въ компаніи царя; здоровье его страдало отъ вѣчныхъ попоекъ, обѣдовъ и ужиновъ, продолжавшихся иногда до глубокой ночи.

Впрочемъ, во время отсутствія Петра, продолжавшагося отъ 4-го іюля до 1-го октября, Гордонъ не оставался безъ занятій: онъ занимался главнымъ образомъ военно-административными дѣлами. Тотчасъ по возвращеніи изъ Архангельска, Петръ пришелъ къ Гордону обѣдать; Гордонъ показывалъ ему и объяснялъ артиллерійскій квадрантъ и особенный снарядъ для гранатъ, а затѣмъ происходили маневры (II, 418, 419).

Въ январѣ умерла царица Наталья Кирилловна. Петръ бесѣдовалъ съ Гордономъ о болѣзни матери. Въ тотъ самый день, какъ она скончалась, Петръ долженъ былъ удостоить своимъ присутствіемъ ужинъ и балъ у Гордона. Рано поутру Гордонъ отправился къ Петру, но уже не засталъ его дома. Простившись съ умирающею матерью, Петръ удалился въ Преображенское. Гордонъ поѣхалъ туда и засталъ царя сильно встревоженнымъ и печальнымъ. Гордонъ остался при немъ. „Около 8 часовъ“, пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ,—„получили мы извѣстіе, что царица скончалась на 42-мъ году жизни“ (II, 435). Въ февралѣ 1694 года Гордонъ получилъ для

1) *Устряловъ*, Ист. П. В., II, 144.

Петра отъ англійско-московскаго торговаго общества разные подарки, великолѣпное оружіе, шляпу съ бѣлымъ перомъ, часы, инструменты и нѣсколько дюжинъ бутылокъ лучшихъ винъ и ликёровъ. 15-го февраля царь пріѣхалъ къ Гордону для полученія этихъ вещей (II, 437).

Уже въ декабрѣ 1693 года Гордонъ былъ назначенъ шаутбенахвомъ или контръ-адмираломъ [1]). Петръ готовился ко второму путешествію въ Архангельскъ: онъ рѣшилъ въ будущемъ году устроить морскіе маневры на Бѣломъ морѣ и для того соорудить один корабль, а другой купить въ Голландіи. Гордонъ, въ качествѣ контръадмирала, разумѣется, на этотъ разъ долженъ былъ также отправиться въ Архангельскъ, гдѣ жила его дочь Мэри Стевинсъ съ мужемъ. Путешествіе въ Архангельскъ, которое онъ описываетъ чрезвычайно подробно, онъ совершилъ безъ Петра. Оставивъ Москву 29-го апрѣля, Гордонъ пріѣхалъ въ Архангельскъ 18-го мая. Здѣсь, по обыкновенію, происходилъ рядъ пиршествъ; между прочимъ, былъ большой пиръ на спущенномъ на воду кораблѣ. Затѣмъ Петръ со всею своею компаніей обѣдалъ у зятя Гордонова Стевинса (II, 458). Петръ отправился къ Соловецкому монастырю, но не бралъ Гордона съ собою въ эту поѣздку; во время отсутствія Петра, въ Архангельскъ прибыли два англійскіе корабля. Шкиперы, земляки Гордона, посѣтили его и угощали его на своихъ корабляхъ. И Петръ, по возвращеніи въ Архангельскъ, пировалъ съ шкиперами, которые, какъ пишетъ Гордонъ, при этомъ не щадили ни вина, ни пороху. 1-го іюля Петръ со всею компаніей пировалъ у Гордона. Занимаясь отдѣлкою новаго корабля, царь въ свободные часы, съ Гордономъ и англійскими шкиперами игралъ въ кегли (II, 460—466).

Впрочемъ, Гордонъ не бездѣйствовалъ и въ Архангельскѣ. Нужно было переводить съ англійскаго языка на русскій регламентъ для корабельныхъ сигналовъ; далѣе нужно было готовиться къ плаванію по Бѣлому морю; Гордону поручено было командовать аріергардомъ небольшаго русскаго флота на яхтѣ *Святой Петръ*. Съ 3-го августа готовый къ отплытію флотъ цѣлыя шесть сутокъ не могъ двинуться съ мѣста за совершеннымъ безвѣтріемъ. Отъ нечего дѣлать скучавшіе мореходы бродили по окрестнымъ островамъ и убивали время въ дружныхъ попойкахъ. „Старый весельчакъ Гордонъ", какъ называ-

---

[1]) *Устряловъ*, Ист. П. В., II, 163.

етъ его Устряловъ [1]),—между прочимъ предложилъ въ шутку англiйскому капитану Блойсу устроить пиръ на одномъ острову, которому обѣщалъ за то дать имя радушнаго хозяина. Капитанъ согласился и угостилъ Гордона съ его товарищами какъ нельзя лучше. Царя, впрочемъ, на этомъ пиру не было.

Плаванiе по Бѣлому морю было далеко не безопасное. Гордонъ не былъ морякомъ; не разъ, во время путешествiй въ Англiю, онъ страдалъ морскою болѣзнью; яхта *Святой Петръ*, на которой онъ находился, отстала отъ прочаго флота, взяла направленiе, по невѣрности компаса, слишкомъ къ западу и едва не наткнулась на каменный островъ Сосновецъ, близь Терскаго берега. Водруженные на немъ кресты, вѣроятно, надъ тѣлами утонувшихъ мореходовъ штурманъ принялъ за вымпелы прочихъ кораблей. Когда замѣтили съ судна землю, оно находилось въ такомъ разстоянiи отъ прибрежныхъ утесовъ, что можно было перекинуть на нихъ камень. Къ счастiю, вѣтеръ былъ не крѣпокъ. Яхта остановилась не далѣе одной сажени отъ скалы, о которую могла бы разбиться. Гордонъ и его спутники были въ ужасѣ; нѣсколько времени не могли придумать, что дѣлать, но наконецъ, буксиромъ при помощи бота оттянули судно отъ берега и прошли между островомъ и твердою землею не безъ опасенiя подводныхъ камней. Чрезъ нѣсколько времени Гордонъ соединился съ прочими судами, поджидавшими его. Послѣ восьмидневнаго плаванiя всѣ суда возвратились къ Архангельску. Тутъ, между прочимъ, Гордонъ трудился надъ подробнымъ планомъ Кожуховскаго похода и даже написалъ подробную записку объ этомъ предметѣ. Вскорѣ затѣмъ генералъ отправился въ Москву, куда и прiѣхалъ 12-го сентября (II, 483).

Что касается до Кожуховскаго похода, то изъ дневника Гордона видно, что и при этомъ случаѣ, какъ и при прежнихъ маневрахъ, онъ былъ главнымъ руководителемъ. Въ продолженiе трехъ недѣль, пока происходили маневры, имѣвшiе, впрочемъ, довольно серьезный характеръ, Гордонъ постоянно былъ въ обществѣ Петра. Интимныя сношенiя его съ царемъ продолжались и въ 1694 году; въ ноябрѣ этого года, Петръ, посѣтивъ однажды Гордона, оставался у него цѣлый часъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ отправился на какую-то свадьбу. На пути туда Гордонъ началъ говорить съ царемъ о католикахъ, надѣясь выхлопотать нѣкоторыя льготы для католицизма въ Россiи (II, 494);

[1]) Ист. П. В., II, 173.

вскорѣ послѣ того Петръ пожелалъ присутствовать при богослуженіи въ католической церкви, а послѣ того обѣдалъ у Гордона (II, 495).

Таково было житье-бытье Гордона въ девяностыхъ годахъ, до Азовскихъ походовъ; таковы были въ это время отношенія его къ царю Петру. Эта эпоха, какъ извѣстно, не богата политическими событіями. Государственными дѣлами Петръ въ это время почти вовсе не занимался. До широкой и плодотворной дѣятельности слѣдующихъ годовъ, до Азовскихъ походовъ, до путешествія Петра на западъ, до столкновенія съ Швеціей нужно было въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ готовиться, учиться; мѣстомъ ученія была для него, по крайней мѣрѣ отчасти, Нѣмецкая слобода; однимъ изъ важнѣйшихъ наставниковъ былъ Гордонъ. Впрочемъ, онъ въ то время не сознавалъ важнаго значенія этихъ подготовительныхъ занятій и не находилъ настоящаго удовлетворенія въ этой, по его мнѣнію, праздной жизни близъ молодаго царя.

Азовскіе походы.

Петръ писалъ къ Апраксину, 16-го апрѣля 1695 года: „Хотя и въ ту пору какъ осенью въ продолженіе пяти недѣль трудились мы подъ Кожуховымъ въ Марсовой потѣхѣ, ничего болѣе, кромѣ игры, на умѣ не было; однакожь эта игра стала предвѣстникомъ настоящаго дѣла“ [1]); а въ другомъ письмѣ: „Шутили подъ Кожуховымъ, а теперь подъ Азовъ играть ѣдемъ“ [2]).

Какъ думалъ самъ Гордонъ о предпріятіяхъ противъ Турокъ и Татаръ въ это время, мы не знаемъ. Въ Чигиринѣ онъ испыталъ значеніе борьбы съ Турками; тѣмъ не менѣе въ 1684 году онъ, какъ мы видѣли, не сомнѣвался въ успѣхѣ похода въ Крымъ. Однако походы Голицына показали, что надежды Гордона были тщетны. Въ слѣдующее затѣмъ время Гордонъ, какъ кажется, былъ недоволенъ бездѣйствіемъ правительства въ отношеніи къ Туркамъ и Татарамъ, а еще болѣе тѣмъ, что Россія не была достаточно приготовлена къ войнѣ. Мы уже видѣли, что онъ завидовалъ Мазепѣ, потому что послѣдній не оставался въ бездѣйствіи. Къ герцогу Гордону генералъ писалъ въ маѣ 1691 года слѣдующее: „Здѣсь находится императорскій интернунцій, который долженъ заставить насъ сдѣлать диверсію противъ Татаръ. Онъ однако не успѣетъ въ своемъ намѣреніи,

---

1) *Устряловъ*, Ист. П. В., II, 219.

2) Тамъ же, II, 228.

потому что мы не склонны и недостаточно сильны дѣлать болѣе, чѣмъ мы дѣлали до его пріѣзда, то-есть, мы должны довольствоваться прикрытіемъ нашихъ границъ" (III, 280). Въ томъ же духѣ Гордонъ писалъ въ іюлѣ 1691 года къ графу Мельфорту (III, 285) Въ январѣ 1692 года онъ писалъ къ герцогу Гордону: „Мы здѣсь живемъ въ мирѣ, и самыя настоятельныя требованія нашихъ союзниковъ не заставятъ насъ предпринять что-либо важное" (III, 309).

Мы не знаемъ, какимъ образомъ появилась и развилась мысль объ Азовскомъ походѣ. Безъ сомнѣнія, такому важному рѣшенію предшествовали разныя совѣщанія. Въ дневникѣ Гордона ничего не упомянуто объ этомъ предметѣ; знаемъ только, что съ самаго начала 1695 года Гордонъ былъ занятъ приготовленіями къ походу. На этотъ разъ онъ не подавалъ политическаго мемуара въ родѣ составленнаго въ 1684 году для Голицына. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что мысль о войнѣ довольно часто была предметомъ бесѣдъ между Петромъ и Гордономъ; въ своемъ дневникѣ однако Гордонъ вообще въ самыхъ лишь рѣдкихъ случаяхъ отмѣчалъ содержаніе бесѣдъ. И изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ весьма мало о томъ, какъ состоялось весьма важное рѣшеніе Петра сдѣлать наконецъ шагъ впередъ въ рѣшеніи восточнаго вопроса. Мы знаемъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и Польша, и императоръ старались склонить Россію къ дѣйствіямъ противъ мусульманъ. Въ Россіи такая война всегда считалась необходимостью. Но какъ именно самъ Петръ и передовые люди въ Россіи думали объ этомъ вопросѣ въ концѣ 1694 года — мы не знаемъ. Только слѣдующее замѣчаніе въ письмѣ Гордона къ его другу ксёндзу Шмидту отъ 20-го декабря 1694 года достойно вниманія: „Я думаю и надѣюсь, что мы въ это лѣто предпріймемъ что-нибудь для блага христіанства и нашихъ союзниковъ" (III, 355).

Какъ скоро походъ былъ рѣшенъ, для Гордона началась усиленная дѣятельность. 7-го февраля онъ осматривалъ свой Бутырскій полкъ, а затѣмъ былъ у Петра и съ нимъ составилъ списокъ всѣмъ предметамъ, которые должно было взять съ собою въ походъ. Ежедневно Гордонъ ѣздилъ въ Преображенское и имѣлъ разныя совѣщанія о походѣ. Такъ напримѣръ, 15-го февраля онъ бесѣдовалъ съ Тихономъ Никитичемъ Стрѣшневымъ о маршрутѣ войскъ, составлялъ списки офицерамъ, велѣлъ приготовить знамена, совѣтовался съ Петромъ, съ Б. А. Голицынымъ и проч. (II, 507—510).

Начальство надъ войскомъ, отправляемымъ въ походъ, было по-

ручено *тремъ* генераламъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ свою отдѣльную дивизію: Артамону Михайловичу Головину, Францу Яковлевичу Лефорту и Гордону. Дѣла рѣшались въ консиліи трехъ генераловъ, но приговоры ихъ исполнялись не иначе, какъ съ согласія „бомбардира Преображенскаго полка Петра Алексѣева“. Нельзя однако сказать, чтобы Гордонъ въ это время игралъ особенно важную роль. Лефортъ находился въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ царю, и между нимъ и Гордономъ было нѣкоторое соперничество; въ дневникѣ Гордона мѣстами даже замѣтно между строками неудовольствіе на Лефорта. Еще въ 1692 году, когда Лефортъ былъ назначенъ полковникомъ перваго выборнаго полка, Гордонъ высказывалъ неудовольствіе на такое его повышеніе [1]).

Когда начались приготовленія къ походу, Лефортъ постоянно находился при Петрѣ. „По приказанію Ихъ Величествъ“, писалъ онъ въ одномъ письмѣ въ Женеву, — „я пишу съ этою же почтою къ разнымъ знатнымъ лицамъ о предстоящемъ походѣ“. Въ письмѣ къ брату Лефортъ пишетъ: „Я назначенъ *первымъ генераломъ* съ двумя другими“ [2]). Изъ этого однако еще не слѣдуетъ, что Лефортъ въ офиціальномъ отношеніи занималъ первое мѣсто: Гордонъ стоялъ на равной съ нимъ ступени, хотя и не былъ такъ близокъ къ Петру.

20-го февраля Гордонъ имѣлъ совѣщаніе съ Петромъ о походѣ и убѣдилъ царя блокировать Азовъ. Окончательное рѣшеніе вопроса было однако отложено до военнаго совѣта, назначеннаго на другой день. Въ этомъ собраніи мысль Гордона была принята, и вслѣдствіе того онъ получилъ приказаніе по возможности скорѣе отправиться съ авангардомъ къ Азову. Предложенія Гордона обсуждались и 22-го февраля на пиру у Л. К. Нарышкина. Между тѣмъ продолжались приготовленія. Гордонъ купилъ нѣсколько лошадей, принималъ оружіе и аммуницію. 2-го марта утромъ Петръ завтракалъ у Гордона, а затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ осматривалъ стрѣлецкіе полки. 7-го марта Гордонъ съ Петромъ и другими лицами завтракали у Лефорта, затѣмъ Петръ пришелъ къ Гордону и провелъ у него нѣсколько часовъ. Въ тотъ же день Гордонъ выступилъ въ походъ (II, 510—514).

Въ дневникѣ подробно описанъ его путь. Онъ оставался въ Тамбовѣ до конца апрѣля. Все это время онъ былъ занятъ разными распоряженіями, покупкою лошадей, въ которыхъ ощущался сильный

---

[1]) См. соч. *Поссельта* о Лефортѣ, II, 152.

[2]) *Posselt*, Lefort, II, 235.

недостатокъ, и проч. Довольно важны на пути бесѣды Гордона съ казацкимъ атаманомъ, желавшимъ убѣдить его не идти дальше до прибытія прочаго войска. Такія внушенія не могли подѣйствовать на Гордона, остававшагося непоколебимымъ въ исполненіи своей обязанности, не смотря на то, что требованія казаковъ становились настойчивѣе по мѣрѣ того, какъ Гордонъ приближался къ Азову. Дѣйствительно, положеніе становилось опаснымъ, потому что Гордонъ узналъ о большомъ количествѣ непріятельскихъ войскъ, находившихся у Азова; но еще болѣе опасною въ глазахъ Гордона была готовность казаковъ къ измѣнѣ. Твердость Гордона, впрочемъ, дѣйствовала и на казаковъ. Не смотря на всѣ опасенія ихъ и офицеровъ въ военномъ совѣтѣ, созванномъ Гордономъ, никто не противорѣчилъ его мнѣнію, что нужно идти впередъ (II, 552—554). На Гордонѣ лежала тяжелая отвѣтственность. Онъ сильно жалуется въ дневникѣ на нерадѣніе казаковъ и стрѣльцовъ. У Маныча онъ остановился, но вскорѣ пошелъ далѣе. 27-го іюня наконецъ показался Азовъ. Гордонъ расположился съ своимъ войскомъ на окрестныхъ курганахъ и спѣшилъ укрѣпить свою позицію; два дня спустя прибылъ Петръ [1]) и въ тотъ же день съ двумя другими генералами ужиналъ у Гордона (II, 563). То у Гордона, то у Лефорта происходили совѣщанія о распредѣленіи войскъ подъ Азовомъ. Было рѣшено что Гордонъ долженъ занять средину позиціи, Лефортъ—лѣвый флангъ, а Головинъ—правый (II, 564). Окончательное приближеніе къ Азову—тутъ Гордонъ былъ впереди—представляло затрудненія, потому что войско вообще было недовольно походомъ (II, 564). Съ большимъ трудомъ Гордонъ старался убѣдить полковниковъ и другихъ лицъ, что пока нѣтъ никакой опасности. Объ этихъ движеніяхъ Гордонъ разказываетъ чрезвычайно подробно. Ему одному было поручено руководить приготовленіями къ осадѣ. 5-го іюня Петръ опять соединился съ Гордономъ и постоянно совѣтовался съ нимъ.

Не считая нужнымъ входить въ подробности осады Азова, укажемъ на ту роль, которую при этомъ случаѣ игралъ Гордонъ. Хотя онъ, безъ сомнѣнія, былъ самымъ опытнымъ изъ начальствующихъ въ русскомъ войскѣ, совѣты его не всегда были приводимы въ исполненіе. Такъ, напримѣръ, уже 5-го іюля возникло разногласіе между Гордономъ и инженерами о постройкѣ укрѣпленій, и желанія Гордона не

[1]) См. письмо Петра къ Гордону, написанное въ дорогѣ, у *Голикова*, стр. 276.

были исполнены (II, 570). Его старанія ускорить работы оказались безуспѣшными. Самъ Гордонъ не всегда дѣйствовалъ удачно. Послѣ разныхъ нападеній Турокъ, особенно на ту часть лагеря, гдѣ командовалъ Лефортъ, и послѣ взятія 14-го іюля двухъ каланчей, 15-го Турки, узнавъ кое-какія подробности о положеніи Русскихъ, напали на батарею Гордона. Сынъ его, полковникъ Джемсъ Гордонъ, отличился при этомъ случаѣ и былъ раненъ. Самъ Гордонъ сдѣлалъ все возможное, чтобъ остановить отступавшихъ стрѣльцовъ и солдатъ и едва самъ не попался въ плѣнъ. Редутъ съ пушками остался въ рукахъ непріятеля. Самого Гордона едва ли однако можно обвинять въ этомъ случаѣ: скорѣе виною было нерадѣніе войска. Въ созванномъ 18-го іюля военномъ совѣтѣ Гордонъ изложилъ подробно свои мысли (II, 577); но соображенія его были одобрены только отчасти; вообще, какъ онъ замѣчаетъ,—„все дѣлалось такъ медленно и безпорядочно, будто мы не имѣли вовсе въ виду серьезно взять крѣпость“ (II, 578).

Вскорѣ, однако, явилась мысль о приступѣ. 30-го всѣ заговорили объ этомъ, хотя никто, какъ говоритъ Гордонъ,—не имѣлъ понятія объ условіяхъ такого дѣла. Разумѣется, Гордонъ высказалъ свое мнѣніе, указалъ на неопытность офицеровъ, на недостаточную дисциплину и предсказывалъ неудачу. Но все это не помогало, и онъ долженъ былъ „плыть по теченію: иначе же“, говоритъ онъ, — „я взялъ бы на себя всю отвѣтственность въ замедленіи и дальнѣйшемъ пребываніи у Азова“. Въ военномъ совѣтѣ, созванномъ 2-го августа, Гордонъ еще разъ объяснялъ подробно, почему нельзя пока надѣяться на успѣхъ приступа; но сторонники противнаго мнѣнія стояли на своемъ. Гордонъ былъ въ недоумѣніи; планъ казался ему слишкомъ отважнымъ. Онъ замѣчалъ, что даже охотники, доброю волею и денежною наградою побужденные участвовать въ приступѣ, не надѣялись на успѣхъ. Ночью на 5-е августа Гордонъ еще разъ отправился къ Петру и старался убѣдить его, что на успѣхъ невозможно разчитывать. Все однако было тщетно. Когда наконецъ и Петръ, и другіе генералы пришли въ ту же ночь къ Гордону, всѣ съ жаромъ говорили о приступѣ и взятіи крѣпости, такъ что Гордонъ уже не смѣлъ прекословить и „говорилъ какъ другіе, не смотря на то, что самъ не ожидалъ успѣха“ (II, 584—586).

Все это показываетъ, что вліяніе Гордона на Петра не было въ то время сильно. Какъ кажется, Лефортъ особенно настаивалъ на приступѣ. По крайней мѣрѣ въ письмѣ къ своимъ женевскимъ

родственникамъ онъ объяснялъ, почему приступъ легко могъ удасться [1]); Гордонъ же говоритъ, что это предпріятіе состоялось по внушенію „совѣтниковъ Ровоама“ (II, 588). На самомъ дѣлѣ приступъ имѣлъ исходъ весьма печальный. Много народа погибло совершенно понапрасну. Гордонъ сначала не хотѣлъ безъ дозволенія Петра распорядиться отступленіемъ, но затѣмъ, не дождавшись царскаго приказа и пренебрегая царскимъ гнѣвомъ, велѣлъ трубить и этимъ спасъ остатки войска (II, 588). О непосредственно послѣдовавшихъ затѣмъ событіяхъ Гордонъ разказывалъ такъ: „Около 9 часовъ Государь потребовалъ меня къ себѣ, явились и другіе генералы. Всѣ они были скучны и печальны. Я просилъ созвать военный совѣтъ, чтобы надлежащимъ образомъ обсудить дѣло“. Въ военномъ совѣтѣ было рѣшено продолжать осаду. Предусмотрительный Гордонъ, не вполнѣ довѣряя искуству инженеровъ и мало надѣясь на успѣхъ, совѣтовалъ укрѣпить каланчи, чтобъ удержать ихъ за собою въ случаѣ отступленія отъ Азова. Товарищи слушали его равнодушно и не торопились исполнять его совѣты; онъ однако настоялъ на своемъ, и Петръ съ генералами отправился къ каланчамъ для назначенія, гдѣ возвести болверки. Но Головинъ и Лефортъ, по прежнему не видѣвшіе большой надобности въ укрѣпленіи каланчей, вывели своимъ легкомысліемъ Гордона изъ терпѣнія: въ досадѣ онъ говорилъ съ излишнимъ жаромъ и упрекалъ товарищей въ равнодушіи къ столь важному дѣлу и въ небрежномъ устройствѣ траншей на лѣвомъ флангѣ. Эта выходка очень не понравилась. Однако приступили къ укрѣпленію каланчей сообразно съ предложеніями Гордона (II, 591).

Изъ донесенія австрійскаго дипломатическаго агента Плейера, бывшаго также въ русскомъ лагерѣ во время осады Азова, видно, что Гордонъ былъ недоволенъ Лефортомъ, который не заботился объ устройствѣ коммуникаціонныхъ линій съ лагеремъ Гордона для взаимной обороны [2]). Уже въ іюлѣ мѣсяцѣ между Гордономъ и Лефортомъ происходили на этотъ счетъ пререканія. Плейеръ упоминаетъ также и о плохой дисциплинѣ войска, бывшаго подъ командою Гордона [3]). Между тѣмъ Турки очень боялись Гордона. У нихъ распространился слухъ, что онъ раненъ смертельно, и они старались

---

[1]) *Posselt*, Lefort, II, 247.
[2]) *Устряловъ*, Ист. П. В., II, 572.
[3]) Тамъ же, II, 575.

узнать: правда ли это, и пытали одного казака за то, что онъ разсказывалъ, что Гордонъ живъ и здоровъ (II, 599).

Съ Петромъ Гордону часто приходилось спорить; 12-го сентября царь пришелъ къ Гордону и показалъ ему бумагу, которую хотѣли бросить въ городъ. Гордону это воззваніе не понравилось: онъ считалъ вообще такую мѣру излишнею и неприличною (II, 600). Мы не знаемъ, высказалъ ли онъ свое мнѣніе откровенно, или нѣтъ. Вообще Гордонъ былъ въ мрачномъ, угрюмомъ расположеніи духа. Онъ жаловался между прочимъ на недостатокъ въ ядрахъ и бомбахъ. О военномъ совѣтѣ 13-го сентября онъ замѣчаетъ, что, „какъ обыкновенно, въ немъ не было принято ни одного порядочнаго рѣшенія“ (II, 601). Головинъ устроилъ въ подкопѣ камеру и наполнилъ ее порохомъ. Инженеръ былъ человѣкъ молодой и неопытный. Сомнѣваясь въ истинѣ его словъ, Гордонъ доказывалъ, что преждевременный взрывъ не принесетъ никакой пользы и только перебьетъ Русскихъ же. Но созванный государемъ военный совѣтъ рѣшилъ взорвать подкопъ, и какъ скоро обрушится стѣна, занять проломъ ближайшими войсками. Предсказанія Гордона сбылись буквально. Крѣпостная стѣна осталась невредимою, а много Русскихъ погибло. „Эта неудача“, говоритъ Гордонъ,—“сильно огорчила государя и произвела неописанный ужасъ въ войскѣ, потерявшемъ послѣ того всякое довѣріе къ иностранцамъ“ (II, 603).

Опять пошла рѣчь о штурмѣ, и опять Гордону пришлось говорить противъ него. Онъ нарочно ѣздилъ къ каланчамъ, чтобъ отсовѣтовать эту попытку, но такъ какъ другіе генералы нисколько не раздѣляли его мнѣніе, онъ одинъ не могъ убѣдить Петра оставить это предпріятіе и рѣшился молчать. На другой день Гордонъ, отобѣдавъ съ царемъ, заѣхалъ къ Лефорту посовѣтоваться, нельзя ли хоть повременить приступомъ, но нашелъ въ его сужденіяхъ такъ мало основательности и ясности, что потерялъ всякую надежду на его содѣйствіе (II, 605). Петръ намѣревался напасть на городъ со стороны рѣки. Гордонъ не одобрялъ и этого намѣренія и подробно изложилъ свои доводы противъ него. Возраженія его были оставлены безъ вниманія, хотя опровергнуть его никто не съумѣлъ. Лефортъ и Головинъ ласкали себя какими-то ни на чемъ не основанными надеждами и даже дали понять Гордону, что его сомнѣнія и опасенія вызваны какимъ-то нежеланіемъ взять крѣпость (II, 608). Однимъ словомъ, между генералами постоянно было полнѣйшее разногласіе. Правда, они ежедневно сходились другъ къ другу обѣдать, но отношенія ихъ не могли не

быть нѣсколько натянутыми. Ходъ событій доказывалъ однако на каждомъ шагу, что взгляды Гордона были основательны. Онъ былъ опытнѣйшимъ изъ всѣхъ лицъ, окружавшихъ Петра; онъ никогда не ограничивался голословнымъ противорѣчіемъ и каждый разъ подробно объяснялъ причины своихъ сомнѣній, своего пессимизма, и всѣ его предсказанія сбывались съ точностью. Тѣмъ не менѣе вліяніе Лефорта на Петра было гораздо сильнѣе, и Гордонъ оставался какъ въ тѣни [1]).

Штурмъ 25-го сентября былъ также совершенно неудаченъ. Не смотря на неудачу, Петръ велѣлъ два раза возобновить приступъ, и Гордонъ, хотя убѣжденный, что гибель множества людей не имѣетъ никакой цѣли, долженъ былъ повиноваться. Онъ со своимъ отрядомъ дѣлалъ все возможное, но отряды Головина и Лефорта не поддерживали его дѣйствій (II, 611). Турки, замѣчая нерѣшительность и отсутствіе единодушія, дѣйствовали тѣмъ успѣшнѣе. Мина, подведенная Русскими, опять взорвалась, не причинивъ Туркамъ особеннаго вреда, но за то убила и переранила много Русскихъ.

Этимъ кончилась первая осада Азова. 27-го сентября было рѣшено отступить и возвратиться въ Москву. Былъ Гордонъ во время отступленія въ аріергардѣ; ему стоило большаго труда держать войско въ порядкѣ вслѣдствіе дурной дисциплины полковъ. Къ тому же аріергардъ былъ въ опасности подвергнуться нападенію отъ Татаръ, окружавшихъ отступавшее войско густыми толпами. Начались морозы, выпалъ снѣгъ, поднялась жестокая и продолжительная вьюга. Войско страдало ужасно. Люди и лошади гибли въ степи отъ холода и голода. Очевидецъ Плейеръ, задержанный около мѣсяца въ Черкасскѣ болѣзнію, разказываетъ, что, отправившись по слѣдамъ отступавшей арміи, онъ не могъ видѣть безъ слезъ и содроганія множества труповъ, на пространствѣ 800 верстъ разбросанныхъ и пожираемыхъ волками [2]).

На возвратномъ пути Гордонъ имѣлъ нѣсколько разъ случай бесѣдовать съ Петромъ о разныхъ предметахъ (II, 626, 628). Иногда

---

[1]) Не смотря на то, что нѣкоторыя замѣчанія въ дневникѣ Гордона объ ошибкахъ Лефорта вполнѣ подтверждаются безпристрастнымъ наблюдателемъ, Плейеромъ, даже новѣйшій біографъ Лефорта Поссельтъ горько жалуется на несправедливость обвиненій Гордона противъ его героя (*Posselt* Lefort, II 241, 242, 247, 250); но доказательства Поссельта, что Лефортъ былъ правъ во всѣхъ отношеніяхъ, намъ кажутся весьма слабыми.

[2]) *Устряловъ*, Ист. П. В., II, 225 и 582; у Гордона, II, 629, также есть замѣтка о страданіяхъ войска.

происходили и попойки. Однажды и Гордонъ угощалъ государя. Простившись съ нимъ въ Валуйкахъ, Гордонъ соединился съ царемъ опять въ Тулѣ, гдѣ они осматривали желѣзные заводы, и гдѣ Гордонъ самъ сковалъ широкую желѣзную плиту (II, 635). Приближаясь къ Москвѣ, Гордонъ отъ встрѣтившаго его сына Ѳеодора, недавно возвратившагося изъ Браунсберга, узналъ о кончинѣ своего младшаго сына Петра. Царь ласково привѣтствовалъ Гордонова сына, который впослѣдствіи также служилъ въ русскомъ войскѣ.

22-го ноября былъ торжественный въѣздъ въ Москву. Желябужскій пишетъ: „Перво пришелъ генералъ Петръ Ивановичъ Гордонъ, а за нимъ государь и весь царскій синклитъ“ [1]). Вечеромъ этого дня Гордонъ пріѣхалъ въ Нѣмецкую слободу.

Недолго, отъ конца ноября до начала марта, Гордонъ оставался дома. Вскорѣ Петръ принялся ревностно за приготовленія къ новому походу подъ Азовъ. Въ это время Гордонъ видѣлся весьма часто съ царемъ. Тотчасъ же послѣ возвращенія въ Москву, Петръ позвалъ Гордона къ себѣ обѣдать, но Гордонъ по болѣзни не могъ явиться. Два дня спустя, царь зашелъ къ Гордону и любовался упражненіями его сына Ѳеодора съ знаменемъ и ружьемъ. 7-го декабря Петръ и Гордонъ ѣздили верхомъ и на пути бесѣдовали о разныхъ предметахъ. 14-го декабря Петръ пріѣхалъ за Гордономъ и отправился съ нимъ къ Лефорту, къ которому явились Головинъ и другіе. Тамъ происходило совѣщаніе объ избраніи генералиссимуса. На это мѣсто былъ назначенъ князь Черкасскій, а на случай его болѣзни, бояринъ Шеинъ. Тутъ же происходили совѣщанія о назначеніи адмирала, такъ какъ главною заботою въ это время было сооруженіе флота. Адмираломъ сдѣланъ былъ Лефортъ. Такимъ образомъ другіе, менѣе опытные люди были назначены на главныя мѣста, между тѣмъ какъ Гордонъ оставался опять на заднемъ планѣ. Мы не знаемъ, считалъ ли онъ себя оскорбленнымъ этими назначеніями, но какъ бы то ни было, онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ къ походу и затѣмъ былъ главнымъ виновникомъ покоренія Азова [2]).

Въ декабрѣ Гордонъ былъ занятъ составленіемъ проекта для постройки моста чрезъ Донъ. Онъ сдѣлалъ списокъ всѣмъ матеріаламъ,

---

[1]) Записки, стр. 58.

[2]) Намъ неизвѣстно, на чемъ основана замѣтка въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, XV (1838), стр. 399, что Гордонъ въ 1696 году исправлялъ должность генералъ-инженера.

необходимымъ для этой цѣли (II, 640—642). Хотя онъ нѣкогда говорилъ Василью Васильевичу Голицыну, что не знаетъ инженернаго искусства, но изъ пространныхъ мемуаровъ его о техническихъ вопросахъ видно, что онъ былъ весьма опытенъ и въ этомъ отношеніи.

Съ 1696 г. дневникъ Гордона становится короче. Разказъ его о второмъ Азовскомъ походѣ гораздо менѣе подробенъ, чѣмъ разказъ о первомъ. 8-го марта Гордонъ отправился въ походъ. Въ это время уже кипѣла работа въ Воронежѣ, гдѣ готовился флотъ. Тамъ Гордонъ опять встрѣтился съ Петромъ, съ которымъ пировалъ у Плещеева, Апраксина и другихъ и занимался составленіемъ списковъ разнымъ предметамъ, нужнымъ для похода (II, 15—20) и совѣщаніями съ генералиссимусомъ Шеинымъ. Въ Воронежѣ былъ пиръ у Лефорта, при чемъ пили за здоровье Англійскаго короля Вильгельма III. Но Гордонъ отказался пить за здоровье этого похитителя англійскаго престола и вмѣсто того пилъ за здоровье короля Якова. Довольно подробно Гордонъ описываетъ плаваніе по Воронежу и Дону до Азова, куда онъ прибылъ 18-го мая (II, 32). Тутъ, при распредѣленіи войскъ, при постройкѣ укрѣпленій и при распоряженіяхъ разнаго рода, онъ игралъ весьма важную роль. Когда однажды онъ составилъ проектъ форта, и начались постройки, Петръ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за успѣхами этихъ работъ (II, 36 и 37). Гордонъ старался окончить фортификаціонныя работы по возможности скорѣе. Объ этихъ работахъ находимъ въ дневникѣ много подробностей [1]).

Осада шла успѣшно. Турецкій флотъ оставался въ бездѣйствіи. Обстрѣливаніе города началось 16-го іюня съ большимъ успѣхомъ. Царь жилъ на морѣ и съ галеры *Principium* распоряжался осадой Азова. Но городскія укрѣпленія остались нетронутыми, и осаждающіе не знали что̀ дѣлать для достиженія желаемой цѣли. Выписанные иностранные инженеры, артиллеристы и минеры еще не пріѣзжали. Брать городъ приступомъ послѣ двукратной неудачи минувшаго года считали тѣмъ менѣе возможнымъ, что въ стѣнахъ его не было ни одного пролома, и безпрерывный огонь съ Гордоновыхъ батарей, разрушавшій дома внутри города, не могъ повредить угловому бастіону на который направлены были всѣ выстрѣлы. Гордонъ въ это время хворалъ и даже нѣсколько дней пролежалъ въ постели. Впрочемъ, въ первыхъ числахъ іюля, оправившись, онъ сталъ снова руководить осадою.

[1]) И Голиковъ говоритъ, что Гордонъ наиглавнѣйше располагалъ осадою, и что Шеинъ и Петръ ничего почти не дѣлали безъ его совѣта.

Уже 22-го іюля однако, когда спросили мнѣніе солдатъ и стрѣльцовъ, какимъ образомъ они думаютъ овладѣть Азовомъ, они отозвались, что надобно возвести высокій земляной валъ, привалить его къ валу непріятельскому, и засыпавъ ровъ, сбить Турокъ съ крѣпостныхъ стѣнъ. Какъ ни странно было это предложеніе, напоминавшее осаду Херсона великимъ княземъ Владиміромъ въ X столѣтіи, полководцы согласились на общее желаніе войска; ночью на 23-е іюня приступили къ гигантской работѣ, къ возведенію земляной насыпи подъ непріятельскими выстрѣлами. Мало того: искуснѣйшій изъ Петровыхъ генераловъ, Гордонъ, съ жаромъ ухватился за неясную мысль войска, развилъ ее въ обширнѣйшихъ размѣрахъ и составилъ проектъ такому валу, который превышалъ бы крѣпостныя стѣны съ выходами для вылазокъ, съ раскатами для батарей, такъ что съ него можно было бы чрезъ наружныя укрѣпленія стрѣлять по каменному замку (II, 44 и 49). Этотъ проектъ Гордона относится къ 3-му іюля, значитъ, уже десять дней послѣ начала работы. Гордонъ развилъ далѣе мысль, поданную войсками. Эти работы были сопряжены съ значительною потерею людей. Гордонъ въ своемъ дневникѣ разказываетъ отъ успѣхѣ этихъ работъ и замѣчаетъ, что когда онъ водилъ пріѣхавшихъ наконецъ, 11-го іюля, австрійскихъ инженеровъ по всѣмъ укрѣпленіямъ, они дивились огромности работъ (II, 52). Неизвѣстно, какого мнѣнія они были объ этомъ валѣ, каждую ночь становившемся все выше и выше. Въ русскомъ лагерѣ особенно надѣялись на эту насыпь, изобрѣтеніе которой иногда даже приписывалось Гордону. Такъ, напримѣръ, Александръ Гордонъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи зятемъ Патрика и участвовавшій въ осадѣ Азова, въ своемъ сочиненіи о Петрѣ Великомъ говоритъ, что мысль о валѣ принадлежитъ всецѣло Гордону [1]). Сооруженіе вала, отважность Запорожцевъ, сдѣлавшихъ смѣлое нападеніе на крѣпость, искусство иностранныхъ инженеровъ, особенно мѣтко стрѣлявшихъ по непріятельскимъ укрѣпленіямъ, и приготовленія къ общему штурму побудили Турокъ сдаться.

Сохранилось преданіе, что Петръ приписывалъ взятіе Азова главнымъ образомъ доблести и искусству Гордона. Нартовъ, разказывая о похоронахъ Гордона, сообщаетъ слѣдующее изреченіе Петра въ ту

[1]) См. нѣмецкое изданіе, стр. 114—115. Также и Посссельтъ въ своемъ сочиненіи о Лефортѣ, II, 339, замѣчаетъ, что Гордонъ предложилъ насыпать валъ Самый точный разказъ у *Устрялова,* Ист. П. В., II, 284 и слѣд., по англійскому подлиннику дневника Гордона.

минуту, когда онъ кинулъ земли въ могилу: „Я даю ему только горсть земли, а онъ далъ мнѣ цѣлое государство земли съ Азовомъ". Этотъ анекдотъ едва ли можетъ считаться историческимъ фактомъ. Дѣйствительно, бо́льшая доля успѣха при взятіи Азова принадлежала Гордону, но все же нельзя сказать, чтобъ онъ былъ завоевателемъ этой крѣпости. Еслибы даже онъ и былъ изобрѣтателемъ насыпи,— а мы знаемъ, что первая мысль принадлежала не ему, а солдатамъ, — онъ все-таки не могъ бы быть названъ героемъ Азова. Но косвенно Петръ занятіемъ Азова былъ обязанъ Гордону, такъ какъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ ученикомъ его въ ратномъ дѣлѣ.

По окончаніи Чигиринскаго дѣла,—Гордонъ, какъ сказано выше, замѣтилъ, что Чигиринъ не былъ завоеванъ Турками, а былъ оставленъ Русскими. То же самое можно сказать о занятіи Азова. Турки уступили Азовъ въ силу капитуляціи. Турки вышли оттуда безъ бою, и Русскіе заняли городъ.

Тамъ вскорѣ устроились пиршества. Былъ праздникъ у генералиссимуса Шеина, на которомъ, какъ замѣчаетъ Гордонъ, — не жалѣли ни пороху, ни напитковъ; была попойка у Лефорта, и всѣ были „порядочно навеселѣ". Гордонъ въ то же время былъ занятъ сооруженіемъ укрѣпленій въ Азовѣ, а затѣмъ вмѣстѣ съ Петромъ отправился отыскивать удобное мѣсто для гавани.

16-го августа войска отправились въ обратный путь. Гордонъ сообщаетъ многія подробности объ этомъ путешествіи. Въ Тулѣ онъ опять былъ встрѣченъ сыномъ Θеодоромъ, который въ пышной рѣчи поздравилъ царя съ побѣдой. 30-го сентября былъ торжественный въѣздъ въ Москву. Главную роль при этомъ случаѣ, какъ кажется, игралъ Лефортъ, ѣхавшій въ золотыхъ государевыхъ саняхъ въ шесть лошадей. Гордонъ съ своею конюшнею, штабомъ и генеральскимъ значкомъ занималъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ торжественномъ шествіи. Самъ Петръ шелъ въ скромномъ мундирѣ морскаго капитана за великолѣпными санями адмирала. Стрѣлецкіе полки, стоявшіе на стойкѣ и державшіе ружья на караулъ, отдавали честь Зотову поклономъ, а Лефорту и Шеину—поклонами съ залпомъ изъ мелкаго ружья и изъ пушекъ. При входѣ въ тріумфальныя ворота, Виніусъ съ вершины ихъ говорилъ въ трубу привѣтствіе стихами адмиралу, командору и генералиссимусу.

Каково было официальное отношеніе Гордона къ другимъ лицамъ, видно и изъ наградъ за службу въ Азовѣ. Шеинъ получилъ медаль

въ 13 червонцевъ, кубокъ, кафтанъ, 150 р. денегъ придачи и 305 дворовъ, Лефортъ—медаль въ 7 червонцевъ, кубокъ, кафтанъ и 140 дворовъ, Гордонъ и Головинъ, по медали въ 6 червонцевъ, по кубку, по кафтану и по 100 дворовъ [1]).

При раздачѣ помѣстій Гордонъ сначала получилъ деревню Красное въ нынѣшней Рязанской губерніи и деревню Иваново (II, 90). Затѣмъ однако изъ-за Краснаго между Гордономъ и Лефортомъ вышелъ споръ или, по крайней мѣрѣ, недоразумѣніе—„difference“, какъ говоритъ Гордонъ (II, 93), и деревня эта была отдана Лефорту; нѣсколько дней спустя Гордонъ получилъ другую деревню — Красную Слободу (II, 93). Эта перемѣна относится къ марту 1697 года, а еще въ февралѣ Гордонъ получилъ жалованную грамоту на имѣніе (III, 388—90), и въ ней подробно говорится о заслугахъ его при покореніи Азова. Была ли деревня Красное, доставшаяся сначала Гордону, а потомъ Лефорту, лучше Красной Слободы, мы не знаемъ. Изъ дневника Гордона не видно, былъ ли онъ недоволенъ такою перемѣною, или нѣтъ.

Послѣднее время службы и дѣятельности.

Возвратившись въ Нѣмецкую слободу осенью 1696 года, Гордонъ жилъ тамъ спокойно до отправленія своего къ Азову въ третій разъ, въ апрѣлѣ 1697 года. Образъ его жизни и занятія оставались прежніе. Военно-административная дѣятельность его, какъ кажется, принимала все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Вмѣстѣ съ Шеинымъ онъ управлялъ всею военною частью.

Петръ между тѣмъ готовился къ отъѣзду за границу. Какъ извѣстно, незадолго до отъѣзда случился заговоръ Цыклера, Соковнина и Пушкина. Въ самый день обнаруженія этого заговора, 23-го февраля, Гордонъ также какъ и другіе близкіе къ Петру люди, провелъ вечеръ у Лефорта, но какъ пишетъ нашъ генералъ,—заговоръ помѣшалъ веселью. Въ день казни преступниковъ, о чемъ Гордонъ говоритъ очень подробно (II, 93), Петръ долженъ былъ ужинать у него, но не могъ явиться по случаю похоронъ своего дяди Мартемьяна Кирилловича Нарышкина.

10-го марта предъ отъѣздомъ Петра былъ обѣдъ у Петра, на ко-

---

[1]) *Устряловъ*, Ист. П. В., II, 302—303; см. также П. С. З., III, стр. 29. № 1343; ср. дневникъ, II, 85.

торомъ участвовали важнѣйшіе сановники и иностранцы. Какъ извѣстно, Петръ, уѣзжая, ввѣрилъ управленіе государствомъ тремъ лицамъ—Льву Кирилловичу Нарышкину, князю Борису Алексѣевичу Голицыну и Петру Ивановичу Прозоровскому, а Москву „приказалъ" стольнику Ѳеодору Юрьевичу Ромодановскому. Гордонъ не говоритъ о томъ въ своемъ дневникѣ; но Корбъ передаетъ слухъ, что эта мѣра была принята по совѣту Гордона, и именно съ тою цѣлью, чтобъ эти правители-соперники, „враждуя другъ съ другомъ, съ бо̀льшимъ стараніемъ занимались тѣмъ, что̀ относится до спокойствія царства" [1]). Этотъ разказъ не подтверждается однако никакими другими данными.

Во время отсутствія Петра Гордонъ находился въ перепискѣ какъ съ нимъ, такъ и съ Лефортомъ (III, 95, 163). Главною обязанностью его тогда было вести военныя дѣйствія на югѣ. Уже въ январѣ было рѣшено, что Гордонъ долженъ отправиться въ Азовъ [2]). Въ этомъ, впрочемъ не имѣвшемъ значенія, походѣ участвовалъ и Шеинъ, а также зять Гордона, Стевинсъ, и сыновья Джемсъ и Ѳеодоръ. Главною цѣлью похода были постройка кое-какихъ укрѣпленій въ Азовѣ и оборона южныхъ границъ отъ вѣроятнаго нападенія Турокъ и Татаръ. Въ дневникѣ Гордона за это время много говорится о разъѣздахъ его по военнымъ дѣламъ, о передвиженіяхъ войскъ, фортификаціонныхъ работахъ, совѣщаніяхъ съ Шеинымъ во время похода, и съ Мазепою на возвратномъ пути въ Харьковѣ. Отношенія Гордона къ московскимъ правителямъ были чисто официальныя. Политическаго вліянія онъ не имѣлъ вовсе. Онъ былъ только генераломъ, который во всѣхъ отношеніяхъ зависѣлъ отъ центральной власти и дѣйствовалъ лишь по инструкціи Его Величества, какъ онъ называлъ московскій тріумвиратъ.

Отсутствіе Гордона изъ Москвы продолжалось отъ начала апрѣля до 9-го ноября. Возвратившись туда, онъ сталъ еще чаще писать къ Петру, отпраздновалъ въ кругу знакомыхъ и родныхъ свою серебряную свадьбу и похоронилъ своего зятя, полковника Стевинса. Сношенія его съ правителями были не слишкомъ частыя.

Въ самомъ началѣ своей служебной дѣятельности въ Россіи, въ 1662 г., Гордонъ имѣлъ случай содѣйствовать подавленію мятежа: тогда московская чернь взволновалась вслѣдствіе выпуска легковѣс-

---

[1]) Diarium, 217.
[2]) П. С. З., III, 272, № 1566.

ной мѣдной монеты, и только нерѣшимость полковника Крафурда, начальника Гордона, воспрепятствовала ему оказать болѣе существенныя услуги правительству. Въ концѣ своей карьеры Гордону пришлось оказать русскому правительству подобную же услугу; но на этотъ разъ борьба съ мятежниками была гораздо серьезнѣе: бунтъ стрѣльцовъ обнаружилъ довольно ясно цѣли и стремленія противниковъ Петра, а Гордону принадлежала важнѣйшая доля въ его подавленіи.

Гордонъ имѣлъ достаточно случаевъ узнать характеръ русскаго войска и его недостатки. Въ дневникѣ его встрѣчается много данныхъ объ отсутствіи въ немъ дисциплины, побѣгахъ, пьянствѣ и буйствѣ русскихъ солдатъ и стрѣльцовъ. Гордонъ неоднократно и горько жаловался на лѣность, безпечность и строптивость стрѣльцовъ, которые даже въ рѣшительныя минуты, когда солдаты шли на приступъ, не торопились занять оставленныя имъ траншеи. Уже въ 1695 году подъ Азовомъ пытали и наказывали кнутомъ многихъ стрѣльцовъ, бѣжавшихъ изъ траншей и этимъ подвергавшихъ величайшей опасности начальниковъ и инженеровъ (II, 593 и 598). Впрочемъ служба стрѣльцовъ во время Азовскихъ походовъ была тяжелою, опасною и необычайною. Петръ требовалъ, чтобъ они служили не по прежнему, не возвращаясь домой; поэтому бывшіе подъ Азовомъ и въ Азовѣ въ 1695, 1696 и 1697 годахъ роптали. Осенью 1697 года нѣкоторые полки на возвратномъ пути въ Москву получили приказъ отправиться въ Великія Луки къ польской границѣ. Съ ожесточеніемъ въ душѣ, съ злобою на бояръ, которые третій годъ „таскали" ихъ по службамъ, отправились они туда и провели тамъ зиму. Во время великаго поста 1698 года появились въ Москвѣ бѣглецы оттуда въ числѣ 175 человѣкъ. Начались сношенія стрѣльцовъ съ царевною Софіей.

Въ дневникѣ Гордона впервые о началѣ бунта говорится 3-го апрѣля. Онъ подробно разказываетъ, какъ недовольные стрѣльцы приходили къ Ромодановскому съ жалобами, и какъ по случаю арестованія нѣкоторыхъ изъ нихъ происходили безпорядки. На Ромодановскомъ, какъ мы знаемъ, лежала тяжелая отвѣтственность—блюсти порядокъ въ столицѣ. Происшедшіе безпорядки сильно напугали вельможъ. Ромодановскій тотчасъ же послалъ за Гордономъ и сообщилъ ему о случившемся, „преувеличивая", какъ полагаетъ Гордонъ—„всѣ частности" этого событія. Гордонъ не придалъ однако движенію особеннаго значенія, указывалъ на слабость партіи недовольныхъ и на отсутствіе въ ней передоваго человѣка; онъ старался успокоить Ро-

модановскаго и увѣрялъ его, что не можетъ быть опасности. Впрочемъ, онъ отправился въ Бутырки, гдѣ находился его полкъ, для того, чтобы на всякій случай быть готовымъ къ дѣйствію. Сдѣлавъ нѣкоторыя распоряженія и сообщивъ о принятыхъ мѣрахъ Шеину и Ромодановскому, Гордонъ легъ спать. На другой день рано утромъ онъ велѣлъ узнать, все ли спокойно въ городѣ. Все было тихо. Гордонъ старался успокоить вельможъ; сановники, говоритъ онъ,— не только изъ дѣйствительнаго опасенія придавали большое значеніе этимъ событіямъ, но и въ тѣхъ видахъ, чтобъ ихъ заслуги въ дѣлѣ подавленія мятежа казались тѣмъ болѣе важными. Впрочемъ Гордонъ оставался въ Бутыркахъ и только на самое короткое время пріѣхалъ къ себѣ домой въ Нѣмецкую слободу (III, 181—182). Вскорѣ однако всѣ успокоились, и Гордонъ могъ продолжать свои обычныя занятія, совѣщаться съ сановниками и иностранными инженерами о постройкѣ укрѣпленій на югѣ, переписываться съ знакомыми и вести свои частныя дѣла. Такъ прошло нѣсколько недѣль.

8-го іюня распространился слухъ, что четыре стрѣлецкіе полка, находившіеся въ Торопцѣ, склонны къ бунту. Тотчасъ же изъ Москвы отправили вѣрнаго человѣка разузнать о положеніи дѣла. 9-го было рѣшено отправить противъ стрѣльцовъ часть Бутырскаго и другихъ полковъ и арестовать 140 стрѣльцовъ, оставившихъ свои полки. 10-го и 11-го числа были получены болѣе подробныя и тревожныя извѣстія о бунтѣ. Опять сильно перепугались высшіе сановники, тотчасъ же рѣшившіе въ совѣтѣ отправить на встрѣчу приближавшимся стрѣльцамъ отрядъ войска изъ конницы и пѣхоты. Опять послали за Гордономъ и сообщили ему объ этомъ рѣшеніи. Гордонъ долженъ былъ выступить съ 2,000 войска и самъ назначилъ офицеровъ, которые должны были сопровождать его. Въ первомъ совѣщаніи по этому дѣлу Гордонъ не участвовалъ, но былъ во второмъ, въ которомъ были и подтверждены рѣшенія перваго.

12-го іюля Гордонъ обѣдалъ вмѣстѣ съ императорскимъ посломъ и датскимъ резидентомъ у польскаго посланника, но долженъ былъ встать изъ-за стола, и простившись со всѣми, отправился для принятія послѣднихъ мѣръ къ походу [1]. Очевидно, онъ былъ въ сущности главнымъ начальникомъ отряда, хотя надъ нимъ и стоялъ генералиссимусъ Шеинъ. Къ Гордону были присланы 27 человѣкъ, ко-

---

[1]) *Korb*, Diarium, 59.

торыхъ онъ долженъ былъ употребить, какъ нарочныхъ, для сообщенія извѣстій въ столицу (II, 193).

13-го іюля Гордонъ выступилъ въ походъ. Шеинъ отправился 16-го. 17-го іюля узнали, что стрѣльцы спѣшатъ занять Воскресенскій монастырь. Гордонъ ускорилъ походомъ, стараясь предупредить стрѣльцовъ. Онъ даже самъ въ сопровожденіи нѣкоторыхъ всадниковъ поѣхалъ впередъ, чтобъ узнать о мѣстѣ пребыванія мятежнаго войска. Ему попались на встрѣчу четыре стрѣльца съ письмомъ къ Шеину отъ всѣхъ полковъ, при чемъ объявили, что полки еще далеко, верстъ за 15, и не намѣрены въ сей день занимать монастыря. Затѣмъ Гордонъ поспѣшно двинулся впередъ и предъ вечеромъ сталъ близъ монастырской слободы Рогожи, въ выгодной позиціи на холмахъ, подъ которыми разстилается обширный лугъ на лѣвомъ берегу Истры. Тутъ Гордонъ узналъ, что на другомъ берегу рѣки появились стрѣльцы. Еслибы стрѣльцы хотя за часъ успѣли овладѣть монастыремъ, то подъ защитой его твердынь могли бы разбить войско, оставшееся вѣрнымъ Петру: утомленное дневнымъ походомъ, оно съ трудомъ могло препятствовать переправѣ стрѣлецкаго войска. Стрѣльцы уже подошли къ рѣкѣ и начали переходить ее въ бродъ. Гордонъ немедленно съ немногими всадниками поскакалъ къ переправѣ, стараясь убѣжденіями и угрозами отклонить ихъ отъ этого предпріятія. Онъ говорилъ съ ними спокойно (III, 196). Корбъ (который, очевидно, со словъ Гордона сообщаетъ подробности о бунтѣ) передаетъ рѣчи Гордона такъ: „О чемъ вы думаете? Куда идете? Ежели вы идете въ Москву, то вѣдь ночь наступаетъ, вамъ невозможно будетъ продолжать дорогу, а на этомъ берегу слишкомъ мало мѣста, чтобы вы могли всѣ помѣститься; останьтесь лучше на той сторонѣ рѣки и ночью подумайте хорошенько, что̀ завтра дѣлать!“ Гордонъ дѣйствовалъ тутъ чрезвычайно отважно. Если принять въ соображеніе, что мятежники страшно ненавидѣли иностранцевъ и особенно Лефорта считали главнымъ виновникомъ своихъ бѣдъ, что они намѣревались сжечь всю Нѣмецкую слободу и пр., то нельзя не считать весьма опаснымъ положеніе Гордона, который бесѣдовалъ съ бунтовщиками безъ необходимой военной защиты. Захватить при этомъ случаѣ Гордона, убить его было дѣломъ не труднымъ.

Впрочемъ старанія Гордона сначала не имѣли успѣха. Стрѣльцы не слушались, перебирались на лугъ, и очевидно, хотѣли занять Московскую дорогу. Тогда Гордонъ поспѣшилъ назадъ и тотчасъ же распорядился: двумъ ближайшимъ полкамъ велѣлъ пройдти слободой

и стать за нею въ дефилеяхъ, а двумъ другимъ—расположиться на Московской дорогѣ. Послѣ того Гордонъ снова отправился къ мятежникамъ для переговоровъ; они по прежнему были неуступчивы въ своихъ требованіяхъ. Онъ уговорилъ ихъ послать еще двухъ человѣкъ къ боярину, и условившись съ ними ничего не придпринимать въ теченіе ночи, поѣхалъ назадъ для совѣщаній съ Шеинымъ. Еще разъ однако Гордонъ самъ осмотрѣлъ всю мѣстность, убѣдился въ томъ, что въ стрѣлецкомъ лагерѣ дѣйствительно все тихо, и что въ царевомъ войскѣ всѣ стражи исправны. Гордонъ не упустилъ изъ виду ничего, что̀ могло бы служить ему для обороны и быть обращено во вредъ и уронъ врагамъ. Особенно искусно разставилъ пушки полковникъ Краге, такъ что почти вся часть успѣха принадлежала артиллеріи. Послѣ долгаго совѣщанія рѣшили — послать Гордона въ станъ стрѣльцовъ, чтобъ объявить имъ, что если они возвратятся въ указанныя мѣста и выдадутъ 145 человѣкъ бѣглецовъ, зачинщиковъ и руководителей мятежа, государь проститъ ихъ непослушаніе, за исключеніемъ главныхъ виновниковъ, и прикажетъ удовлетворить ихъ жалованьемъ и провіантомъ.

Утромъ 18-го іюля Гордонъ, взявъ съ собою шестерыхъ извѣтчиковъ стрѣлецкихъ, отправился въ станъ мятежниковъ и велѣлъ имъ собраться для выслушанія царской милости. Его окружили 200 человѣкъ, и онъ со всевозможнымъ краснорѣчіемъ убѣждалъ ихъ къ покорности, но тщетно. Стрѣльцы отвѣчали, что или умрутъ, или будутъ въ Москвѣ дня на два или на три, а потомъ пойдутъ, куда имъ укажутъ. Гордонъ повторилъ, что къ Москвѣ ихъ не пропустятъ. Они остались непреклонны. Наконецъ, выступили два старые стрѣльца и вычислили свои нужды и бѣдствія; прочіе подтвердили ихъ слова и подняли великій шумъ. Гордонъ совѣтовалъ имъ переговорить съ каждымъ полкомъ отдѣльно и здраво поразмыслить, что̀ они дѣлаютъ. На это они не соглашались, говоря, что у всѣхъ у нихъ одна дума. Тогда Гордонъ объявилъ, что онъ внѣ стана подождетъ немного, и прибавилъ, что если стрѣльцы теперь не воспользуются милостію Государя, то позднѣйшія условія будутъ совсѣмъ иныя, и тогда уже нельзя будетъ имъ ожидать пощады. На все это они не обращали вниманія. Тогда Гордонъ, удалившись на нѣкоторое разстояніе изъ стана, подождалъ съ четверть часа и затѣмъ еще разъ послалъ къ нимъ спросить отвѣта. Такъ какъ стрѣльцы упорствовали, то Гордонъ съ сожалѣніемъ о нихъ возвратился въ царскій лагерь и подробно осмотрѣлъ мѣстность, чтобъ опредѣлить, съ какой стороны

удобнѣе всего напасть на нихъ [1]). Затѣмъ Гордонъ [2]) указалъ боевой порядокъ, а потомъ еще разъ сдѣлалъ попытку возобновить переговоры, отправивъ къ стрѣльцамъ князя Кольцова-Масальскаго и еще другое лицо. Но все это было тщетно. Тогда, помѣстивъ на удобномъ мѣстѣ артиллерію и окруживъ съ лѣвой стороны стрѣлецкій лагерь конницею, Гордонъ далъ залпъ изъ 25 орудій; однако ядра перелетѣли чрезъ головы стрѣльцовъ. Завязалось настоящее сраженіе, продолжавшееся около часа. Почти всѣ бунтовщики, послѣ того, какъ четырьмя залпами была убита нѣкоторая часть ихъ, были переловлены и заключены въ Воскресенскомъ монастырѣ. Въ розыскѣ, начавшемся тотчасъ же послѣ битвы, участвовалъ и Гордонъ. „Мы постановили приговоръ", пишетъ онъ, упоминая въ дневникѣ о казни нѣкоторыхъ изъ мятежниковъ (II, 200). 24-го іюня Гордонъ написалъ письмо Петру съ донесеніемъ о случившемся (III, 200), а 4-го іюля уже вернулся въ Нѣмецкую слободу, изъ которой отсутствовалъ всего 19 дней.

Въ августѣ 1698 года Гордонъ отправился въ свои имѣнія и тамъ занимался устройствомъ хозяйства. „Между тѣмъ Петръ, возвратившись изъ-за границы, по своему обыкновенію тотчасъ же по пріѣздѣ отправился въ Нѣмецкую слободу къ Гордону, но не засталъ его дома. Узнавъ о томъ во время пребыванія въ одной изъ своихъ деревень, Гордонъ тотчасъ же, 3-го сентября, поспѣшилъ въ Москву, куда и пріѣхалъ 8-го. Въ тотъ же самый вечеръ Петръ, бывшій въ гостяхъ у полковника Краге, послалъ за Гордономъ. Гордонъ явился и извинился за поздній пріѣздъ; царь милостиво поцѣловалъ его [3]).

Въ страшномъ стрѣлецкомъ розыскѣ Гордонъ не игралъ особенно важной роли. Кое-какія подробности о показаніяхъ истязаемыхъ стрѣльцовъ Петръ самъ разказывалъ Гордону, посѣщая его иногда по вечерамъ, при чемъ Гордонъ угощалъ царя виномъ (III, 216). Впрочемъ, 24-го сентября Гордонъ присутствовалъ при пыткѣ Анны Жуковой и полковника Колпакова. При казняхъ же стрѣльцовъ его не

---

[1]) Корбъ, Diarium, 161, говоритъ, что Гордонъ еще разъ отправился къ стрѣльцамъ, которые оскорбили его угрозами убить его, и пр.

[2]) По *Устрялову*, III, 170, распоряжался Шеинъ, по дневнику Гордона— Гордонъ.

[3]) *Корбъ*, Diarium, 79.

было. Увеселенія, разныя пирушки и попойки продолжались все время. Гордонъ хворалъ въ ноябрѣ, и Петръ не разъ заходилъ спросить о его здоровьѣ.

Продолжалъ ли Гордонъ и въ 1699 году записывать ежедневно о случившемся—мы не знаемъ. Напечатанный дневникъ его прекращается 31-мъ декабря 1698 года; за то въ другихъ источникахъ мы находимъ свѣдѣнія о житьѣ-бытьѣ Гордона въ послѣдній годъ его жизни. Такъ, напримѣръ, у Корба упоминается о болѣзни Гордона въ первыхъ числахъ января 1699 года. 4-го января Петръ былъ у Гордона и бесѣдовалъ съ нимъ о восточномъ вопросѣ: при этомъ случаѣ Гордонъ совѣтовалъ Петру обезпечить флотъ въ Азовскомъ морѣ сооруженіемъ гавани, на что Петръ будто бы отвѣтилъ, что самою надежною гаванью для русскаго флота онъ считаетъ море. Въ 1699 же году Гордонъ получилъ право раздавать офицерскія мѣста, такъ какъ генералиссимусъ Шеинъ злоупотреблялъ этимъ правомъ и продавалъ офицерскіе чины. Петръ, узнавъ объ этомъ на вечерѣ у Лефорта, вышелъ изъ себя и прибилъ Зотова и Ромодановскаго, принимавшихъ участіе въ этихъ злоупотребленіяхъ, самому Шеину не сдобровать бы при этомъ случаѣ, еслибы Лефортъ не защитилъ его. Тутъ-то Петръ и даровалъ Гордону право повышенія чинами, потому что, какъ пишетъ Корбъ, могъ положиться на него безусловно [1]). Упомянутая выше болѣзнь Гордона не была продолжительною. Уже 6-го января онъ могъ со своимъ полкомъ присутствовать при торжествѣ Крещенія. 3-го февраля, въ самый день казни 137 стрѣльцовъ, Петръ обѣдалъ у Гордона и не безъ волненія разказывалъ ему объ упорствѣ стрѣльцовъ, приглашая его присутствовать слѣдующій день при казняхъ еще другихъ [2]).

Весною 1699 года Петръ отправился на югъ въ такъ-называемый Керченскій походъ. Гордонъ не участвовалъ въ немъ. Корбъ разказываетъ, что царь, прощаясь съ Гордономъ при этомъ случаѣ, сказалъ ему: „Я все предоставляю тебѣ и твоей ко мнѣ преданности“ [3]). Въ мартѣ 1699 года Петръ учредилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Первымъ кавалеромъ этого ордена былъ Головинъ, вторымъ Мазепа; Гордонъ же не былъ удостоенъ этой чести; за то Гор-

---

[1]) Diarium, 77 и 99.

[2]) Тамъ же, 112 и 113

[3]) Diarium, 733.

донъ, вѣроятно, въ послѣднемъ году своей жизни получилъ портретъ Петра, который видѣнъ на его портретѣ въ Императорскомъ эрмитажѣ [1]).

Таковы были важнѣйшія событія послѣдняго года жизни Гордона. Пропуская другія, болѣе мелкія, о которыхъ сохранились однако извѣстія (у Корба и Устрялова), мы могли бы прямо перейдти къ описанію его кончины и погребенія, но считаемъ не лишнимъ прежде того сообщить нѣсколько замѣчаній о семействѣ Гордона, его отношеніяхъ къ Русскимъ и иностранцамъ, перепискѣ его, экономическомъ его положеніи и личномъ характерѣ.

Семейство Гордона.

У Гордона было пятеро дѣтей. Старшіе сыновья его — Джонъ и Джемсъ, служили, какъ кажется, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ XVII в. въ русскомъ войскѣ прапорщиками, но неизвѣстно почему, лишились своихъ мѣстъ. Въ одномъ изъ своихъ прошеній Гордонъ говоритъ объ этомъ фактѣ, прибавляя, что онъ, не имѣя средствъ къ воспитанію сыновей, долженъ былъ отправить ихъ къ своимъ родителямъ въ Шотландію [2]). Джонъ Гордонъ нѣкоторое время находился въ іезуитской коллегіи близъ Лондона, но вскорѣ отправился въ Шотландію, гдѣ управлялъ имѣніями отца (II, 136), который, впрочемъ, какъ видно изъ многихъ писемъ его къ сыну, былъ часто крайне недоволенъ тѣмъ, что сынъ недостаточно часто и подробно давалъ отчетъ въ своихъ распоряженіяхъ (III, 232—235, 241). Когда Джонъ задумалъ жениться, отецъ сначала и этимъ былъ недоволенъ, хотя невѣста была изъ знатнаго и богатаго дома (III, 262, 268, 269—270, 279, 296, 296, 337, 347, 351). Впрочемъ, мало по малу отношенія между отцомъ и сыномъ исправились. Джонъ сообщилъ отцу о рожденіи внука (III, 492) въ 1694 году, а въ августѣ 1698 года на нѣсколько недѣль пріѣхалъ въ Россію со своимъ семействомъ навѣстить отца (III, 208) [3]).

---

[1]) Поссельтъ (Дневникъ, II, стр. III) считаетъ возможнымъ, что это—медаль, полученная послѣ покоренія Азова.

[2]) См. въ Дневникѣ, II, 86, и нѣкоторыя замѣчанія Поссельта, I, X. XI, о воспитаніи сыновей Гордона. Джонъ и Джемсъ родились между 1666 и 1671 годами.

[3]) См. разныя грамоты о пріѣздѣ Джона, I, 639; *Корбъ*, Diarium, подъ 13-мъ августа 1698 г.

Джемсъ находился нѣкоторое время въ іезуитской коллегіи близъ Данцига, что для отца было сопряжено съ большими расходами (II, 110). Проѣздомъ въ Англію въ 1686 году Гордонъ взялъ сына съ собою, опасаясь, что онъ будетъ зараженъ въ Германіи реформатскою ересью (II, 128 и 129). Изъ Англіи онъ отправилъ его учиться въ Дюнкирхенъ, но Джемсъ не успѣвалъ въ ученіи, и потому отецъ перевелъ его въ Эдинбургъ, гдѣ Джемсъ пріучался къ судебнымъ дѣламъ (II, 135, 166). Затѣмъ нѣкоторое время онъ находился въ Дуэ (Douai), въ университетѣ. Оттуда онъ удалился безъ вѣдома отца, просилъ затѣмъ сестру задобрить отца и пробылъ нѣкоторое время въ іезуитской коллегіи въ Люблинѣ (III, 202, 203). Гордонъ, „не желая лишить сына совершенно отцовской милости" (II, 203), переписывался съ нимъ о поступленіи въ русскую службу. Сперва Джемсъ выразилъ желаніе служить въ Польшѣ, но затѣмъ пріѣхалъ въ Россію. Въ 1690 году онъ былъ подполковникомъ, а въ 1693 полковникомъ русской службы, участвовалъ въ Азовскихъ походахъ и въ Нарвской битвѣ былъ взятъ въ плѣнъ Шведами, а въ 1702 году бѣжалъ изъ Швеціи и возвратился въ Россію. О дальнѣйшей судьбѣ его мы не имѣемъ свѣдѣній [1]) (I, 634, 635; II, 216, 217, 320, 323, 324, 327, 331, 332, 423, 495, 574; III, 189, 284 — 387).

Старшая дочь Гордона, Екатерина, родившаяся въ 1665 году, какъ кажется, была любимицей отца. Ежегодно въ дневникѣ отмѣчалъ онъ о праздновании дня ея рожденія. Въ 1682 году она вступила въ бракъ съ полковникомъ Стразбургомъ, Нѣмцемъ, находившимся тогда въ Кіевѣ. Стразбургъ былъ реформатскаго исповѣданія, но принялъ католическую вѣру. Когда онъ скончался въ 1692 году, Гордонъ замѣтилъ въ письмѣ къ сыну Джону; „онъ былъ самымъ совершеннымъ и честнымъ человѣкомъ во всемъ краѣ" (III, 305). По смерти Стразбурга, (не вслѣдствіе взрыва фейерверка, какъ полагаетъ Поссельтъ, а отъ какой-то болѣзни, II, 690; II, 358—360) Екатерина нѣкоторое время жила въ домѣ отца. У нея былъ сынъ и двѣ дочери. Въ 1698 году она вышла замужъ за Алек-

[1]) О Джемсѣ см. письмо Гордона къ Герри Гордону, гдѣ разказана подробно судьба Джемса съ 1688 по 1691 годъ. Онъ былъ, равно какъ и отецъ, отчаяннымъ роялистомъ и раненъ въ сраженіи при Килликренки, какъ сторонникъ Якова II; Дневникъ, III, 282.

сандра Гордона и впослѣдствіи переселилась съ нимъ въ Шотландію (II, 168, 171) [1].

Вторая дочь Патрика Гордона, Мэри, вышла за полковника Крофурда въ 1690 году (II, 320), но уже въ 1691 году мужъ ея скончался. Послѣ смерти мужа она родила сына, который умеръ въ 1692 году (II, 372), а 9-го юля 1691 года вступила во второй бракъ съ полковникомъ Стевинсомъ и жила съ нимъ въ Архангельскѣ. Два сына ея отъ второго брака умерли также въ раннемъ возрастѣ (II, 372; III, 204), а второй мужъ скончался въ 1698 году (III, 171).

Младшій сынъ Гордона, Ѳеодоръ, какъ мы уже знаемъ, воспитывался въ Браунсбергѣ (II, 379, 393, 408, 409, 429; III, 317—318) и затѣмъ, возвратившись въ Россію, вступилъ также въ военную службу [2].

Всѣ эти дѣти, а также и вторая супруга Гордона, пережили его. О томъ, какъ отцовское имѣніе въ Россіи, то-есть, деревни его, было распредѣлено между ними, сохранились кое-какіе документы, сообщаемые г. Поссельтомъ въ приложеніи къ третьему тому изданія дневника [3].

Общественное и экономическое положеніе Гордона.

Тридцать-восемь лѣтъ Гордонъ прожилъ въ Россіи. Полюбилъ ли онъ ее, свыкся ли съ Русскими? На эти вопросы не легко дать отвѣтъ. То обстоятельство, что Гордонъ почти все время своего пребыванія въ Россіи мечталъ о томъ, какъ бы покинуть эту страну и возвратиться въ отечество, доказываетъ, что Россія оставалась для него нѣкоторымъ образомъ чужбиною. Съ другой стороны, его отношенія къ Русскимъ, къ высшимъ кругамъ русскаго общества, заставляютъ насъ думать, что процессъ акклиматизаціи Гордона въ Россіи былъ не безуспѣшенъ.

Ненависть къ иностранцамъ была сильна въ Россіи. Мы видѣли, что патріархъ во время Крымскихъ походовъ приписывалъ неудачу

---

[1] Въ сочиненіи Алекс. Гордона о Петрѣ (нѣм. изд., стр. 8), сказано, что у него было нѣсколько дѣтей, но всѣ умерли въ раннемъ возрастѣ.

[2] О Ѳеодорѣ Гордонѣ, какъ о полковникѣ, есть относящіяся къ 1717 году извѣстія въ Московскомъ гл. архивѣ мин. иностр. дѣлъ. См. соч. *Фехнера*, Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau. Moskau, 1876, т. I, стр. 458.

[3] III, 394 — 395. Наслѣдники Гордона не долго оставались владѣльцами этихъ деревень.

послѣднихъ участію въ этомъ дѣлѣ еретика Гордона. Въ концѣ своей жизни Гордонъ могъ убѣдиться въ силѣ ненависти къ иностранцамъ: въ программѣ стрѣлецкаго бунта стояло, между прочимъ, истребленіе иностранцевъ и уничтоженіе Нѣмецкой слободы. Соотвѣтственно тому и Гордонъ самъ до конца оставался Шотландцемъ, вѣрнымъ католической религіи, и нисколько не обрусѣлъ подобно Виніусу и другимъ.

Въ дневникѣ Гордона вопросъ о національностяхъ не затрогивается почти вовсе. Тамъ вообще очень рѣдко высказываются отзывы и субъективные взгляды автора; но однажды, въ эпоху своего пребыванія въ Польшѣ въ молодости, онъ замѣчаетъ, что нельзя удивляться національному отвращенію Поляковъ отъ иностранцевъ: „какъ можно ожидать“, спрашиваетъ онъ,—„чтобы свои и чужіе при равныхъ заслугахъ пользовались равнымъ уваженіемъ?“ (I, 170). Когда сынъ Гордона, Джемсъ, намѣревался вступить въ польскую службу, отецъ не совѣтовалъ ему дѣлать это, потому именно, что Поляки презираютъ иностранцевъ (III, 255). Отзывовъ о Русскихъ мы почти вовсе не встрѣчаемъ въ дневникѣ. Только во время путешествія въ Москву въ 1661 году, вступая въ первый разъ въ Россію, онъ сравниваетъ Русскихъ съ Поляками и отдаетъ преимущество послѣднимъ (I, 285). Въ письмѣ къ Герри Гордону въ 1691 году онъ повторяетъ свое сужденіе о Русскихъ, высказанное за тридцать лѣтъ предъ тѣмъ, и замѣчаетъ, что Русскіе менѣе образованы и обходительны, чѣмъ другіе народы (III, 281). Недобросовѣстность и продажность дьяковъ и подьячихъ, какъ мы видѣли, тотчасъ же послѣ пріѣзда въ Россію заставили его желать покинуть эту страну по возможности скорѣе: слѣдуемыхъ денегъ ему не выдавали безъ взятки (I, 290); его поражали обманы, или лучше сказать, грабежи (I, 295), прошенія съ ложными показаніями (I, 297), разныя продѣлки въ приказахъ, въ которыхъ чиновники мѣняли бумаги и пр. (I, 415), и произвольные поступки алчныхъ писцовъ. Когда ему назначили 30 р. въ мѣсяцъ жалованья, „злой дьякъ“ въ бумагѣ написалъ не 30, а 25 рублей (I, 359). При составленіи списка лошадямъ, купленнымъ для Азовскаго похода, подъячій въ бумагѣ показалъ 41 лошадь болѣе чѣмъ было (II, 533). Мы знаемъ однако, что Гордонъ легко привыкъ ко всему этому. Онъ угощалъ русскихъ чиновниковъ, задаривалъ ихъ, а иногда и прямо прибѣгалъ къ подкупу и къ канцелярскимъ продѣлкамъ (I, 305, 308, 414; II, 298).

Къ попойкамъ и пирушкамъ Русскихъ Гордонъ привыкъ очень скоро, хотя его здоровье страдало отъ такихъ удовольствій. Довольно

часто на слѣдующій день послѣ пирушки въ дневникѣ замѣчено: „боленъ отъ похмѣлья“. Какъ кажется, онъ любилъ и охотиться съ Русскими, и объ этомъ не разъ говорится въ дневникѣ (II, 380, 422, 434).

Чѣмъ дольше Гордонъ жилъ въ Россіи, тѣмъ разнообразнѣе становились его сношенія съ русскими сановниками. Чаще всего эти отношенія имѣли офиціальный характеръ, напримѣръ, состояли въ перепискѣ по дѣламъ посольскаго приказа (I, 623) или по военнымъ (II, 458). Безъ сомнѣнія, Гордонъ во многихъ случаяхъ писалъ письма по русски. Съ Матвѣевымъ, а также съ гетманомъ Мазепой, онъ переписывался по латыни (III, 312, 344, 276, 289). Къ князю Василію Васильевичу Голицыну отношенія Гордона были офиціальныя только отчасти; скорѣе въ нихъ преобладала интимность. Весьма часто Гордонъ обѣдалъ у него (напримѣръ, I, 414, 421; II, 3, 3, 13); однажды подарилъ Голицыну великолѣпное сѣдло съ драгоцѣнными камнями (II, 39); иногда бесѣдовалъ съ нимъ о политическихъ событіяхъ въ западной Европѣ (II, 159, 171, 226). Особенно въ Малороссіи, гдѣ было сравнительно меньше иноземцевъ, чѣмъ въ Москвѣ, Гордонъ очень часто принималъ у себя Русскихъ (напримѣръ, I, 418, 458, 464), особенно малороссійскихъ офицеровъ (II, 15), и даже духовныхъ лицъ изъ Печерскаго монастыря (II, 21). Духовенство въ Кіевѣ, можетъ быть, отличалось большею терпимостью, чѣмъ московское. Иногда архимандритъ Печерскій, въ бытность Гордона въ Кіевѣ, приглашалъ его къ себѣ, совѣтовался съ нимъ о постройкахъ и проч. (II, 28, 29). Однажды Гордонъ угощалъ у себя дѣтей знатныхъ казаковъ съ ихъ учителями (II, 41). Во время переѣздовъ своихъ по Россіи Гордонъ всюду былъ принимаемъ съ почетомъ и пользовался вниманіемъ начальствующихъ лицъ; такъ, проѣздомъ въ Англію въ 1666 году, онъ во Псковѣ обѣдалъ у воеводы Шеина, въ Кіевѣ постоянно бывалъ у воеводы Кіевскаго, въ Батуринѣ у гетмана и пр. Мазепа часто посылалъ ему разные подарки, дичи и т. п. (II, 289, 503). По воцареніи Петра, Гордонъ постоянно былъ въ короткихъ сношеніяхъ съ Борисомъ Александровичемъ Голицынымъ (II, 207, 223, 289, 310), съ Нарышкинымъ (II, 292, 307, 312), со Стрѣшневымъ (II, 302), съ Матвѣевымъ (II, 290, 292), съ Леонтьевымъ (II, 314, 412), съ Зотовымъ, съ Шереметевымъ, Апраксинымъ и пр. Когда Гордонъ сталъ пользоваться особеннымъ вниманіемъ Петра, Русскіе съ своей стороны начали посѣщать его II, 301, 315). Къ русскому языку, какъ кажется, Гордонъ привыкъ,

совершенно; въ дневникѣ его нерѣдко встрѣчаются русскія слова, напримѣръ, drotikes (дротики, II, 525), tesma (тесьма, II, 491), nowosella (новоселье, II, 506) weczerinka и пр.

Гораздо болѣе интимными, чѣмъ къ Русскимъ, были отношенія Гордона къ иноземцамъ. Всюду онъ имѣлъ знакомыхъ; путешествуя за границей или по Россіи, онъ во всѣхъ болѣе замѣчательныхъ городахъ находилъ друзей, знакомыхъ или родственниковъ. Изъ дневника его видно, какъ сильна была въ то время англійская и шотландская эмиграція. Уже во время пребыванія своего въ Польшѣ Гордонъ всюду встрѣчалъ соотечественниковъ. Путешествіе въ Россію въ 1661 году онъ совершилъ въ большой компаніи Шотландцевъ съ ихъ женами, а въ Кокенгузенѣ встрѣтилъ Нѣмцевъ, которые звали его на крестины. Въ Нѣмецкой слободѣ онъ очень скоро пріобрѣлъ весьма обширный кругъ знакомства. Чрезъ женитьбу онъ вступилъ въ родственныя связи съ разными семействами; родственники Гордона, Бокговены, Крофурды, Ронэры и пр. были почти всѣ офицерами русской службы, а затѣмъ изъ Шотландіи пріѣзжали еще другіе его родственники, также вступившіе въ русскую службу. Всѣхъ этихъ людей связывалъ общій интересъ, одинаковое матеріальное положеніе, одни и тѣ же наклонности, надежды и желанія. Не только иноземцы-офицеры, но и ихъ семейства состояли въ самой тѣсной связи между собою. Кромѣ военныхъ, иностранные врачи, находившіеся въ то время въ Москвѣ, также были въ весьма дружескихъ сношеніяхъ съ Гордономъ. Такъ напримѣръ, онъ былъ хорошо знакомъ съ извѣстнымъ докторомъ Коллинсомъ, авторомъ сочиненія о Россіи, съ докторомъ Уильсономъ, находившемся въ Россіи впрочемъ только два года [1]), и пр. Нѣкто докторъ Бекъ обязанъ былъ покровительству Гордона полученіемъ мѣста въ Москвѣ [2]). Въ самой тѣсной дружбѣ былъ Гордонъ съ докторомъ Карбонари, который послѣ внезапной смерти доктора фонъ-деръ-Гульста сдѣлался царскимъ врачомъ.

Мы уже видѣли выше, что Гордонъ, когда онъ въ первый разъ отправился изъ Россіи въ Англію, былъ, такъ-сказать, представителемъ интересовъ англійскихъ купцовъ. Не даромъ поэтому негоціанты въ Москвѣ и въ Англіи ухаживали за нимъ. Хорошими знакомыми Гордона были купцы Меверель въ Лондонѣ, Форбесъ въ Ригѣ, Фрезеръ въ Данцигѣ и пр. Съ купцомъ Брейаномъ (Bryan), игравшимъ

---

[1]) См. *Richter*, Gesch. d. Medicin in Russland, II, 282—284.
[2]) Тамъ же, II, 398 и 399.

въ шестидесятыхъ годахъ роль англійскаго консула въ Москвѣ, Гордонъ былъ въ весьма близкихъ сношеніяхъ, такъ что, напримѣръ, жена Брейана хлопотала объ ускореніи свадьбы Гордона и т. п. Иногда англійскіе купцы въ Москвѣ давали Гордону обѣды (II, 395), иногда же онъ принималъ ихъ у себя (II, 167 и 307). Какъ выше было сказано, они чрезъ Гордона передавали Петру разные подарки. О томъ, какъ Гордонъ съ англійскими шкиперами веселился въ Архангельскѣ, мы также говорили (II, 459—477).

Изъ числа европейскихъ дипломатовъ, посѣщавшихъ Москву въ то время, какъ тамъ жилъ Гордонъ, онъ, безъ сомнѣнія, лично познакомился съ графомъ Карлейлемъ, но въ дневникѣ говорится лишь о перепискѣ его съ этимъ англійскимъ посланникомъ. Во время посольства Карлейля Гордонъ еще не былъ столь важнымъ лицомъ какъ впослѣдствіи. За то Карлейль посѣтилъ Гордона въ Англіи въ 1666 году. О дружескихъ сношеніяхъ съ Гебдономъ мы уже говорили, разказывая о поѣздкѣ Гордона въ Англію въ 1666 году. Впослѣдствіи Гебдонъ пріѣхалъ въ Москву въ качествѣ дипломатическаго агента и тутъ однажды по случаю спора между Англичанами и Датчанами обратился къ Гордону съ просьбою требовать удовлетворенія отъ датскаго резидента (II, 417). Весьма часто видался также Гордонъ съ голландскимъ резидентомъ барономъ Келлеромъ, съ которымъ иногда обѣдывалъ у польскаго резидента; покровительства барона Келлера Гордонъ, какъ мы видѣли, искалъ въ критическое время своего разжалованія въ прапорщики (II, 164). Но еще гораздо ближе знакомъ онъ былъ съ польскими и австрійскими дипломатами. Съ ними Гордона соединялъ общій интересъ—католицизмъ. Уже забота о католической церкви въ Москвѣ подавала поводъ къ частымъ свиданіямъ Гордона съ этими лицами. Чаще всего польскій резидентъ посѣщалъ Гордона, сообщалъ ему разныя новости, совѣтовался съ нимъ о дѣлахъ, былъ крестнымъ отцомъ Гордонова внука и сына, приходилъ иногда безъ приглашенія и особливо интересовался успѣхами католицизма въ Россіи. При польскомъ посольствѣ всегда были католическіе священники. Тамъ Гордонъ присутствовалъ иногда при богослуженіи и пр. Съ императорскимъ посломъ Игнатіемъ Курцомъ Гордонъ также находился въ довольно близкихъ сношеніяхъ; пасынокъ Курца, Плейеръ, игравшій довольно важную роль въ качествѣ дипломатическаго агента Австріи, также часто бывалъ у Гордона. Изъ многихъ писемъ Гордона къ Курцу видно, что сношенія ихъ были почти дружескія. Когда пріѣхалъ въ Москву Гваріентъ, то и онъ бывалъ

часто у Гордона, и Гордонъ у него. Поэтому о Гордонѣ часто упоминается въ дневникѣ Корба, сопровождавшаго Гваріента. Наконецъ и датскій резидентъ Бутенантъ былъ хорошимъ знакомымъ Гордона. Они видѣлись часто и посѣщали другъ друга безъ церемоніи, съ женами и съ дѣтьми.

Именно тѣмъ и отличался кружокъ иностранцевъ отъ русскаго общества, что почти во всѣхъ увеселеніяхъ иностранцевъ участвовали дамы. Семейные праздники чрезвычайно часто упоминаются въ дневникѣ Гордона (II, 37). Въ Кіевѣ всѣ полковники обѣдали у Гордона съ ихъ женами (II, 211). Устраивались у него иногда и музыкальные вечера (II, 298, 331). Говоря о большихъ обѣдахъ, которые онъ давалъ для соотечественниковъ и прочихъ иностранцевъ, онъ иногда замѣчаетъ: „Всѣ были веселы, но оставались въ извѣстныхъ предѣлахъ“ (II, 342) [1]). Дни рожденія дѣтей Гордона обыкновенно праздновались болѣе или менѣе торжественно обѣдами, балами и пр. Лѣтомъ предпринимались разныя поѣздки въ большой компаніи. Во время пребыванія Гордона въ Кіевѣ упоминается о такихъ увеселеніяхъ на какомъ-то островѣ на Днѣпрѣ. Этому острову Гордонъ по случаю такого пикника далъ имя „Якобина“ въ честь Англійскаго короля Якова II (II, 82). О такихъ же увеселеніяхъ, напримѣръ, о прогулкѣ въ Марьиной рощѣ или въ Семеновскомъ лѣсу, упоминается и во время пребыванія Гордона и его семейства въ Москвѣ.

Самыми близкими друзьями Гордона были слѣдующія лица: италіанскій купецъ Гуаскони, генералъ Менезесъ, съ которымъ Гордонъ воспитывался въ Браунсбергѣ, богатый капиталистъ Марселисъ, зажиточный купецъ Кенкель и пр.

Каждый разъ, когда Гордонъ уѣзжалъ изъ Москвы, онъ считалъ долгомъ побывать съ визитами у всѣхъ знакомыхъ. Самъ онъ постоянно принималъ посѣщенія, о чемъ обыкновенно и отмѣчалъ въ дневникѣ. Такая обходительность требовала большихъ пожертвованій временемъ и утомляла хозяевъ. Весьма часто цѣлый день употреблялся на визиты, игру въ кегли, крестины, свадьбы, обѣды, ужины и пр. О всѣхъ такихъ торжествахъ Гордонъ дѣлаетъ замѣтки въ своемъ дневникѣ. Число этихъ церемоній громадно. Такъ напримѣръ, упоминается болѣе чѣмъ о ста свадьбахъ, на которыхъ Гордонъ присут-

[1]) Въ противоположность ужасной оргіи, о которой разказываетъ Корбъ, Diarium, стр. 70. То были подъячіе.

ствовалъ. Празднества при этомъ обыкновенно продолжались два дня. Нерѣдко Гордона приглашали въ крестные отцы.

То обстоятельство, что Гордонъ, лишенный возможности жить въ своемъ отечествѣ, постоянно былъ окруженъ соотечественниками и вообще представителями западной Европы, достойно вниманія. Имѣя всюду друзей, знакомыхъ, единовѣрцевъ, онъ всюду былъ какъ дома и легче могъ сохранять свою національность и исповѣдуемую имъ религію. Англичане и Шотландцы, находившіеся тогда въ разныхъ концахъ Европы, были въ постоянной связи между собою, переписывались другъ съ другомъ, давали другъ другу рекомендательныя письма и такимъ образомъ взаимно облегчали путешествія и спошенія всякаго рода въ то время, когда вообще средства сообщенія были еще мало развиты. Такъ напримѣръ, отправляясь въ Англію въ 1666 году, Гордонъ во Псковѣ остановился у одного знакомаго, завтракалъ у другаго, обѣдалъ у третьяго; въ Нейгаузенѣ онъ познакомился съ тамошнимъ пасторомъ и обѣдалъ у него; въ Ригѣ жилъ у какого-то толмача, принималъ визиты разныхъ Нѣмцевъ и Англичанъ, обѣдалъ у стараго знакомаго генералъ-лейтенанта Ферзена и пр.; въ Гамбургѣ имѣлъ рекомендательное письмо къ какому-то Англичанину, и вслѣдствіе того, могъ воспользоваться его услугами; въ Голландіи видѣлся съ одною дамою, которую зналъ въ молодости, и дочь которой была начальницею монастыря въ Гентѣ, и т. д.

Въ этомъ отношеніи поразителенъ контрастъ между представителями западной цивилизаціи и русскими путешественниками. У русскихъ дипломатовъ нигдѣ не было за границею ни знакомыхъ, ни корреспондентовъ. Вездѣ являются они во время путешествія по Европѣ въ какомъ-то жалкомъ уединеніи, между тѣмъ какъ Гордонъ постоянно былъ въ связи со всѣми странами. Довольно интересны на этотъ счетъ нѣкоторые случаи инструкцій, составленныхъ Гордономъ для знакомыхъ, отправлявшихся изъ Россіи на западъ. Онъ даетъ безконечное число порученій къ разнымъ лицамъ въ разныхъ городахъ; онъ имѣетъ текущіе счеты съ разными купцами, посылаетъ деньги или векселя, выписываетъ разныя вещи, которыя можно купить лишь въ томъ или другомъ городѣ. Уже то обстоятельство, что сыновья Гордона воспитывались за границею, заставляло его сохранять связи со многими лицами, тамъ находившимися.

Переписка Гордона вслѣдствіе всего этого имѣла огромные размѣры. И въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, Гордонъ обнаруживалъ большую усидчивость въ трудѣ. Самый дневникъ его,

заключающій въ себѣ тысячи страницъ, доказываетъ, что онъ любилъ писать много, писалъ быстро и дѣльно.

Во время пребыванія въ Польшѣ Гордонъ велъ еще небольшую переписку. За то въ Россіи корреспонденція его разрослась чрезвычайно; напримѣръ, однажды въ 1666 г. Гордонъ въ одинъ день написалъ до 17 писемъ (I, 406); въ другой разъ, въ 1684 году, — 14 писемъ, въ третій, тогда же, — 16 писемъ (II, 17, 37, 54). Въ 1687 году ему случилось однажды въ одинъ день написать не менѣе 25 писемъ (II, 167). Такъ бывало даже и въ походахъ (III, 101). Количество получаемыхъ Гордономъ писемъ соотвѣтствовало числу писанныхъ имъ. Даже во время поѣздокъ съ Петромъ на Переяславское озеро Гордонъ постоянно занятъ былъ своею корреспонденціей. Самымъ точнымъ и отчетливымъ образомъ умѣлъ онъ устраивать дѣло такъ, что во время какого-либо путешествія никогда не оставался безъ извѣстій и на главныхъ станціяхъ получалъ и отправлялъ множество писемъ. Такъ напримѣръ, было во время путешествія въ Архангельскъ въ 1694 году (II, 453) и Азовскаго похода въ 1695 году (II, 562). Въ одномъ письмѣ къ сыну Джемсу онъ совѣтуетъ ему наблюдать за тѣмъ, сколько времени письмо бываетъ въ дорогѣ. Онъ самъ зналъ совершенно точно, что письмо изъ Москвы въ Гамбургъ бывало въ дорогѣ четыре недѣли, а письмо въ Данцигъ—три недѣли и пр. (II, 254).

Ведя огромную корреспонденцію, Гордонъ сверхъ того весьма часто снималъ копіи съ тѣхъ писемъ, которыя отправлялъ. Благодаря этому обстоятельству, издатель дневника былъ въ состояніи напечатать въ приложеніи къ третьему тому 112 писемъ Гордона къ разнымъ лицамъ. Изъ писемъ къ купцамъ Меверелю, Фрезеру и Форбесу видно, что иногда даже въ дѣловыя письма съ порученіями о деньгахъ и товарахъ вносились замѣтки о семейныхъ, политическихъ и другихъ дѣлахъ. Въ письмахъ къ сыновьямъ, разумѣется, говорится главнымъ образомъ о семейныхъ дѣлахъ. Въ письмахъ къ патеру Шмидту подробно сообщается о состояніи католицизма въ Россіи и пр.

Письма посылались по почтѣ, но чаще чрезъ путешественниковъ, иногда же съ нарочными. Настоящая почта учреждена въ Россіи вскорѣ послѣ пріѣзда Гордона. Завѣдывавшіе почтой Іоганъ фонъ-Шведенъ, Марселисъ и Виніусъ были хорошими его знакомыми, и едва ли многіе его современники пользовались русскою почтою, въ первое время ея существованія, въ такой мѣрѣ, какъ Гордонъ. Сами Русскіе совсѣмъ иначе смотрѣли на это учрежденіе, какъ видно то,

напримѣръ, изъ письма Посошкова къ Головину, въ которомъ онъ предлагалъ „загородить ту диру накрѣпко и отставить ее, дабы вѣсти не развозились“. Посошкову казалось обиднымъ, что „что̀ въ нашемъ государствѣ ни здѣлается, то во всѣ земли разнесется“ [1]). Гордонъ, напротивъ того, не только изъ писемъ, но и изъ газетъ, получаемыхъ имъ, узнавалъ подробно о современныхъ событіяхъ во всемъ мірѣ и былъ въ состояніи сообщать Русскому правительству всевозможныя свѣдѣнія о восточномъ вопросѣ, объ англійской революціи, о войнахъ между Англіей, Франціей и Голландіей и пр. Вообще для него почта была самымъ необходимымъ учрежденіемъ, и почтовые расходы составляли немалую сумму въ его бюджетѣ: по случаю поѣздки въ Англію въ 1666 году имъ было истрачено не менѣе 74 рублей на корреспонденцію (I, 631), а такъ какъ въ то время четверть ржи сто̀ила 50 копѣекъ, то этотъ почтовый его расходъ въ настоящее время, если принять въ соображеніе разницу въ цѣнѣ хлѣба, равнялся бы суммѣ около 1000 рублей.

Цѣлью Гордона было сдѣлать карьеру, нажить себѣ состояніе; онъ и достигъ этой цѣли, сталъ въ Россіи зажиточнымъ человѣкомъ. Когда онъ удалился изъ Браунсберга, онъ имѣлъ мѣшокъ съ книгами и бѣльемъ и $7^1/_2$ талеровъ (III, 401). Въ Польшѣ онъ умѣлъ наживать себѣ деньги отчасти прямо грабежомъ, отчасти контрибуціями. Въ Россію онъ пріѣхалъ, ужь имѣя 600 червонцевъ, съ четырьмя слугами. Когда онъ былъ произведенъ въ полковники, ему назначили окладъ въ 30 рублей въ мѣсяцъ. „Злой“ дьякъ вмѣсто 30 написалъ 25 (I, 359); жалованье въ 300 рублей въ годъ могло считаться довольно значительнымъ по тогдашнему времени, такъ какъ равнялось 600 четвертей хлѣба, что̀ нынѣ составляло бы до 4000 рублей. Еще до путешествія въ Англію онъ былъ уже довольно обезпеченъ, такъ какъ могъ уплатить изъ своего кармана значительную часть путевыхъ расходовъ. Эти расходы доказываютъ, что Гордонъ путешествовалъ зажиточнымъ человѣкомъ, нанималъ экипажи, дарилъ своихъ знакомыхъ, покупалъ предметы роскоши, а по возвращеніи изъ Англіи подарилъ своему тестю лошадь съ сбруею для верховой ѣзды.

Положеніе Гордона, какъ и прочихъ иноземцевъ въ Россіи, было затруднено тѣмъ, что окладъ выплачивался весьма неправильно, съ замедленіемъ. Напрасно ему въ Ригѣ въ 1661 году разказывали о точной выдачѣ срочнаго жалованья въ Россіи; тотчасъ же по

---

[1]) Сочиненія Посошкова, изд. *Погодинымъ*, I, 273 и 274.

пріѣздѣ онъ имѣлъ случай убѣдиться въ противномъ. Весьма часто нужно было просить по нѣскольку разъ, кланяться вельможамъ, подавать челобитныя, чтобы получить слѣдуемыя деньги (I, 417, 456). Иногда на такія просьбы отвѣчали одними обѣщаніями, иногда вовсе не было отвѣта. Однажды, когда Гордонъ просилъ выдать ему въ счетъ жалованья 100 рублей, правительство извинялось случившимися не задолго до того пожарами, и нужно было хлопотать нѣсколько недѣль изъ-за этой суммы (II, 231). Часто Гордонъ по нѣскольку дней сряду долженъ былъ отправляться „въ городъ“ за жалованьемъ, и возвращаясь, замѣчалъ въ дневникѣ, что есть „мало надежды получить мѣсячный окладъ“ (II, 302). Хотя въ 1693 году и было рѣшено, что отнынѣ окладъ долженъ выплачиваться правильно ежемѣсячно (II, 423), постановленіе это нарушалось. Корбъ разказываетъ, какъ однажды докторъ Карбонари за столомъ шутя сказалъ Петру, что ему приходится заложить или продать жену, такъ какъ онъ уже давно не получалъ слѣдуемаго ему оклада [1]).

Другое затрудненіе заключалось въ томъ, что жалованье выплачивалось не всегда деньгами, а значительною долею—соболями. Гордонъ вслѣдствіе того долженъ былъ хлопотать о продажѣ этого товара. Онъ имѣлъ своихъ коммиссіонеровъ: въ Москвѣ—купца Мюнтера, въ Хмѣльникѣ—Роберта Гордона и пр., и велъ съ ними постоянные счеты. Иногда продажа соболей была сопряжена съ убытками, иногда Гордонъ былъ недоволенъ неисправнымъ образомъ дѣйствій купцовъ. Изъ замѣтки его, что однажды онъ выхлопоталъ обѣщаніе казны обмѣнить соболей на деньги, видно, что обыкновенно было выгоднѣе получать окладъ деньгами, чѣмъ соболями. И между частными людьми соболи считались чѣмъ-то въ родѣ денегъ. Отправляясь за границу, Гордонъ взялъ съ собою нѣкоторое количество соболей; однажды, когда ему нужно было заплатить долгъ въ Данцигѣ, онъ отправилъ туда соболей вмѣсто векселя (II. 225). Въ письмѣ къ Герри Гордону, желавшему вступить въ русскую службу, сказано (въ 1691 году), что лишь одна треть жалованья выплачивается деньгами, остальное—натурою, что сопряжено съ убытками (III, 281; II, 405, 409—410; III, 246, 283).

При всемъ томъ Гордонъ даже и до воцаренія Петра, какъ кажется, былъ поставленъ хорошо, хотя иногда и жаловался въ своихъ прошеніяхъ на бѣдность. Послѣ 1691 года возросли не только

---

[1]) Diarium itineris, 88.

доходы, но и расходы его. Придворвая жизнь обходилась ему дорого. Впрочемъ, онъ надѣялся, что, благодаря милости Петра, его экономическое положеніе поправится, и надежда его сбылась: ему прибавили жалованья, да сверхъ того, онъ получалъ разные подарки—серебра, камни, бархату, вина. Въ послѣдніе годы жизни его окладъ составлялъ 952 рубля [1]).

Значительнѣйшею наградою, которую дало Гордону русское правительство, были деревни. Изъ пожалованныхъ ему въ 1697 г. деревень онъ получалъ значительное количество съѣстныхъ припасовъ и даже, хотя небольшими суммами, оброчныя деньги. Ему совѣтовали прикупить еще разныя земли, находившіяся въ сосѣдствѣ его деревень, что̀, по видимому, и было имъ исполнено. Кромѣ того, Гордонъ былъ, кажется, весьма зажиточнымъ землевладѣльцемъ въ Шотландіи. Управленіе этими имѣніями заставило его два раза ѣздить въ Шотландію (въ 1670 и 1686 гг.). Въ письмахъ его къ сыну Джону встрѣчаются много данныхъ о томъ, какъ должно управлять этимъ имѣніемъ, о садоводствѣ, о контрактахъ съ фермерами, о способѣ счетоводства и отчетности. Достаточно обезпеченный въ Россіи, Гордонъ не бралъ себѣ доходовъ съ шотландскихъ имѣній, но считалъ себя въ правѣ во всѣхъ отношеніяхъ контролировать сына, которому ввѣрилъ управленіе ими. Доходы эти составляли около 1000 талеровъ, которые, по желанію Гордона, должны были обращаться въ капиталъ, то-есть, отдаваться на проценты.

Изъ дневника Гордона видно, что иностранцы, жившіе въ Россіи, постоянно вели между собою денежныя дѣла, иногда довѣряли другъ другу довольно значительныя суммы и занимались разными кредитными операціями. Очень часто говоритъ Гордонъ о векселяхъ, о переводѣ денегъ, о займахъ, о торговыхъ сдѣлкахъ. Многіе знакомые его находились съ нимъ въ такихъ дѣловыхъ отношеніяхъ, но между Русскими и иностранцами подобныхъ дѣлъ, по видимому, не было.

Все это свидѣтельствуетъ о зажиточности Гордона; тѣмъ не менѣе, мы не въ состояніи опредѣлить размѣръ Гордонова богатства. Есть основаніе думать, что нѣкоторые иностранцы, жившіе въ Россіи, были гораздо богаче его. Такъ напримѣръ, когда генералъ Ме-

---

[1]) Ш, 90, 226; это подтверждается и показаніемъ Корба, Diarium, 218. Въ 1699 году пасторъ лютеранскаго прихода въ Москвѣ имѣлъ не болѣе 60 рублей жалованья. См. *Fechner*, Chronik der Evang. Gemeinden in Moskau, I, 402.

незесъ женился на вдовѣ промышленника Марселиса, онъ получилъ съ нею въ приданое 5000 рублей деньгами да 2000 рублей въ серебряныхъ и прочихъ цѣнныхъ предметахъ (I, 415). Вообще же Гордонъ не разъ въ своихъ письмахъ жалуется, что въ Россіи никакъ нельзя найдти богатыхъ невѣстъ, и поэтому желалъ сосватать своего сына за племянницу богатаго купца Кенвеля въ Гамбургѣ (III, 336—337). Во всякомъ случаѣ самъ Гордонъ жилъ гораздо скромнѣе, чѣмъ Лефортъ, который въ своемъ погребѣ имѣлъ вина на нѣсколько тысячъ рублей и расходовалъ отъ 12 до 15,000 талеровъ въ годъ [1]).

Домашній бытъ Гордона также свидѣтельствовалъ о его зажиточности. Многіе предметы роскоши, какъ напримѣръ, виноградное вино, галстухи, чулки, кружева, гребенки, оружіе, серебряную посуду и т. п., онъ выписывалъ изъ-за границы. Пряности, сласти и пр., упомянутыя въ спискѣ предметовъ, взятыхъ имъ въ Азовскій походъ, также были предметомъ роскоши; все это стоило тогда дорого. Постоянно покупалъ онъ или продавалъ лошадей, а иногда и экипажи. У Гордона была многочисленная прислуга. Когда однажды жена Гордона должна была пріѣхать изъ Кіева въ Москву, онъ отправилъ за нею четырехъ человѣкъ. Между слугами Гордона встрѣчаются Англичане, Русскіе, Волошанинъ, Турокъ и пр.; нѣкоторые служили вмѣстѣ со своимъ семействомъ. Содержаніе этихъ слугъ обходилось дешево. За то гораздо большій расходъ составляли подарки и награды, которые ему приходилось выдавать весьма часто.

Роялизмъ, католицизмъ и образованіе Гордона. — Личный его характеръ.

Нельзя сказать, чтобы Гордонъ сдѣлался въ Россіи вполнѣ государственнымъ человѣкомъ. Его дѣятельность ограничивалась одною военною техникою. Только въ видѣ исключенія онъ однажды, въ 1684 году, долженъ былъ написать обще-политическій мемуаръ о восточномъ вопросѣ. Въ Кіевѣ онъ, безъ сомнѣнія, занимался отчасти и гражданскими административными дѣлами; но обыкновенно служба его ограничивалась только сферою военныхъ дѣлъ. Нельзя даже сказать, чтобъ онъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ политическихъ событій въ Россіи. Только въ 1689 году по случаю борьбы

---

[1]) *Posselt*, Lefort, II, 79.

придворныхъ партій онъ не могъ не интересоваться этими явленіями. Вообще же онъ былъ равнодушенъ къ русской политикѣ, въ сравненіи съ напряженнымъ вниманіемъ, съ которымъ слѣдилъ за политическими событіями въ Англіи. Разставшись съ родиною, постоянно живя за границей, онъ оставался вполнѣ Шотландцемъ, приверженцемъ Стюартовъ и сторонникомъ католицизма.

Мы видѣли уже, что революція содѣйствовала его рѣшенію покинуть отечество, а реставрація Карла II заставила его желать возвращенія въ отечество. Затѣмъ онъ три раза ѣздилъ въ Англію и лично познакомился съ королями Карломъ II и Яковомъ II. Во время его пребыванія въ Англіи въ 1686 году положеніе короля уже казалось ему чрезвычайно опаснымъ; онъ находилъ, что король былъ окруженъ ненадежными людьми и осуждалъ чрезмѣрное легковѣріе Якова. (III, 260). Изъ донесеній голландскаго резидента Келлера видно, что Гордонъ незадолго до революціи 1688 года желалъ отправиться въ Англію, чтобы поддерживать партію короля Якова II, партію папистовъ [1]).

Въ 1688 году онъ имѣлъ подробныя свѣдѣнія о всемъ происходившемъ въ Англіи. Когда на вечерѣ у Иліи Таборта заговорили о томъ, что Яковъ II принялъ строгія мѣры противъ нѣсколькихъ англиканскихъ епископовъ, Гордонъ сказалъ, что находитъ образъ дѣйствій короля совершенно правильнымъ (II, 222). Въ Россіи не любили Якова II: однажды за обѣдомъ у Василія Васильевича Голицына князь замѣтилъ, что Россія какъ-то не ладитъ съ Англійскимъ королемъ, потому что онъ слишкомъ гордъ. Гордонъ далъ разговору такой оборотъ, что Яковъ только кажется гордымъ, потому что не отправляетъ посланника въ Россію, и старался объяснять это обстоятельство чрезмѣрными заботами короля о внутреннихъ дѣлахъ. Когда затѣмъ бояринъ замѣтилъ, что Англичане не могутъ прожить безъ русскихъ товаровъ, Гордонъ не хотѣлъ высказать откровенно своего мнѣнія, очевидно, не согласнаго съ мнѣніемъ Голицына (II, 226). Наканунѣ революціи Гордонъ вмѣстѣ съ соотечественниками праздновалъ день рожденія Якова II. При этомъ былъ и голландскій резидентъ, который, уходя домой въ концѣ вечера, замѣтилъ: „Счастливъ король, подданные котораго и въ такомъ отдаленіи столь радушно празднуютъ его память“ (II, 231). Нѣсколько дней спустя получено было извѣстіе, что голландскій флотъ отправился въ Англію, чтобы

---

[1]) См. сочиненіе *Поссельта*, Lefort und seine Zeit, I, 441.

принудить Якова созвать либеральный парламентъ и не нарушать правъ англиканской церкви (II, 232). Гордонъ узнавалъ подробности этихъ событій чрезъ газеты и письма купца Фрезера (II, 236). Съ Шакловитымъ и съ другими сановниками Гордонъ бесѣдовалъ о намѣреніяхъ Голландцевъ. Все это сильно его тревожило, и онъ просилъ купца Меверели въ Лондонѣ сообщить ему подробнѣе объ англійскомъ кризисѣ (II, 237). Вскорѣ въ Москвѣ получена была декларація принца Оранскаго, а затѣмъ до Гордона дошли извѣстія о прибытіи самого Вильгельма въ Англію съ войсками; полученныя Гордономъ по этому поводу письма онъ велѣлъ перевести на русскій языкъ и представилъ правительству. Онъ замѣчаетъ, что эти извѣстія сильно обрадовали русскихъ сановниковъ. Съ посѣщавшимъ его польскимъ резидентомъ Гордонъ также бесѣдовалъ объ англійскихъ дѣлахъ. Онъ замѣчаетъ, что Голландцы были въ восхищеніи отъ этихъ извѣстій. За обѣдомъ у Голицына, гдѣ были и другіе высшіе сановники, Гордонъ по случаю бесѣды объ Англіи „высказалъ свое мнѣніе съ нѣкоторымъ жаромъ“ (II, 239 — 241). Очень опечалило его „прискорбное“ извѣстіе о бѣгствѣ Якова II во Францію (II, 243).

Въ продолженіе 1689 года извѣстія объ Англіи въ дневникѣ весьма скудны. Можно полагать, что Гордонъ въ это время ревностно переписывался со своими политическими друзьями въ Англіи и съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ событій, въ особенности за неудачною попыткой Якова II завладѣть вновь короною Великобританіи при помощи Людовика XIV. Его письма, относящіяся къ 1691 и слѣдующимъ годамъ, сохранились и даютъ намъ возможность судить о мѣрѣ участія, съ которымъ Гордонъ слѣдилъ за печальною судьбою Стюартовъ. 28-го января 1690 года онъ писалъ къ графу Эбердину: „Я сильно встревоженъ безпорядками и распрями въ нашемъ бѣдномъ отечествѣ“. При этомъ онъ выражалъ желаніе возвратиться въ Шотландію (III, 239). 27-го февраля 1690 года онъ просилъ купца Меверели указать ему, къ кому должно обращаться при Англійскомъ дворѣ, такъ какъ, пишетъ онъ,—„мои друзья не участвуютъ болѣе въ государственномъ управленіи, и мои политическія убѣжденія едва ли содѣйствуютъ пріобрѣтенію новыхъ покровителей“ (III, 240). Къ графу Мельфорту, самому фанатическому стороннику Якова II, онъ писалъ въ маѣ 1690 года о „несчастной революціи“ и своемъ желаніи дѣйствовать какимъ-либо образомъ въ пользу Якова II. Онъ изъявлялъ готовность идти туда, куда король ему укажетъ, вербовать офицеровъ на службу Якову II и отправиться, если нужно, въ Поль-

шу или въ Гамбургъ для полученія тамъ дальнѣйшихъ приказаній (III, 248).

Гордонъ крѣпко надѣялся на реакцію въ пользу Стюартовъ. Въ письмѣ къ сыну Джемсу отъ 27-го іюня 1690 года сказано: „Ты можешь оставаться въ Россіи до перемѣны обстоятельствъ въ Шотландіи, потому что, безъ сомнѣнія, нынѣшнее правительство не долго продержится“ (III, 254). И въ письмѣ къ герцогу Гордону отъ 15-го ноября 1690 года выражается искреннее желаніе Гордона служить изгнанному королю, а далѣе—сожалѣніе, что въ Россіи не легко получать точныя и вѣрныя извѣстія о всѣхъ событіяхъ (III, 260). Онъ совѣтуетъ Якову II хлопотать о томъ, чтобы Людовикъ XIV отправилъ посольство къ Петру. Въ письмѣ къ лорду Мельфорту выражается сожалѣніе о неудачной агитаціи въ пользу Якова въ Ирландіи, и далѣе—надежда, что принцъ Оранскій не усидитъ на престолѣ (III, 261 и 262). Съ Мельфортомъ, игравшимъ роль дипломатическаго агента Якова II въ Римѣ, Гордонъ все время былъ въ перепискѣ (II, 322).

Между тѣмъ какъ Гордонъ приглашалъ къ себѣ на вечеръ соотечественниковъ, съ которыми пилъ здоровье короля Якова II, ненавистный ему король Вильгельмъ старался вступить въ дипломатическія сношенія съ Россіей. Грамота его сначала не была принята, потому что царскій титулъ былъ въ ней написанъ не совсѣмъ правильно; съ своей стороны, Гордонъ былъ очень радъ этому случаю (II, 328). Однако голландскій резидентъ убѣдилъ наконецъ русское правительство принять грамоту и отвѣчать на нее (II, 331, 335). Все это не мѣшало Гордону питать надежду на сверженіе Вильгельма съ престола въ ближайшемъ будущемъ. Къ тому же онъ потерпѣлъ убытокъ по случаю взятія какихъ-то англійскихъ кораблей (II, 350, III, 292), на которыхъ, вѣроятно, находились кое какіе предметы или товары, принадлежавшіе Гордону.

Послѣ англійской революціи явилось въ печати нѣсколько брошюръ въ пользу Якова. Гордонъ старался пріобрѣсти эти произведенія публицистики. Онъ писалъ объ этомъ предметѣ къ Джемсу Гордону въ Ротердамѣ (III, 272) и говорилъ въ письмѣ къ Джону Пендеку о двухъ таковыхъ же брошюрахъ (III, 311). Изъ письма къ герцогу Гордону отъ 22-го мая 1691 года видно, въ какой степени всѣ приверженцы Стюартовъ состояли въ связи между собою, и какъ сильно всѣ они надѣялись на помощь Людовика XIV. Гордонъ ожидалъ, что Вильгельмъ III скоро надоѣстъ Англичанамъ, и что мало

по малу въ англійскомъ народѣ пробудится сознаніе „о постыдномъ рабствѣ“ (III, 280). Капитана Герри Гордонъ просилъ сообщить ему подробные списки всѣхъ лицъ, которые оставались вѣрными Стюартамъ, которые измѣнили имъ или пребывали нейтральными. Изъ этого письма видно, что и сынъ Гордона, Джемсъ, былъ горячимъ роялистомъ (III, 282). Даже въ письмахъ къ людямъ почти вовсе ему незнакомымъ Гордонъ съ горячностью говорилъ о печальной, по его мнѣнію, судьбѣ Англіи (III, 288). Объ этомъ же предметѣ онъ говорилъ въ латинскихъ стихахъ въ письмѣ къ графу Эбердину (III, 308). Изъ письма Гордона къ герцогу Гордону отъ 12-го января 1692 г. видно, что роялисты подвергались разнымъ опасностямъ и оскорбленіямъ. Они считали себя какъ бы мучениками, страдавшими за вѣру и правду (III, 309); они боролись, какъ видно изъ письма Гордона къ архіепископу Глесгоускому, съ разными затрудненіями (III, 359), но не теряли надежды на реставрацію Стюартовъ.

Гордонъ все время слѣдилъ за войсками партіи роялистовъ, а также за состояніемъ войскъ въ самой Англіи, за преніями въ англійскомъ парламентѣ и пр. (II, 335, 359, 392, 396). О королѣ Вильгельмѣ онъ говорилъ не иначе, какъ называя его принцемъ Оранскимъ; за то Якова II и его супругу онъ постоянно называлъ королемъ и королевою (II, 377). Въ октябрѣ 1692 года онъ пригласилъ къ себѣ „столько соотечественниковъ, сколько могъ собрать“ и вмѣстѣ съ ними пилъ здоровье короля Якова II (II, 385). Въ Москвѣ, кажется, всѣ или почти всѣ Англичане и Шотландцы были приверженцами Стюартовъ: иначе англійскіе купцы, желавшіе поднести Петру разные подарки, не избрали бы Гордона въ 1694 году своимъ представителемъ для передачи этихъ предметовъ (II, 427 и 437). Только однажды въ 1695 году Вильгельмъ въ дневникѣ Гордона названъ королемъ (II, 524). За то въ Воронежѣ, когда по случаю праздпества у Лефорта пили здоровье короля Вильгельма, Гордонъ рѣшительно отказался участвовать въ этомъ тостѣ и пилъ здоровье короля Якова II (III, 22). И въ этомъ году, какъ и прежде, 14-го октября, онъ праздновалъ день рожденія Якова II, пригласивъ къ себѣ соотечественниковъ (III, 76).

Вообще на этотъ счетъ Гордонъ могъ казаться близорукимъ, ограниченнымъ политикомъ. Какъ всѣ эмигранты, онъ не имѣлъ правильной мѣрки для справедливой оцѣнки событій въ Англіи. Притомъ его политическія убѣжденія состояли въ самой тѣсной связи

съ религіозными: Гордонъ былъ не только ревностнымъ роялистомъ; онъ былъ еще болѣе ревностнымъ католикомъ.

Бывали случаи, что иностранцы, пріѣзжавшіе въ Россію, принимали православную вѣру. Такъ напримѣръ, Трауернихтъ и Турніеръ[1]), Виніусъ[2]), Лесли[3]), измѣнникъ Якушка, перебѣжавшій къ Туркамъ въ 1695 году[4]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ иностранцы находили выгоднымъ для себя въ матеріальномъ отношеніи перемѣнить религію[5]). Напротивъ того, Гордонъ не только не думалъ о перемѣнѣ вѣры, но даже былъ, какъ кажется, главнымъ орудіемъ католической пропаганды въ Россіи. Положеніе католиковъ было въ Россіи чрезвычайно невыгодное. Тщетно іезуиты, императоръ и вообще католики хлопотали о тѣхъ самыхъ правахъ для католической церкви въ Москвѣ, которою пользовались лютеранское и реформатское исповѣданія. Въ борьбѣ за эти права Гордонъ игралъ весьма важную роль. Ненависть его къ Кромвелю и Вильгельму III объясняется не только его политическими убѣжденіями, но и религіозными. Онъ смотрѣлъ на событія въ Англіи съ точки зрѣнія іезуитскаго ордена; и въ Россіи онъ состоялъ въ самой тѣсной связи съ этою воинствующею церковью.

Въ то время, когда Гордонъ пріѣхалъ въ Россію, тамъ не было еще католическихъ церквей. Его вѣнчалъ голландскій пасторъ (I, 356, 357), какъ впослѣдствіи и дочь его Мери (I, 320). Въ 1684 г., когда въ январѣ и февралѣ Гордонъ находился нѣсколько недѣль въ Москвѣ, здѣсь жилъ, проѣздомъ въ Персію, какой-то архіепископъ, пріѣхавшій изъ Рима и Вѣны. Гордонъ присутствовалъ при его богослуженіи и слушалъ его проповѣдь. Послѣ того знатнѣйшіе католики обѣдали у Гордона (II, 13). 31-го января Гордонъ бесѣдовалъ съ княземъ Голицынымъ о печальномъ положеніи католицизма въ Россіи и жаловался на то, что католики не имѣютъ права публичнаго богослуженія наравнѣ съ другими исповѣданіями. Голицынъ

---

[1]) *Gordon*, Tagebuch, I, 434; III, 341.

[2]) *Korb*, Diarium, 24-го апрѣля 1699 г.

[3]) *Olearius*, 167.

[4]) *Posselt*, Lefort, II, 274.

[5]) О двухъ братьяхъ Штаденъ, принявшихъ православную вѣру, чтобы поправить свое положеніе, пишетъ Лефортъ; см. *Поссельта* Lefort, I, 257. Голландскій резидентъ баронъ Келлеръ также сообщаетъ разныя данныя о перекрестившихся иностранцахъ съ цѣлью пріобрѣтенія внѣшнихъ выгодъ. *Posselt*, Lefort, I, 265.

совѣтовалъ Гордону подать прошеніе царямъ и обѣщалъ, что желаніе католиковъ будетъ исполнено (II, 13).

Дѣйствительно, въ томъ же 1684 году было подано такое прошеніе. Московскіе католики, военные люди и купцы, просили права содержать священнослужителей и строить церкви. Просьба эта была поддержана австрійскими уполномоченными Жировскимъ и Блюмбергомъ отъ имени императора [1]). Гордона въ то время не было въ Москвѣ: 6-го марта онъ выѣхалъ въ Кіевъ. Во всякомъ случаѣ, это дѣло долго оставалось проектомъ. 1-го августа Гордонъ изъ Кіева написалъ письмо лорду Грему о содержаніи католическихъ священниковъ; отсюда видно, что католики получили тогда благопріятный отвѣтъ отъ правительства (II, 37). Гордонъ составилъ списокъ католикамъ, обязаннымъ платить ежегодно извѣстную сумму на содержаніе священниковъ и на разныя нужды церкви. Каждому католику приходилось по этому разчету вносить $47\frac{1}{2}$ рублей въ годъ (II, 37). Сумма значительная; но какъ видно, католики для достиженія своихъ цѣлей были готовы приносить большія жертвы. Настоящаго разрѣшенія строить католическую церковь, впрочемъ, пока не послѣдовало. Очевидно, патріархъ не одобрялъ такой терпимости, и потому продолжались переговоры между Австріей и Россіей, въ которыхъ еще въ 1686 году принималъ участіе бояринъ Шереметевъ, бывшій тогда въ Вѣнѣ [2]). Католикамъ скорѣе хотѣли дозволить отправленіе богослуженія въ частныхъ домахъ, чѣмъ постройку особой церкви. Между тѣмъ Гордонъ хлопоталъ далѣе; изъ Кіева онъ отправилъ въ Москву нѣсколько денегъ для покупки строительныхъ матеріаловъ. Со своимъ старымъ знакомымъ, патеромъ Шмидтомъ, находившимся тогда за границей, онъ переписывался также объ этомъ предметѣ и узналъ отъ него, что можно ожидать пріѣзда австрійскаго дипломата Курца съ письмами отъ императора къ царямъ.

Въ 1685 году осенью Гордонъ пишетъ о кратковременномъ пребываніи какихъ-то католическихъ священниковъ въ Кіевѣ. Католики-офицеры исповѣдывались у нихъ, пріобщались св. тайнъ, слушали проповѣдь и пр. (II, 113). Въ началѣ 1686 года Гордонъ опять былъ въ Москвѣ, гдѣ между тѣмъ дѣло католиковъ подвинулось впередъ. Туда пріѣхалъ Курцъ, который распорядился о покупкѣ дома для іезуитовъ въ Москвѣ. Этотъ домъ былъ купленъ на имя стараго

---

[1]) См. соч. графа *Дм. Толстаго*: Le catholicisme romains en Russie (Paris, 1863). I, 124—125.

[2]) Тамъ же I, p. 125.

пріятеля Гордона, Гуаскони, который подъ видомъ купца былъ никѣмъ инымъ, какъ агентомъ іезуитскаго ордена [1]). Въ началѣ 1686 года въ Москвѣ находился какой-то католическій священникъ, котораго, какъ кажется, правительство хотѣло удалить. Гордонъ чрезъ князя Голицына выхлопоталъ ему отсрочку на восемь дней (II, 118). Но дѣло это затянулось. 10-го января Менезесъ и Гордонъ ужинали у Голицына и просили его „о католическомъ священникѣ". Голицынъ обѣщалъ донести о томъ царямъ. На другой день Гордонъ обѣдалъ у Голицына, но „не получилъ отвѣта насчетъ католическаго священника". Ему сказали, что нужно имѣть терпѣніе (II, 118).

Послѣ возвращенія его изъ перваго Крымскаго похода, въ дневникѣ опять появляются извѣстія относительно католической церкви. Можетъ быть, мѣсто для постройки, которое получилъ Гордонъ (II, 206—208), было назначено для ея сооруженія. Въ свитѣ польскаго посланника, находившагося тогда въ Москвѣ, былъ іезуитъ, съ которымъ Гордонъ находился въ сношеніяхъ (II, 207). Съ купцомъ Гуаскони онъ въ февралѣ 1688 года бесѣдовалъ „о церковныхъ дѣлахъ" (II, 210). Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1688 года въ Москвѣ находился патеръ Шмидтъ, который между прочимъ крестилъ дочь Гордона (II, 220). Онъ, впрочемъ, недолго оставался въ Москвѣ, такъ какъ уже въ октябрѣ этого года упомянуто о письмѣ Гордона къ Шмидту (II, 230). За то въ ноябрѣ было получено извѣстіе, что какой-то „докторъ медицины и еще другой священникъ для занятія мѣста Шмидта" уже находятся въ дорогѣ (II, 236). Эта былъ никто иной, какъ патеръ Авриль, который исполнялъ должность священника по случаю похоронъ казненнаго Брабантца де-Рулья (II, 244) и вмѣстѣ съ другими священниками и польскимъ посланникомъ обѣдалъ у Гордона (II, 244). Всѣ эти пріѣзды католическихъ священниковъ, случаи отправленія богослуженія и пр. были однако исключеніями, и положеніе католической церкви въ Россіи все еще нисколько не соотвѣтствовало желаніямъ Гордона и его товарищей по вѣрѣ. Въ то же время (какъ узнаемъ мы изъ донесеній голландскаго резидента Келлера) Гордонъ интриговалъ противъ протестантовъ въ Москвѣ: было подано „на верхъ" какое-то челобитье, въ которомъ протестанты обвинялись въ томъ, что ихъ ученіе заключаетъ въ себѣ поношеніе Богородицы [2]). Будучи въ Кіевѣ, Гордонъ въ 1684 году ходатайствовалъ о разрѣ-

---

[1]) См. Le Cathol. romain, I, стр. 112.
[2]) См. соч. *Поссельта*, Lefort, I. 441.

шеніи ему приглашать изъ Польши въ большіе праздники, два или три раза въ годъ, католическихъ священниковъ для отправленія богослуженія (II, 87). Теперь, послѣ государственнаго переворота 1689 года, когда Гордонъ могъ разчитывать на личное къ нему расположеніе Петра, онъ тотчасъ же принялся за дѣло и 18-го декабря 1689 года подалъ прошеніе о дозволеніи содержать въ Москвѣ католическихъ священниковъ (II, 289). Въ слѣдующіе дни онъ искалъ случаевъ поговорить съ Петромъ объ этомъ предметѣ. Онъ въ то время часто бывалъ въ городѣ и имѣлъ разговоры „на счетъ католическихъ священниковъ" (II, 293). Въ это время іезуиты постоянно дѣлали попытки утвердиться въ Москвѣ, и русское правительство постоянно заботилось о ихъ удаленіи. Такъ напримѣръ, въ 1689 году какіе-то іезуиты должны были уѣхать изъ Москвы и всевозможными средствами старались отсрочить отъѣздъ, прося между прочимъ времени для продажи дома, купленнаго въ Нѣмецкой слободѣ для императора Леопольда. Правительство не желало оскорбить императора, но всетаки настаивало на своемъ [1]). Такой же случай былъ и въ 1690 году съ іезуитомъ Терпиловскимъ, съ которымъ Гордонъ былъ въ весьма близкихъ сношеніяхъ. Въ мартѣ 1690 года Гордонъ подалъ прошеніе о томъ, чтобы патеру Терпиловскому было дозволено оставаться въ Москвѣ до пріѣзда другаго священника (II, 299). На другой день Гордонъ бесѣдовалъ объ этомъ предметѣ съ Петромъ, который дозволилъ пригласить священника, но не изъ іезуитовъ. Послѣ того Гордонъ совѣтовался съ польскимъ посланникомъ о приглашеніи священника. Вѣроятно, объ этомъ же предметѣ писалъ онъ и къ патеру Шмидту. Между тѣмъ умерла дочь Гордона Іоанна; при ея похоронахъ служилъ Терпиловскій. Царю очень не нравился Терпиловскій, и потому онъ приказалъ спѣшить приглашеніемъ другаго священника. Между тѣмъ Гордонъ бывалъ при богослуженіи, которое на Страстной недѣлѣ происходило съ музыкою (II, 301). 7-го мая Терпиловскому было приказано выѣхать (II, 303), а 31-го это приказаніе возобновлено (II, 305). Но онъ всетаки оставался; 28-го іюня происходило обыкновенное католическое богослуженіе (II, 308); 2-го іюля Терпиловскому снова приказано было уѣхать. Наконецъ, 12-го іюля его отправили насильно (II, 310).

Можно думать, что Гордонъ былъ сильно огорченъ этимъ образомъ дѣйствій русскаго правительства. Онъ все еще надѣялся на заступничество императора. Не безъ удовольствія разказывалъ онъ въ своемъ

---

[1]) Le catholicisme romain en Russie, графа *Толстаго*, I, 114.

дневникѣ, что польскій посланникъ получилъ отъ императорскаго посланника письмо для передачи думному дьяку Украинцеву, въ которомъ было сказапо, что изгнаніе іезуитовъ изъ Россіи крайне непріятно императору, и что можно ожидать совершеннаго прекращенія дипломатическихъ сношеній императора съ Россіей, если іезуитамъ не будетъ дозволено возвратиться (II, 328). О пребываніи Терпиловскаго въ Москвѣ Гордонъ писалъ къ патеру Шмидту и горевалъ о томъ, что ему, какъ іезуиту, не дозволяютъ оставаться въ Россіи, а также и о томъ, что когда нѣтъ священника, католики собираются для богослуженія и безъ таковаго (III, 245). Такъ было и послѣ высылки Терпиловскаго, въ маѣ 1691 года (II, 341). Гордонъ старался пригласить школьнаго учителя и на счетъ этого обращался также къ патеру Шмидту и къ сыну Джемсу, находившемуся тогда за границею. Безъ сомнѣнія, разчитывали при этомъ случаѣ опять на іезуита. Гордонъ совѣтовалъ, чтобы приглашенный учитель совершилъ путешествіе въ Москву вмѣстѣ съ его сыномъ Джемсомъ: „иначе подумаютъ (или догадаются), что это іезуитъ“ (III, 253). Въ декабрѣ 1690 года Гордонъ въ письмѣ къ Шмидту горько жалуется на то, что по недостатку священника многіе измѣняютъ католической вѣрѣ. Онъ даже желалъ сына своего Θеодора посвятить духовному званію, и это обстоятельство было причиной отправленія этого юноши въ іезуитскую коллегію въ Браунсбергѣ (III, 264—265). Въ письмѣ къ Шмидту Гордонъ называлъ католическую общину осиротѣлою.

Еще въ 1685 году посланникъ Курцъ былъ въ Москвѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и іезуиты. Теперь, въ 1691 году, Курцъ пріѣхалъ во второй разъ въ сопровожденіи священника. Оба они часто обѣдали у Гордона. Въ іюнѣ какой-то доминиканскій монахъ крестилъ сына Гордонова Петра (II, 342). Католики просили этого монаха остаться въ Москвѣ (II, 350), на что̀ и послѣдовало разрѣшеніе правительства (II, 350), но доминиканецъ могъ остаться лишь временно, до пріѣзда другаго священника. Поэтому въ концѣ 1691 году въ католической общинѣ выбрали другаго священника (II, 358). Вообще не упуская никакого случая для сношеній съ іезуитами, Гордонъ, 10-го марта 1692 года, написалъ чрезъ Избрандта письмо къ іезуитамъ въ Китаѣ, въ которомъ рекомендовалъ имъ Избрандта и замѣтилъ: „мы, католики, благодаря милости царя, пользуемся здѣсь правомъ свободнаго богослуженія“ (III, 314). Лѣтомъ того же года онъ писалъ къ Шмидту: „Наша община находится въ посредственномъ положеніи; молельня наша увеличена и прилично украшена“ (III, 318). Въ ноябрѣ

того же года въ Москву пріѣхалъ Плейеръ, также служившій орудіемъ католической пропаганды въ Москвѣ. Онъ долго оставался въ Россіи и занимался изученіемъ русскаго языка. Съ нимъ вмѣстѣ пріѣхали и новые священники (II, 388). Тотчасъ же послѣ ихъ прибытія Гордонъ посѣтилъ ихъ (II, 388) и былъ очень доволенъ, когда имъ было позволено оставаться въ Россіи (II, 388). И у Гордона, и у Менезеса [1]) пріѣзжіе были приняты весьма радушно. Въ письмѣ къ Курцу Гордонъ сильно хвалилъ ихъ и только сожалѣлъ о томъ, что они плохо знали по нѣмецки. Изъ этого письма видно, что Гордонъ крѣпко надѣялся на дальнѣйшее покровительство императора Леопольда „ради славы Божіей и распространенія католической религіи и ради душевнаго блага католиковъ“ (III, 326). Въ этомъ же письмѣ Гордонъ въ духѣ іезуитизма говоритъ, что сохраненіе и дальнѣйшее распространеніе католической религіи въ Россіи главнымъ образомъ обусловливается успѣшнымъ воспитаніемъ юношества. Священники содержались на счетъ императора, и въ письмахъ къ Шмидту и Курцу Гордонъ жалуется на замедленіе въ высылкѣ имъ денегъ, такъ что ему и другимъ католикамъ приходилось иногда ссужать священниковъ изъ своихъ собственныхъ средствъ (III, 346, 347, 355).

Не имѣя въ Нѣмецкой слободѣ настоящей церкви, католики совершали богослуженіе только въ молельнѣ. Каково же было волненіе Гордона, когда вдругъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ пригласилъ его къ себѣ и сообщилъ, что правительство намѣрено уступить доктору фанъ-деръ-Гульсту именно то мѣсто въ Нѣмецкой слободѣ, на которомъ была построена католическая молельня. Гордонъ возразилъ, что продать домъ и мѣсто не возможно, потому что все это куплено на деньги императора для католическаго богослуженія, что это мѣсто священное, и что грѣхъ построить на этомъ мѣстѣ другое зданіе (II, 402). Какъ кажется, впрочемъ, Гордонъ сильно перепугался и на другой день отправился къ разнымъ вельможамъ хлопотать объ отклоненіи удара, грозившаго католической общинѣ (II, 402). Въ началѣ 1694 года Гордонъ сталъ хлопотать о постройкѣ уже каменной церкви для католиковъ. Онъ собиралъ деньги для этой цѣли, подарилъ церкви чашу и пр. (II, 436, 443, 444, 445, 508). Изъ другаго

---

[1]) Менезесъ былъ фанатическимъ католикомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ другомъ Гордона. Онъ жертвовалъ значительныя суммы на бѣдныхъ католической общины (Дневникъ, II, 444). Умирая, онъ проклиналъ всѣхъ, кто будетъ стараться отвлечь его сыновей отъ католичества (Дневникъ, II, 484).

источника мы знаемъ, что главнымъ дѣятелемъ въ этомъ случаѣ былъ Гуаскони. Подъ предлогомъ сооруженія для семейства Гордона особенной надгробной часовни было куплено мѣсто, на которомъ хотѣли построить церковь. Рабочимъ было вмѣнено въ обязанность спѣшить. Но у Русскихъ явилось во-время подозрѣніе, и работы были пріостановлены по приказанію правительства. По наведеніи справокъ оказалось слѣдующее [1]): однажды въ 1694 году Гордонъ вмѣстѣ съ царемъ въ каретѣ отправился на свадьбу какого-то иностранца. Проѣзжая мимо молельни, Гордонъ просилъ дозволенія католикамъ построить каменную церковь, и Петръ, какъ пишетъ Гордонъ, изъявилъ согласіе (II, 494). Такое устное изъявленіе согласія не было однако формальнымъ разрѣшеніемъ, и потому католики сочли нужнымъ приступить къ дѣлу съ нѣкоторою осторожностью. Какъ кажется, постройка этой мнимой часовни происходила въ первой половинѣ 1695 года. Во время осады Азова, 17-го іюля, Гордонъ пишетъ въ дневникѣ: „Я отправился съ его величествомъ къ каланчамъ и на дорогѣ просилъ на счетъ моего мѣста погребенія, такъ какъ оказались затрудненія окончить это зданіе и покрыть крышею. Его величество обѣщалъ распорядиться“. Вскорѣ послѣ того Гордонъ написалъ письмо въ Москву къ Стрѣшневу о томъ же предметѣ и присоединилъ какую-то бумагу царя (II, 577 и 583). Дальнѣйшій ходъ этого дѣла неизвѣстенъ. Но какъ бы то ни было, мало по малу сооружена была такимъ образомъ каменная католическая церковь въ Москвѣ [2]), которая описывается нѣкоторыми путешественниками, посѣтившими Москву, и въ которой впослѣдствіи Гордонъ дѣйствительно былъ похороненъ.

Не безъ удивленія можно видѣть изъ дневника Гордона, что въ Азовскомъ походѣ при войскѣ находились между прочимъ католическіе священники. По случаю похоронъ подполковника Крофурда сказано: „Нашъ патеръ провожалъ покойника, но не въ ризѣ и не впереди; онъ три раза бросилъ землю на гробъ, говоря memento mori, а затѣмъ сказалъ прекрасную рѣчь“ (II, 525; ср. 589). Можно бы подумать, что эти священники состояли въ войскѣ тайно, подъ видомъ свѣтскихъ людей, и что при погребеніи Крофурда нарочно не соблюдалось внѣшнихъ формъ обряда; впрочемъ, при описаніи погре-

---

[1]) См. соч. гр. *Толстаго* Le catholicisme, l. c.

[2]) См. въ сочиненіи графа *Д. А. Толстаго*: Le catholicisme romain en Russie, I, 127—128, любопытныя данныя объ этомъ событіи изъ Моск. главн. архива министерства иностр. дѣлъ.

бенія другаго католика прямо говорится о „церемоніи“, при которой присутствовалъ самъ Петръ.

Въ семейномъ кругу своемъ Гордонъ усиленно хлопоталъ объ упроченіи и распространеніи католической вѣры. Онъ сильно опасался, что сынъ его Джемсъ будетъ зараженъ реформатскою ересью (II, 128), и съ радостью сообщилъ Шмидту, что его зять Стразбургъ принялъ католическую вѣру, выражалъ надежду, что и другой зять послѣдуетъ его примѣру (III, 265). Какъ кажется однако, Крофурдъ остался вѣренъ реформатскому исповѣданію, а Стивинсъ, кажется, былъ лютераниномъ. По случаю его погребенія упомянуто о „пасторѣ“, который получилъ 5 рублей (III, 172).

Въ послѣдніе годы жизни Гордонъ постоянно былъ окруженъ духовными лицами и имѣлъ случай отправлять католическое богослуженіе безъ препятствій. Очень часто говорится въ дневникѣ о религіозныхъ обрядахъ, о пріобщеніи св. тайнъ и пр. Въ католической церкви въ это время являлись знатные гости, напримѣръ, императорскій посолъ Гваріентъ, а далѣе архіепископъ Анкирскій, который совершилъ обрядъ конфирмаціи. И Гордонъ былъ конфирмованъ, при чемъ получилъ имя „Леопольдъ“. Крестнымъ отцомъ при этомъ случаѣ былъ Гваріентъ [1]) (III, 203). Въ 1699 году Гордонъ участвовалъ въ конференціи о католической церкви въ Москвѣ, о которой сообщаетъ нѣкоторые подробности Корбъ [2]).

Образованіемъ своимъ Гордонъ въ значительной мѣрѣ было обязанъ іезуитамъ. Онъ хорошо зналъ по латыни и былъ знакомъ съ латинскими классиками. Онъ часто цитуетъ ихъ въ своемъ дневникѣ и въ своихъ письмахъ (I, 224, 234. 269. III, 126. 308. 326). По латыни онъ писалъ плавно и правильно. Оставляя польскую службу, онъ самъ, какъ бы отъ имени Любомирскаго, написалъ для себя на латинскомъ языкѣ свидѣтельство о своей службѣ (I, 277). Всѣ его письма къ дьяку Алмазу Иванову, къ гетману Мазепѣ, къ Матвѣеву, къ Курцу были писаны на латинскомъ языкѣ. Съ игуменомъ Печерскаго монастыря онъ говорилъ по латыни (II, 22); когда умеръ его сынъ въ Кіевѣ, онъ сочинилъ латинскую надгробную надпись въ стихахъ (II, 50). Отъ сына Θеодора, учившагося въ Браунсбергѣ, онъ требовалъ тщательнаго изученія латинскаго языка, ариθметики и русскаго языка (II, 429).

---

[1]) Объ этой церемоніи см. Diarium *Корба*, подъ 15-мъ и 16-мъ іюля 1698 г.
[2]) *Корбъ*, 18-го мая 1699 года.

Въ дневникѣ и письмахъ Гордона часто говорится о книгахъ. Еще будучи юношей и плывя по Вислѣ, онъ занимался чтеніемъ книгъ охотнѣе, нежели чѣмъ-нибудь инымъ (III, 408). Попавшись въ польскій плѣнъ, онъ особенно сожалѣлъ о потерѣ своей книги Өомы Кемпійскаго (I, 131). Занимаясь въ Польшѣ грабежомъ, онъ старался пріобрѣсти и книги, изъ которыхъ лучшія выбиралъ для себя (I, 180). Въ дневникѣ говорится о Гордоновыхъ книгахъ, находившихся въ Смоленскѣ и отправленныхъ въ 1665 году въ Москву (I, 359). Голландскому резиденту онъ изъ Кіева посылаетъ книгу „Описаніе Дуная" (II, 79). Когда кто-нибудь изъ знакомыхъ Гордона отправлялся за границу, Гордонъ обыкновенно давалъ ему порученіе купить для него книгъ. Нѣсколько разъ говорится о выпискѣ книгъ чрезъ купца Мюнтера въ Москвѣ, чрезъ купца Фразера въ Ригѣ и пр. (II 413, 416). Сочиненіе Вобана о фортификаціи онъ посылаетъ своему Песыну въ Тамбовъ (II, 441). Очевидно, книги, которыя онъ давалъ Петру, были именно такого содержанія (II, 477 и 494). Къ купцу Меверелю и къ другимъ лицамъ онъ писалъ иногда о доставкѣ ему новыхъ книгъ по артиллеріи и пр. (II, 172; III, 87, 264, 272). Иногда книги, желаемыя Гордономъ, описываются подробно, какъ, напримѣръ, книга о древнихъ оружіяхъ, изданная въ Нюрнбергѣ и стоившая 9 талеровъ, новѣйшее изданіе которой Гордонъ заказалъ чрезъ купца Форбеса въ Данцигѣ въ двухъ экземплярахъ (III, 266). Впрочемъ, Гордонъ читалъ не только сочиненія, относящіяся къ его спеціальности. Разказывая, напримѣръ, о жестокости Іоанна IV въ Новгородѣ, онъ ссылается на какого-то писателя, можетъ быть, на Петрея (I, 288). Чрезъ нѣкоего Лойда, отправившагося за границу, онъ заказываетъ книгу о церемоніяхъ (II, 430). Другой разъ онъ находитъ, что „и извѣстный авторъ" сильно ошибается, говоря, что рѣка Трубная имѣетъ глубину 100 саженей (II, 483). Въ другихъ мѣстахъ говорится о турецкихъ книгахъ (III, 24), о разныхъ французскихъ, латинскихъ и нѣмецкихъ книгахъ, о какомъ-то календарѣ (III, 163, 175, 226). Однажды сообщается въ письмѣ въ Меверелю списокъ книгъ историческаго, религіознаго и беллетристическаго содержанія, которыя выписываются отчасти для Гордона самого, отчасти для его знакомыхъ въ Нѣмецкой слободѣ. Къ тому же онъ желаетъ получить карту Англіи, Шотландіи и Ирландіи. Далѣе онъ проситъ Фразера доставить ему геральдику и генеалогію Венгріи (III, 311, 339). Изъ подробнаго описанія нѣкоторыхъ изъ этихъ изданій видно, что Гордонъ со вниманіемъ слѣдилъ за современною литературою, хотя книж-

ная торговля была тогда еще весьма мало развита, да и самая жизнь въ Россіи не представляла благопріятныхъ условій для занятій западно-европейскою литературой. Разумѣется, нельзя полагать чтобы Гордонъ особенно много занимался чтеніемъ. Но безъ сомнѣнія, его можно было считать однимъ изъ самыхъ образованныхъ и начитанныхъ людей въ Нѣмецкой слободѣ.

Что касается до знанія языковъ, то шотландская ороографія у Гордона чрезвычайно плоха и произвольна. Можно полагать, что многолѣтнее пребываніе въ Россіи, вслѣдствіе котораго въ языкѣ Гордона является много русскихъ словъ, было причиной, что онъ забылъ шотландскую ороографію. Сначала, въ 1653 году (III, 401), онъ не зналъ нѣмецкаго языка, но впослѣдствіи научился ему на столько, что могъ написать нѣмецкое письмо къ сыну Өеодору въ Браунсбергъ, хотя и не совсѣмъ грамотное (III, 340). Въ Польшѣ онъ научился по польски (I, 63). Безъ сомнѣнія, Гордонъ довольно свободно говорилъ по русски; иначе онъ не могъ бы находиться въ столь близкихъ сношеніяхъ съ русскими вельможами и сановниками, не владѣвшими другими языками, не могъ бы произносить рѣчи на русскомъ языкѣ и пр. Своему сыну Өеодору онъ неоднократно совѣтовалъ заниматься серьезно изученіемъ русскаго языка (III, 340, 345). Въ Браунсбергѣ даже былъ какой-то монахъ, обучавшій ему сына Гордона (II, 438).

Хотя Гордонъ когда-то просилъ не называть его инженеромъ, но на дѣлѣ онъ довольно часто выказывалъ обстоятельное знаніе этого искусства. Купца Меверелля онъ просилъ сообщать ему о новыхъ изобрѣтеніяхъ въ области механики и пр., публикованныхъ Королевскимъ обществомъ въ Англіи, и присылать модели, или по крайней мѣрѣ подробное описаніе новыхъ снарядовъ (III, 278). О разныхъ инструментахъ для черченія и для баллистики, о циркуляхъ и квадрантахъ и пр. не разъ говорится въ письмахъ Гордона (напримѣръ, III, 317). Вниманіе Гордона къ этимъ предметамъ отразилось и на Петрѣ. Безъ сомнѣнія онъ многимъ былъ обязанъ образованію, начитанности и опытности Гордона по этой части. Далѣе изъ писемъ Гордона къ сыну Джемсу видно, что онъ былъ знатокомъ въ области садоводства (III, 232, 263), а изъ замѣтокъ по случаю затмѣнія луны видно, что онъ имѣлъ нѣкоторыя астрономическія познанія (II, 215). Въ области изящной литературы и искусствъ Гордонъ вообще едва ли былъ знатокомъ. У него, впрочемъ, бывали музыкальные вечера; въ бытность въ Англіи онъ видѣлъ „Гамлета", но не дѣлаетъ ни-

какихъ замѣчаній объ этой драмѣ (II, 136). Политическія способности Гордона были, какъ кажется, не особенныя. Его записка о восточномъ вопросѣ, составленная для Голицына въ 1684 году, не обнаруживаетъ проницательности или дальновидности. Но умъ и познанія Гордона, не представляя ничего чрезвычайнаго, были солидные и доставляли ему возможность исполнять свой долгъ какъ слѣдуетъ и быть полезнымъ Россіи.

Таковъ же былъ и нравственный характеръ Гордона. Не должно судить о качествахъ, убѣжденіяхъ и міросозерцаніи его, не принявъ предварительно во вниманіе, что онъ былъ наемнымъ воиномъ, притомъ воспитанникомъ іезуитскаго ордена, и что политическій и общественный строй Россіи въ XVII вѣкѣ не представлялъ особенно благопріятныхъ условій для развитія высокой нравственности. Храбрость Гордона не подлежала ни малѣйшему сомнѣнію. Разказывая о разныхъ подвигахъ своихъ, о страшныхъ опасностяхъ, которымъ онъ подвергался, онъ никогда не обнаруживаетъ хотя бы малѣйшаго самолюбія. Всюду онъ оказывался безстрашнымъ рубакою; больше всего онъ однако отличился самоотверженіемъ, отчаяннымъ мужествомъ въ Чигиринѣ.

Боевое мужество Гордона превосходило его гражданское мужество. Но иногда онъ высказывалъ свое мнѣніе смѣло и съ горячностью, какъ, напримѣръ, по поводу англійской революціи; ходатайствуя о своемъ увольненіи, онъ дѣйствовалъ смѣло и подвергалъ себя большой опасности. За то подъ Азовомъ онъ боялся заявлять свое мнѣніе, ибо зналъ хорошо, что оно можетъ сильно не понравиться Петру (II, 586, 604). Не всегда Гордонъ дѣйствовалъ открыто. Корбъ замѣчаетъ: „искусный мастеръ притворяться и скрывать настоящія свои мысли, Гордонъ, по правиламъ Аристотеля, говорилъ московскому властителю только то, что, по понятію его, должно было нравиться Петру“ [1]). Тутъ дѣйствительно замѣтно, что Гордонъ былъ воспитанникомъ іезуитовъ. Довольно наивно сознается онъ иногда въ заднихъ мысляхъ, въ наклонности къ нѣкоторымъ проискамъ, къ пронырству. Чтобъ освободиться отъ обязанности отправиться въ Вѣну въ 1661 году, онъ придумалъ цѣлую систему лжи, сочинилъ два письма о мнимой болѣзни и пр. (I, 280–281). Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Россію, онъ однажды страшно избилъ одного капитана, а когда дѣло дошло до слѣдствія, сталъ отпираться отъ этого факта, такъ какъ и „свидѣтелей не было“

---

[1]) Diarium, 217.

(I, 296). Подавъ одно прошеніе, онъ двумя червонцами подкупилъ писца, чтобы тотъ подмѣнилъ это прошеніе другимъ (I, 308), и выражаетъ радость, что такимъ образомъ вышелъ изъ непріятнаго положенія. И тутъ дѣло касалось жалобы на Гордона. Впрочемъ, Гордонъ при этомъ случаѣ руководствовался совѣтомъ подьячаго Марка Иванова. Таковы уже были пріемы тогдашней бюрократіи.

Въ письмахъ къ сыну Джемсу онъ наставляетъ его, какъ должно поступать при пріѣздѣ въ Россію. Сынъ долженъ выдавать себя за капитана, а своего спутника, учителя и воспитанника іезуитовъ, за прапорщика. Онъ сочиняетъ для сына цѣлую исторію, которую тотъ долженъ разказать на русской границѣ, заключая свой совѣтъ словами: „Такъ какъ это ложь обстоятельна и сложна, то и грѣхъ не столь большой" (III. 250). Въ другомъ письмѣ онъ совѣтуетъ сыну въ своихъ письмахъ показывать ложныя данныя о своемъ мѣстопребываніи, чтобы можно было принять, что письма писаны не въ Польшѣ, а во Франціи; только начальныя буквы названій городовъ должны соотвѣтствовать настоящимъ; такое же искаженіе рекомендуется и въ отношеніи къ собственнымъ именамъ; все это оправдывается вскрытіемъ въ то время частныхъ писемъ и натянутыми отношеніями между Россіей и Польшей (III, 256). Наконецъ, отецъ пишетъ: „Если ты уже поступилъ въ польскую службу и не можешь отдѣлаться отъ нея, то все-таки на нѣкоторое время могъ бы пріѣхать сюда, обѣщая при этомъ, что ты скоро вернешься въ Польшу. Ты знаешь, что я хочу сказать" (III, 257). Другими словами, Гордонъ совѣтовалъ сыну обѣщать то, чего исполнить онъ не хотѣлъ. Религіозность Гордона была искренняя и глубокая, и разумѣется, соединялась съ строгимъ соблюденіемъ обрядовъ и внѣшнихъ формъ, что впрочемъ объясняется воспитаніемъ Гордона и условіями тогдашняго религіознаго быта вообще.

Лучшею мѣркою для оцѣнки характера Гордона можетъ служить то уваженіе, которымъ онъ пользовался какъ въ Нѣмецкой слободѣ, такъ и въ кругахъ Русскихъ. Всѣмъ знавшимъ его внушали довѣріе къ нему его добросовѣстность, его солидность, точность при исполненіи всѣхъ служебныхъ обязанностей, готовность заботиться объ интересахъ другихъ лицъ, любовь къ порядку, отчетливость и аккуратность. Есть основаніе думать, что онъ большею частью неохотно участвовалъ въ попойкахъ, которыя характеризовали нравы тогдашняго общества. Недаромъ Гордона особенно часто избирали въ посредники при спорахъ между разными лицами, въ опекуны при управле-

нія имѣніемъ сиротъ и вдовъ (II, 211, 416). Въ молодости, во время пребыванія въ Польшѣ, Гордонъ позволялъ себѣ поступки, несогласные съ нынѣшними понятіями о военной честности и о правѣ войны. Находясь въ военной службѣ Швеціи и Польши, онъ занимался прямо грабежомъ. Тогда частное имущество не было еще охранено отъ опасности сдѣлаться добычею каждаго воина. Наивность, съ которою Гордонъ разказываетъ о подобныхъ случаяхъ, доказываетъ, что тогдашнія понятія о военной чести удобно согласовались съ подобными поступками. Однажды Гордонъ при продажѣ скота, отнятаго у польскихъ крестьянъ, выручилъ 100 талеровъ (I, 69). Особенно часто онъ бралъ лошадей безъ денегъ (I, 125). Иногда онъ бралъ отъ польскихъ шляхтичей деньги за обѣщаніе не грабить ихъ или защитить ихъ отъ грабежа товарищей. Систематически устроено было слѣдующее предпріятіе: товарищи Гордона грабили скотъ; онъ же возвращалъ скотъ собственникамъ и получалъ за каждую штуку по одному талеру (I, 129, 138). Воины, говоритъ Гордонъ, не получали ни гроша отъ правительства и потому должны были промышлять такимъ образомъ, чтобы не умереть съ голоду (I, 140). Но дѣло въ томъ, что Гордонъ не довольствовался спасеніемъ отъ голодной смерти; онъ составилъ себѣ грабежомъ даже небольшое состояніе. По нравственнымъ понятіямъ того времени возможно было однако послѣ такихъ поступковъ утверждать, какъ утверждалъ Гордонъ въ письмѣ къ своему сыну Джону, — что онъ во всю жизнь гораздо болѣе искалъ славы и чести чѣмъ денежныхъ выгодъ, и постоянно предпочиталъ умѣренную выгоду въ соединеніи съ чистою совѣстью большимъ выгодамъ, пріобрѣтеннымъ нечестнымъ образомъ. „Будь увѣренъ, что въ моемъ состояніи нѣтъ ни одного гроша, нажитаго непозволительнымъ путемъ“, заключаетъ Гордонъ (III, 233).

Какъ бы то ни было, въ Россіи Гордонъ слылъ вполнѣ честнымъ человѣкомъ. Въ качествѣ полковаго командира, онъ постоянно имѣлъ въ рукахъ весьма значительныя суммы; нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, что онъ когда-нибудь употребилъ во зло довѣріе, которымъ пользовался сперва отъ шведскаго, а потомъ отъ московскаго правительства. Иностранцы, какъ напримѣръ, Корбъ, Русскіе, какъ напримѣръ, Нартовъ, въ одинъ голосъ хвалили Гордона.

Болѣзнь и кончина.

Здоровье Гордона не могло не быть потрясено многими ранами, утомительными походами и еще болѣе утомительною придворною

жизнью при Петрѣ. Онъ получилъ нѣсколько ранъ въ польско-шведскихъ походахъ въ пятидесятыхъ годахъ и во время осады Чигирина въ 1678 году. Въ 1655 году онъ былъ два раза раненъ ружейными пулями въ бокъ (I, 18, 24); затѣмъ нѣсколько разъ былъ раненъ въ ногу, въ голову (I, 29, 136), въ лѣвое плечо и пр. (I, 142, 143, 159, 235). Въ Чигиринѣ онъ былъ раненъ въ лицо, въ руки и ноги саблями и ручными гранатами (I, 493, 495, 499, 503, 524). Кромѣ того, не разъ онъ былъ раненъ по случаю фейерверковъ и маневровъ Петра I (II, 305, 318). Однако всѣ эти раны едва ли были особенно опасны, и по видимому, не имѣли губительнаго вліянія на его здоровье. Тѣмъ не менѣе, судя по дневнику, Гордонъ бывалъ боленъ очень часто, и иногда даже весьма опасно. Въ 1653 году онъ страдалъ отъ какой-то горячки (III, 416), въ 1655 году хворалъ лихорадкой въ Гамбургѣ (I, 6), во время шведско-польской войны заболѣлъ чумою (I, 192), но скоро выздоровѣлъ, а кромѣ того часто страдалъ разными горячками (I, 134, 215, 284, 307).

Притомъ Гордонъ, какъ кажется, былъ въ нѣкоторой степени ипохондрикомъ. Описанію своихъ болѣзней, особенно въ позднѣйшее время, онъ посвящаетъ въ дневникѣ много мѣста (II, 16, 59). Онъ любилъ лѣчиться и совѣтоваться съ докторами. Изъ довольно подробнаго описанія болѣзней Гордона и изъ лѣкарствъ, которыми онъ пользовался, видно, что онъ страдалъ отъ хроническаго катарра желудка. Есть основаніе думать, что онъ сдѣлался и жертвой этой болѣзни. Уже въ 1698 году припадки ея становились особенно серьезными (III, 125, 188—89, 206, 218—219, 220—225). 31-го декабря 1698 года онъ заключаетъ свой дневникъ слѣдующими словами: „Въ послѣднемъ году я чувствовалъ видимое убавленіе силъ моихъ: да будетъ Твоя воля, о Боже" (III, 228.) Напротивъ того, о состояніи здоровья Гордона въ продолженіе 1699 года мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Мы знаемъ только, что онъ скончался 19-го ноября этого года. Корбъ пишетъ: „Его царское величество пять разъ посѣщалъ Гордона во время послѣдней его болѣзни, а въ послѣднюю ночь былъ у умирающаго два раза. Государь собственною рукою закрылъ глаза Гордону, когда тотъ испустилъ духъ" [1]).

За нѣсколько мѣсяцевъ до того скончался Лефортъ. Его погребеніе было чрезвычайно великолѣпно. О погребеніи Гордона Корбъ говоритъ, что оно совершилось по тому же пышному церемоніалу. „Сол-

[1]) Diarium, 218.

даты трехъ гвардейскихъ полковъ", разказываетъ Корбъ, — „имѣя среди себя царя, занимавшаго свое обычное мѣсто въ своемъ полку, проводили гробъ Гордона; похороны сопровождались выстрѣлами изъ двадцати-четырехъ пушекъ большаго размѣра, такъ что приходилось сомнѣваться было ли это заявленіе печали или радости. По приказанію царя совершено было священнослуженіе, и императорскій миссіонеръ, Іоаннъ Берула, произнесъ надгробную рѣчь; наканунѣ царевичъ Алексѣй съ Натальей, любимою сестрой Государя, слушали церковную службу въ католическомъ храмѣ". Все это подтверждается и донесеніемъ Плейера къ цесарю [1]).

Прахъ Гордона покоится въ той самой католической церкви, которая была построена въ 1695 году, какъ мы видѣли, подъ видомъ надгробной часовни для Гордона и его семейства. Въ серединѣ этой церкви по лѣстницѣ можно спуститься въ сводъ, въ которомъ на надгробномъ камнѣ находится латинская надпись [2]).

Нартовъ, разказывая о кончинѣ Гордона, замѣчаетъ, что Петръ закрылъ ему очи своею рукой и потомъ поцѣловалъ его въ лобъ, а при великолѣпномъ погребеніи сказалъ: „Я и государство лишились усерднаго, вѣрнаго и храбраго генерала. Когда бы не Гордонъ, въ Москвѣ было бы великое бѣдствіе". Можетъ быть, послѣднее замѣчаніе относится въ заслугахъ Гордона въ борьбѣ съ мятежными стрѣльцами. Нартовъ заключаетъ свой разказъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Сей чужестранецъ, по сказанію тѣхъ, кои его лично знали, любимъ былъ не только Петромъ Великимъ, но и подданными его. Смерть его была сожалѣніемъ всеобщимъ" [3]).

Корбъ приводитъ мнѣніе современниковъ о Гордонѣ слѣдующимъ образомъ: „Военныя свои обязанности Гордонъ всегда исполнялъ съ благоразуміемъ, и сами Москвитяне не откажутъ памяти усопшаго въ уваженіи, которомъ обязаны были ему при жизни за его достоинства. Осторожность была отличительною особенностью Гордона. Ревнуя къ пользѣ государя и его безопасности, Гордонъ во всѣхъ своихъ поступкахъ руководствовался такою благоразумною вѣрностью, что никогда никто не могъ упрекнуть его въ неосморительной отважности. Однако же совѣты Гордона нравились Москвитянамъ болѣе, чѣмъ его личность: Мос-

---

[1]) *Устряловъ*, Ист. П. В., III, 646.

[2]) О торжественномъ погребальномъ шествіи см. изданіе Дневника Гордона т. I, стр. V—VIII. Къ сожалѣнію. г. Поссельтъ не говоритъ, откуда имъ заимствованы эти данныя о церемоніи.

[3]) Достопамятныя повѣствованія и рѣчи Петра В.

ковія пользовалась проницательностью ума Гордона только тогда, когда предстояло рѣшить трудное дѣло . . . . Гордонъ всегда отличался благоразуміемъ, зрѣлымъ умомъ и предусмотрительностью въ совѣтахъ. Безъ притязаній на громкую извѣстность, онъ своею скромностью и любезностью въ частной жизни пріобрѣлъ особенное расположеніе Москвитянъ, людей вообще недоброжелательныхъ иностранцамъ и по своей природной наклонности питающихъ ненависть къ ихъ славѣ. Расположеніе Москвитянъ было такъ велико, что во время внутреннихъ смутъ домъ этого человѣка былъ для самихъ даже туземцевъ безопаснымъ и спокойнымъ убѣжищемъ. Величаемый часто отъ государя „батюшкой" почитаемый боярами, чествуемый думными, любезный благороднымъ, любимый простымъ народомъ, Гордонъ пользовался такимъ всеобщимъ уваженіемъ, что едва ли иноземецъ могъ когда-либо разчитывать на подобный успѣхъ" [1]).

Важнѣйшая часть жизни и дѣятельности Гордона относится въ той эпохѣ русской исторіи, когда совершился поворотъ Россіи на западъ, когда Петръ готовился къ превращенію Россіи въ европейское государство. Въ этой реформѣ и Гордонъ имѣлъ свою долю участія, такъ какъ былъ наставникомъ Петра, такъ сказать, главою Нѣмецкой слободы и представителемъ западно-европейской цивилизаціи.

Дневникъ Гордона, какъ историческій источникъ.

Можно сказать, что до сихъ поръ дневникъ Патрика Гордона сравнительно мало служилъ историческимъ источникомъ; это объясняется главнымъ образомъ, какъ намъ кажется, значительнымъ объемомъ самаго изданія. Хотя въ концѣ третьяго тома и помѣщенъ алфавитный указатель, существенно облегчающій пользованіе дневникомъ, тѣмъ не менѣе онъ не можетъ считаться достаточнымъ пособіемъ для этой цѣли. Поэтому особое изслѣдованіе о дневникѣ Гордона, какъ объ историческомъ источникѣ для изученія политической исторіи и общественнаго быта Россіи во второй половинѣ XVII вѣка, представляется не лишнимъ. При этомъ, какъ и въ біографіи Гордона, мы воспользуемся только печатнымъ изданіемъ дневника.

XVII вѣкъ очень богатъ записками какъ Русскихъ людей, такъ и иностранцевъ, о современныхъ имъ событіяхъ, о состояніи Русскаго

---

[1]) Diarium, 217.

государства и русскаго общества. Уже въ XVI столѣтіи сочиненія Герберштейна, Джіовіо, Флетчера и пр., благодаря особенно новости предмета, обратили на себя вниманіе всей западной Европы и читались съ жадностью, какъ видно между прочимъ изъ большаго числа изданій этихъ сочиненій и изъ переводовъ ихъ на разные языки. Число таковыхъ сочиненій становится еще больше въ XVII столѣтіи. Но почти всѣ эти сочиненія и объемомъ, и характеромъ, и содержаніемъ рѣзко отличаются отъ дневника Гордона. Сочиненія Петрея, Олеарія, Мейерберга, Коллинса, Витсена, Нёвилля, Перри, Вебера, Страленберга, Фокеродта и пр., были литературными трудами, писанными для публики и заключавшими въ себѣ, кромѣ путевыхъ замѣтокъ, разказы объ исторіи Россіи и описаніе ея общественнаго быта, нравовъ, обычаевъ, учрежденій и пр. Гордонъ, напротивъ того, писалъ только для себя и не думалъ о приведеніи въ систематическій порядокъ и изданіе въ свѣтъ своихъ наблюденій. Онъ только описывалъ свои похожденія и отмѣчалъ краткія извѣстія о разныхъ современныхъ событіяхъ въ томъ внѣшнемъ, случайномъ порядкѣ, въ которомъ представлялись ему впечатлѣнія обыденной жизни. Онъ велъ свой дневникъ не для публики, и потому большею частью говоритъ въ немъ о дѣлахъ, относящихся къ нему самому. Но такъ какъ по своему положенію онъ участвовалъ во многихъ важныхъ событіяхъ своего времени, такъ какъ онъ зорко слѣдилъ за ходомъ дѣлъ, зналъ подробности многихъ фактовъ, лично его интересовавшихъ, былъ въ близкихъ сношеніяхъ со многими историческими лицами, то дневникъ его хотя и заключаетъ въ себѣ главнымъ образомъ исторію частной жизни Гордона, долженъ считаться первоклассньмъ историческимъ источникомъ для исторіи его времени.

Въ этомъ отношеніи дневникъ Гордона можно сравнить съ тою частью извѣстнаго сочиненія о Россіи, секретаря австрійскаго посольства Корба, которая имѣетъ форму дневника, и въ которой разказываются ежедневныя впечатлѣнія автора во время пребыванія посольства Гваріента въ Россіи, или же съ дневникомъ голштинскаго камеръ-юнкера Беркгольца, который также съ отчетливою подробностью, откровенностью и точностью записывалъ все, что случилось ему видѣть и слышать въ Петербургѣ и въ Москвѣ съ 1721 по 1725 г.; но оба эти сочиненія обнимаютъ собою лишь самый краткій періодъ и притомъ не доставляютъ возможности заглянуть глубоко въ характеръ частной жизни въ Россіи, ограничиваясь главнымъ образомъ сообщеніемъ данныхъ о бытѣ двора. Ни Корбъ, проведшій въ Россіи

около года, ни Беркгольцъ, не могли ознакомиться съ Россіей столь близко и подробно, какъ Гордонъ. Ни Корбъ, ни Беркгольцъ не участвовали столь непосредственно въ самыхъ важныхъ событіяхъ той эпохи. Они были лишь зрителями, наблюдателями въ теченіе краткаго времени своего пребыванія въ Россіи, тогда какъ Гордонъ, въ продолженіе почти полувѣка, постоянно участвовалъ въ дѣлахъ, занималъ важнѣйшіе посты, былъ дѣйствующимъ лицомъ въ царствованіе Алексѣя, Өеодора и Петра.

Изъ русскихъ источниковъ развѣ только записки Желябужскаго могутъ быть отчасти сравниваемы съ дневникомъ Гордона. И Желябужскій, какъ Гордонъ, поденно записывалъ современныя событія и обыденныя впечатлѣнія, но при всемъ томъ записки его далеко уступаютъ Гордонову дневнику, вопервыхъ, тѣмъ, что онѣ почти вовсе не предлагаютъ данныхъ о частной жизни и объ общественномъ строѣ той эпохи; вовторыхъ же, тѣмъ, что онѣ хоть и простираются съ 1682 по 1709 г., но кратки, поверхностны и наполнены болѣе всего извѣстіями о казняхъ государственныхъ и уголовныхъ преступниковъ, о публичныхъ торжествахъ и празднествахъ. Въ тѣхъ дѣлахъ, о которыхъ Желябужскій пишетъ, онъ почти вовсе не участвовалъ. Подобно Корбу и Беркгольцу, онъ былъ болѣе зрителемъ, чѣмъ дѣйствующимъ лицомъ; Гордонъ же, будучи не только очевидцемъ, но и участникомъ событій, оставилъ памятникъ, который объемомъ и разнообразіемъ содержанія далеко превосходитъ всѣ другія сочиненія такого рода.

Не будучи литературнымъ трудомъ, предлагающимъ въ систематическомъ порядкѣ болѣе или менѣе полные очерки тогдашняго быта Россіи, дневникъ Гордона однако заключаетъ въ себѣ богатый матеріалъ для изученія русской культуры въ исходѣ XVII вѣка. Съ другой стороны, поденныя замѣтки Гордона, предлагающія, такъ сказать, съ фотографическою точностью множество подробностей о разныхъ событіяхъ,—по своему значенію сближаются иногда съ архивнымъ матеріаломъ и даже превосходятъ его точностью и безпристрастіемъ; сообщенные же Гордономъ тексты подлинныхъ документовъ, счеты и прочее, а также приложенныя къ изданію 112 писемъ его, уже прямо могутъ считаться архивнымъ матеріаломъ.

Изданіе дневника.

Издателемъ дневника былъ докторъ Морицъ Поссельтъ, много лѣтъ занимавшійся изученіемъ эпохи Петра Великаго. Главными ре-

зультатами этихъ занятій были сочиненіе объ отношеніяхъ Лейбница къ Петру, явившееся еще въ сороковыхъ годахъ, изданіе дневника Гордона и обширная біографія Франца Лефорта.

Послѣ обнародованія отрывковъ и извлеченій изъ дневника Гордона [1]) и послѣ изданія множества другихъ важныхъ источниковъ исторіи XVIII вѣка, нельзя было не желать изданія всего этого дневника. Управляющій Московскимъ главнымъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, князь М. А. Оболенскій, хранилъ у себя часть перевода дневника Гордона на нѣмецкій языкъ, составленнаго помощникомъ Г.-Ф. Миллера, академикомъ Іоганомъ Штриттеромъ. Другая часть Штриттерова перевода находилась въ рукахъ М. П. Погодина. Приступая къ изданію дневника, князь Оболенскій и г. Поссельтъ, которые въ заглавіи перваго тома, явившагося въ Москвѣ въ 1849 г., показаны оба издателями, рѣшились воспользоваться переводомъ, сдѣланнымъ Штриттеромъ. Рукописи Штриттера, находившіяся въ рукахъ Оболенскаго и Погодина, заключали въ себѣ однако лишь переводъ дневника до 1691 г., такъ что приходилось продолжать этотъ трудъ за періодъ съ 1691 по 1698 г. Въ послѣдствіи однако стало извѣстно, что и остальная часть дневника (то-есть, 1691—1698 гг.) была переведена Штриттеромъ. И этотъ переводъ сдѣлался собственностью знаменитой коллекціи Погодина [2]). Вообще должно сказать, что переводъ Штриттера менѣе точенъ, чѣмъ переводъ самого г. Поссельта, или сдѣланный подъ его редакціей. Такъ напримѣръ, первый позволялъ себѣ разнаго рода сокращенія и пропуски. Штриттеръ измѣнилъ нѣкоторымъ образомъ всю редакцію дневника, ибо заставилъ Гордона говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ. Но начиная съ 1692 г., всюду употребляется слово „я“, а не „Гордонъ“.

Къ сожалѣнію, издатели не сочли нужнымъ составить болѣе подробное описаніе подлинной рукописи дневника. Замѣтки, сюда относящіяся (I, XVII и XVIII), крайне скудны. Устряловъ замѣчаетъ о подлинникѣ дневника слѣдующее: „Дневникъ Гордона, весь писанный собственною рукою на англійскомъ языкѣ, переплетенъ въ 6 томовъ in 4°, всего 1227 страницъ. Въ 1-мъ томѣ Гордонъ описываетъ все, что случилось съ нимъ отъ рожденія до 1659 г., во 2-мъ—до 25-го іюня 1667 г., въ 3-мъ—до 26-го августа 1678 г., въ 4-мъ—до 21-го

---

[1]) См. введеніе къ I тому изданія дневника и сочиненіе *Аделунга* объ иностранныхъ писателяхъ о Россіи, I, 365.

[2]) См. изд. дневника, III, 360.

декабря 1689 г., въ 5-мъ—до 31-го декабря 1695 г., въ 6-мъ—до 31-го декабря 1698 г. Недостаетъ тетрадей съ 26-го іюня 1667 г. по 7-е января 1677 г., и съ 27-го августа 1678 г. по 10-е января 1684 г.“. Всѣ эти томы сперва хранились въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ были переданы въ военное министерство [1]. О спискѣ дневника Гордона, въ 5-ти томахъ, находящемся въ Эрмитажѣ, упоминаетъ Аделунгъ [2].

Сначала издатели надѣялись включить нѣмецкій переводъ дневника въ два тома, но потомъ оказалась необходимость выпустить и третій томъ, въ который вошли: окончаніе дневника (1696—1698 гг.), нѣкоторое число писемъ Гордона къ разнымъ лицамъ и алфавитный указатель собственныхъ именъ. Въ 1849 г. явился первый томъ въ Москвѣ (LXVII и 671 стр.); въ 1851 г.—второй томъ въ Петербургѣ (XVIII и 735 стр.), и въ 1852 г.—третій также въ Петербургѣ (VI, 417 и 117 стр.). На второмъ и третьемъ томахъ г. Поссельтъ одинъ показанъ издателемъ.

Изданіе дневника потребовало значительныхъ расходовъ. Въ прошедшемъ столѣтіи Миллеръ и Штриттеръ, желавшіе приступить къ изданію дневника Гордона, не могли этого исполнить по недостатку денежныхъ средствъ. Г. Поссельтъ могъ сдѣлать это не иначе, какъ благодаря щедрости князя Оболенскаго и генералъ-адъютанта (въ послѣдствіи графа) Берга (III, V).

Въ подлинникѣ дневника встрѣчаются довольно часто пробѣлы; они объясняются, съ одной стороны, утратою нѣкоторыхъ частей дневника, а съ другой — тѣмъ обстоятельствомъ, что Гордонъ долженъ былъ иногда прерывать веденіе дневника. Самые большіе пробѣлы, безъ сомнѣнія—потерянныя части дневника, слѣдующіе: отъ 25-го мая 1667 года до 8-го января 1677 года—безъ малаго десять лѣтъ (I, 412—413): Гордонъ въ это время находился въ Малороссіи. Далѣе весьма значительный пробѣлъ отъ 16-го августа 1678 года до 10-го января 1684—пять съ половиною лѣтъ. Къ этому времени между прочимъ относится пребываніе Гордона въ Кіевѣ. Небольшіе пробѣлы встрѣчаются въ 1678, 1684, 1685, 1686, 1688, 1690 годахъ. Достойно вниманія, что большая часть мелкихъ пробѣловъ относится къ 1686, 1687, 1689 годамъ, между тѣмъ какъ въ другое время почти вовсе не встрѣчается пробѣловъ. Особенно должно сожалѣть

---

[1] *Устряловъ*, I, LXXXIV.
[2] II, 365.

о пробѣлѣ съ 24-го сентября до 23-го ноября 1689 года, такъ какъ тутъ Гордонъ, безъ сомнѣнія, сообщалъ о своихъ отношеніяхъ къ Петру послѣ государственнаго переворота 1689 года. Издатель увѣренъ, что эта часть дневника по неизвѣстной причинѣ была вырвана изъ подлинной рукописи (II, VIII).

Первыя страницы дневника посвящены исторіи молодости Гордона до 1655 года. Но вполнѣ аккуратно дневникъ былъ веденъ въ теченіе 43-хъ лѣтъ съ 1655 по 1698 годъ. Утраченъ дневникъ за 16—17 лѣтъ; значитъ, остается за 26 лѣтъ. Гордонъ умеръ въ концѣ 1699 году. Подлинникъ дневника, на сколько онъ сохранился, прерывается на 31-мъ декабря 1698 года; но есть основаніе думать, что и въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни Гордонъ продолжалъ его: по крайней мѣрѣ во всѣ послѣдніе мѣсяцы своей жизни онъ много занимался дѣлами, а вмѣстѣ съ тѣмъ, отдавалъ время и разнымъ увеселеніямъ.

Въ разныхъ мѣстахъ переводчики и издатели дневника считали нужнымъ сдѣлать болѣе или менѣе значительныя сокращенія. Г. Поссельтъ изъявляетъ сожалѣніе, что Штриттеръ и Миллеръ рѣшились переводить дневникъ Гордона съ нѣкоторыми пропусками (II, V), однако самъ г. Поссельтъ не счелъ удобнымъ восполнить этотъ недостатокъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что въ изданіи не во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ были сдѣланы сокращенія, упомянуто объ этомъ. Мѣстами однако такія упоминанія о сокращеніяхъ сдѣланы; такъ, въ началѣ дневника (I, 7) сказано, что сокращена исторія странствованій Гордона до 1655 года; г. Поссельтъ перевелъ цѣликомъ и эту часть и напечаталъ ее въ концѣ третьяго тома (III, 401—417). Другія сокращенія относятся къ разнымъ приключеніямъ Гордона въ Польшѣ въ 1655 году (I, 22), къ событіямъ послѣ оставленія Гордономъ Кракова въ 1656 году (I, 38), къ нѣкоторымъ подробностямъ ухаживанія за Гордономъ дочери какого-то Поляка (I, 69) и пр. Не извѣстно—Штриттеръ или г. Поссельти сдѣлалъ сокращеніе весьма значительное, о которомъ упомянуто въ т. I, 125; разказъ о поѣздкѣ Гордона въ Кенигсбергъ въ 1659 году (I, 186) также совсѣмъ выпущенъ. Также сильно сокращенъ (какъ о томъ сказано въ т. I, 669) разказъ о путешествіи Гордона въ Ригу въ 1666 году (I, 378). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видѣнъ слѣдъ сокращеній, но объ этомъ не только не упомянуто, но еще текстъ дневника перемѣшанъ съ замѣчаніями издателей (какъ напримѣръ, I, 67,

I, 269), что уже совершенно не научно и затрудняетъ пользованіе дневникомъ.

Переводъ и изданіе дневника были сопряжены съ большими затрудненіями. Во многихъ мѣстахъ текстъ былъ мало понятенъ. Имена лицъ, о которыхъ говорится въ дневникѣ, иногда сильно искажены; иногда встрѣчаются сокращенія именъ. Нужно было исправлять, догадываться (см. примѣчаніе въ т. I, 7). Орѳографія Гордона весьма неправильна, произвольна и перемѣнчива. Мѣстами встрѣчаются руссицизмы. Говоря о лицахъ, Гордонъ иногда называетъ только имя и отечество. Такъ напримѣръ, когда идетъ рѣчь о Ѳеодорѣ Никитичѣ, читатель долженъ догадываться, что это никто иной какъ Стрѣшневъ. Говоря о Голицынѣ, Гордонъ пишетъ „W. W.", то-есть, Василій Васильевичъ; говоря о Шейнѣ — „A. S.", то-есть, Алексѣй Семеновичъ; „the B" значитъ бояринъ, „Woj—"воевода, „Dj" дьякъ, „H. M." (вмѣсто his Majesty) Его Величество. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, издатель, для объясненія сокращеній, счелъ нужнымъ въ пространныхъ приложеніяхъ тщательно изслѣдовать этотъ вопросъ. Такъ напримѣръ, въ разныхъ мѣстахъ дневника говорится о „бояринѣ", не называя этого лица по имени („the B" или „our B"). Г. Поссельтъ доказываетъ, что иногда тутъ идетъ рѣчь о Василіѣ Васильевичѣ Голицынѣ, иногда о Салтыковѣ, Шереметевѣ, затѣмъ, опять о Голицынѣ (II, 660—663). Часто говорится о „the Gr", то-есть, о Петрѣ; „the Gr" значитъ или „the Great", или „the Gossudar" (II, 648—685). Сокращеніе „P. P." допускаетъ разныя толкованія, а именно „Patres", то-есть, католическіе священники, пребывавшіе въ Москвѣ, или „Polls" (такое сокращеніе также встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дневника), то-есть, Поляки, польскій посланникъ или польское посольство. Трудно объяснить, что значитъ: „Лефортъ получилъ the sh. Reg" (II, 730).

Кое-гдѣ въ дневникѣ встрѣчаются недоразумѣнія. Въ т. II, 136, говорится, что Гордонъ въ Лондонѣ видѣлъ комедію „rehearsal"; „rehearsal" значитъ „репетиція"; но гораздо вѣроятнѣе, что Гордонъ видѣлъ репетицію какой-то комедіи, а не пьесу съ такимъ заглавіемъ. Въ т. II, 669, слово „seuntschik" объяснено „съемщикъ" вмѣсто „сеунщикъ", „сеунчъ", гонецъ или курьеръ. Въ т. III, 13, послѣ слова „Nepriadwa" неправильно прибавлено въ скобкахъ „Neprawda". Значительный промахъ заключается въ смѣшеніи Черкесовъ, то-есть, малороссійскихъ казаковъ, Запорожцевъ, съ Черкесами: по случаю осады Азова въ 1696 году часто говорится о „Tscher-

kessen" (см. напримѣръ, III, 12). Довольно важна слѣдующая ошибка, сдѣланная, очевидно, Штриттеромъ при переводѣ, и какъ кажется, не замѣченная Поссельтомъ: въ т. II, 293, говорится о рожденіи царевича Алексѣя 18-го февраля 1690 года въ 4 часа по полуночи, о торжественной церемоніи и о рѣчи, произнесенной при этомъ случаѣ Гордономъ, а затѣмъ въ т. II, 351, 9-го октября 1691 года повторяется разказъ о рожденіи царевича и о той же церемоніи. По видимому, мѣсто подлинника о рожденіи царевича было по какому-то случаю переведено два раза, и по недоразумѣнію, второй, нѣсколько сокращенный переводъ неправильно вставленъ 9-го октября 1691 года.

Изъ приложеній къ изданію дневника нѣкоторыя заимствованы изъ бумагъ самого Гордона, а другіе—изъ разныхъ другихъ источниковъ. Въ числѣ приложеній къ первому тому встрѣчаемъ, между прочимъ, переводъ нѣкоторыхъ главъ изъ сочиненія Котошихина (I, 560—609); трудно понять — съ какою цѣлью издатель счелъ это нужнымъ. Тамъ же помѣщены: разныя дѣловыя бумаги о различныхъ родственникахъ Гордона, бывшихъ въ Россіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ (I, 610, 634 и слѣд.); бумаги, относящіяся къ отправленію Гордона въ Англію въ 1666 году; посланіе царя Алексѣя къ Карлу II; наказъ Гордону; счеты о расходахъ при поѣздкѣ; тутъ же встрѣчаются нѣкоторыя данныя о службѣ Гордона и проч. (I, 612). Ко второму тому приложенію портретъ Гордона и его второй супруги, планъ Чигежинской крѣпости и планъ Азова съ объясненіями; къ третьему тому 112 писемъ Гордона къ разнымъ лицамъ [1]); всѣ эти письма относятся къ девяностымъ годамъ; изъ факсимиле письма Гордона къ герцогу Гордону можно познакомиться съ почеркомъ руки Гордона и съ его ороографіей. О томъ, гдѣ были найдены эти письма, издатель не говоритъ. Есть основаніе думать, что сохранилась одна изъ записныхъ книгъ Гордона, въ которыя онъ вписывалъ отправляемыя имъ письма цѣликомъ или въ извлеченіи, и о которыхъ говорится въ изданіи дневника.

Настоящаго комментарія къ тексту дневника г. Поссельтъ не приложилъ. Ту часть дневника, которая относится къ пребыванію Гордона въ Польшѣ, издатель сопровождаетъ чѣмъ-то въ родѣ комментарія, ограничиваясь объясненіемъ нѣкоторыхъ фактовъ шведско-

---

[1]) Сверхъ того, одно письмо Гордона къ дьяку Алмазову напечатано въ первомъ томѣ, стр. 623—625.

польской войны по сочиненіямъ Пуфендорфа и Коховскаго. Мѣстами указывается на несогласіе Гордонова разказа съ данными, сообщаемыми этими писателями, и на болѣе или менѣе важныя дополненія къ этимъ сочиненіямъ, заключающіяся въ дневникѣ. Въ I-мъ томѣ дневника разказываются иногда современныя политическія событія болѣе пространно въ видѣ историческихъ очерковъ Слѣдовало бы въ подобныхъ случаяхъ разъяснять, какими источниками пользовался Гордонъ; важнѣйшимъ источникомъ, разумѣется, были разказы современниковъ; многое же Гордонъ самъ видѣлъ и слышалъ. Для другихъ очерковъ онъ долженъ былъ собрать кое-какой письменный матеріалъ, какъ напримѣръ, для исторіи Украйны съ 1660 по 1663 годъ. Тутъ трудъ Гордона имѣетъ характеръ уже не дневника, а скорѣе историческихъ записокъ. Г. Поссельтъ только въ одномъ случаѣ говоритъ объ источникахъ такихъ болѣе связныхъ разказовъ: оказывается, что военныя дѣйствія 1677 года (I, 433—446), изложены Гордономъ по донесенію чигиринскаго коменданта Трауернихта; впрочемъ основаній для такого указанія г. Поссельтъ не сообщаетъ.

Нѣкоторыя приложенія и объясненія г. Поссельта имѣютъ характеръ комментарія (I, 663—671; II, 649—735; III, 359—400); но они случайны, и къ сожалѣнію, не богаты ссылками на историческій матеріалъ. Иногда сообщаются тутъ весьма любопытныя и дотолѣ неизвѣстныя данныя, напримѣръ, разныя архивныя свѣдѣнія о Лефортѣ, письма и проч. (II, 695, 700; III, 490); иногда такія замѣчанія имѣютъ характеръ небольшихъ монографій, напримѣръ, изслѣдованіе о времясчисленіи въ Россіи съ XVII столѣтіи (II, 649—860), объ исторіи русскаго войска (II, 693 и слѣд.), о Тульскихъ заводахъ (III, 385) и проч. Большею же частью замѣчанія представляютъ біографическія данныя.

Объемъ и характеръ дневника.

Не всѣ части дневника Гордона, какъ уже выше было сказано, имѣютъ видъ поденныхъ замѣтокъ. Нѣкоторыя части заключаютъ въ себѣ обширныя записки о разныхъ предметахъ въ видѣ историческихъ очерковъ. Такъ, напримѣръ, молодость Гордона до 1655 г. (I, 1—6 и III, 401—416) разказана въ видѣ краткой автобіографіи. До пріѣзда Гордона въ Россію дневникъ прерывается нѣсколько разъ

для помѣщенія разказовъ о политическихъ событіяхъ. Такъ, говорится о причинахъ разрыва между Швеціей и Польшей въ пятидесятыхъ годахъ (I, 7 и слѣд.), сообщаются договорныя статьи перемирія между обѣими державами въ 1655 году (стр. 15 и слѣд.), говорится объ условіяхъ капитуляціи Кракова (стр. 30); затѣмъ слѣдуютъ описанія военныхъ и политическихъ событій отъ взятія Кракова до битвы при Варшавѣ (стр. 40—68) и весьма обширный очеркъ дѣйствій шведской арміи съ 1656 по 1659 годъ (I, 70 — 124), отдѣльно отъ котораго разказываются затѣмъ (I, 125 и слѣд.) похожденія самого Гордона въ продолженіе этого трехлѣтія; далѣе встрѣчаемъ очерки военныхъ дѣйствій въ Пруссіи (I, 187 и слѣд.), отношеній между сѣверными державами съ 1660 до 1661 года (I, 299—304), извѣстія объ Англичанахъ въ Россіи (I, 365 и слѣд.), о событіяхъ въ Украйнѣ 1661 — 1663 гг. и проч. Мѣстами дневникъ содержитъ въ себѣ извлеченія изъ дѣловыхъ бумагъ или разныхъ черновыхъ записокъ, прошеній, счетовъ, писанныхъ самимъ Гордономъ; такъ напримѣръ, сообщаются записка, составленная Гордономъ для князя Голицына въ 1684 году о восточномъ вопросѣ (II, 5—11) записка его же о его жалобахъ и просьбахъ въ 1685 году (II, 85 и слѣд.); въ другихъ мѣстахъ встрѣчаются разныя дѣловыя бумаги по управленію полкомъ, списки войскамъ, солдатамъ и офицерамъ, аммуниціи и разнымъ военнымъ снарядамъ, счеты полковой казны и проч. Иногда документы сообщены цѣликомъ, напримѣръ, свидѣтельство о службѣ Гордона при оставленіи шведскаго войска (I, 150), такое же свидѣтельство при оставленіи польской службы (I, 277), письмо Гордона къ Ковентри (I, 401), письмо Якова II къ царямъ Ивану и Петру въ 1686 году (II, 150—151), письмо герцога Гордона къ князю Голицыну (II, 151), письмо Миддельтона къ Гордону (II, 165), записка о походѣ 1689 года (II, 249—250) и проч.

Изданіе дневника Гордона дѣлится на части и главы. Первая часть относится къ эпохѣ до вступленія въ русскую службу (I, 1—281), вторая обнимаетъ время отъ 1661 до 1684 года (II, 281 до конца); третья—отъ 1685 до 1692 года (II, 1—392), четвертая—отъ 1693 до 1695 года (II, 393—647), пятая—отъ 1696 до 1698 года (III). Раздѣленіе на главы въ первомъ томѣ обусловливается отдѣльными событіями въ жизни Гордона (напримѣръ, путешествіе въ Москву, пріѣздъ въ Москву и поступленіе на службу и т. п.); во второмъ же и третьемъ томахъ при раздѣленіи на главы господствуетъ чисто

хронологическій принципъ, то-есть, нѣсколько лѣтъ составляютъ содержаніе главы.

Объемъ и подробность дневника весьма различны въ различное время. Вообще же поденныя записки становятся чѣмъ дальше, тѣмъ подробнѣе. По крайней мѣрѣ въ изданіи дневникъ особенно обширенъ въ девяностыхъ годахъ, но и тутъ годы рѣзко отличаются другъ отъ друга: 1695 годъ обнимаетъ не менѣе 146 страницъ, тогда какъ 1692 годъ помѣщенъ на 30 страницахъ. Послѣднія части дневника, благодаря большей подробности, заключаютъ въ себѣ особенно богатый матеріалъ для исторіи частной жизни Гордона, для исторіи хозяйственнаго и общественнаго быта. Особенно подробенъ дневникъ во время втораго Чигиринскаго похода, что объясняется важною ролью, которую Гордонъ игралъ въ этомъ событіи. Чрезвычайно много данныхъ и за время Азовскихъ походовъ, въ особенности перваго.

Гордонъ писалъ свой дневникъ не для потомства, но для себя, съ цѣлью дать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Можетъ быть, онъ такимъ образомъ желалъ собрать автобіографическій матеріалъ, которымъ могли бы пользоваться его дѣти и внуки. Въ особенномъ приложеніи къ дневнику онъ впрочемъ точнѣе опредѣляетъ свои взгляды и намѣренія при веденіи дневника. Вотъ эта замѣтка, сообщенная г. Поссельтомъ во введеніи къ первому тому изданія (I, VII): „Мнѣ не безызвѣстно“, пишетъ Гордонъ,—„что вообще считается дѣломъ труднымъ написать исторію своей собственной жизни или представить разказъ о тѣхъ событіяхъ, въ которыхъ участвовалъ самъ авторъ. Такимъ же образомъ и художнику трудно написать свой собственный портретъ. Такъ какъ я однако рѣшился оставаться въ предѣлахъ дневника, не подвергая какому-либо сужденію событія, не восхваляя и не порицая событія моей жизни, такъ какъ я слѣдую на этотъ счетъ правилу мудраго Катона, замѣтившаго: nec te laudaris, nec te culpaveris ipse, я не думаю, чтобъ это дѣло было особенно труднымъ. Оно тѣмъ менѣе представитъ затрудненія, что я пишу не для публики и (на случай, что кто-либо захочетъ прочесть писанное мною) охотно предоставляю каждому судить по своему усмотрѣнію о томъ, что происходило со мною. О государственныхъ дѣлахъ я упоминалъ лишь на столько, на сколько дошло до моего свѣдѣнія; о слухахъ я говорилъ какъ о слухахъ, о фактахъ—какъ о фактахъ. Нѣкоторыя военныя событія (о государственныхъ дѣлахъ, лежавшихъ внѣ моей сферы, я говорю рѣдко) я разказалъ въ связи; нѣкоторыя изъ нихъ состоятъ въ связи съ моею жизнью; эти разказы

не полны, такъ какъ для того недоставало архивнаго матеріала; за то я большею частью былъ свидѣтелемъ-очевидцемъ тѣхъ событій, о которыхъ я писалъ. Однимъ словомъ я не могу представить лучшаго и болѣе основательнаго повода къ составленію этого труда, какъ именно мое собственное удовольствіе. Одобренія другихъ лицъ я не ищу, зная очень хорошо, что не даромъ считается дѣломъ невозможнымъ удовлетворить всѣхъ". Изъ этихъ словъ видно, что Гордонъ не расчитывалъ на многихъ читателей для своего труда, а также и то, что онъ не хранилъ его въ тайнѣ.

Гордонъ писалъ, какъ мы знаемъ, много и охотно. Переписка съ разными лицами занимала его постоянно. Дома и во время путешествій и походовъ онъ постоянно велъ корреспонденцію и продолжалъ свой дневникъ. Довольно сложныя денежныя и коммерческія операціи требовали ежедневныхъ замѣтокъ въ дневникѣ, служившемъ также его приходо-расходною книгою. Гордонъ, какъ мы видѣли, былъ отличнымъ хозяиномъ. Любя порядокъ во всѣхъ отношеніяхъ, онъ постоянно былъ занятъ содержаніемъ въ точности разныхъ текущихъ счетовъ, которые имѣлъ съ разными лицами. Громадное число писемъ, отправляемыхъ и получаемыхъ Гордономъ, также требовало отчетливыхъ замѣтокъ. Весьма часто въ дневникъ вносилось извлеченіе изъ этихъ писемъ. Однимъ словомъ, дневникъ служилъ Гордону памятною книжкою во всѣхъ отношеніяхъ.

Можно удивляться тому, что Гордонъ, столь много странствовавшій и столь часто хворавшій серьезно, былъ въ состояніи правильно и постоянно вести свой дневникъ. Нужно думать, что въ дни болѣзней онъ записывалъ по памяти событія нѣсколькихъ дней. Такъ напримѣръ, въ маѣ 1693 года онъ былъ сильно болѣнъ нѣсколько дней сряду, но тѣмъ не менѣе дневникъ именно за эти дни не представляетъ никакихъ пробѣловъ (II, 406). Также регулярно дневникъ продолжался во время осадъ и другихъ опасныхъ военныхъ дѣйствій, требовавшихъ сосредоточеннаго вниманія Гордона. Какъ ни занятъ былъ Гордонъ во время осады Чигирина, онъ все-таки дѣлалъ замѣтки о разныхъ приключеніяхъ этихъ недѣль. Гордонъ во все это время былъ заваленъ работой и нѣсколько разъ былъ раненъ; на немъ лежала самая тяжелая отвѣтственность; но какъ главнокомандующій въ Чигиринѣ, онъ, вѣроятно, считалъ своею обязанностью собирать разныя данныя о ходѣ работъ, о всѣхъ частностяхъ наступательныхъ движеній непріятеля, о числѣ брошенныхъ въ крѣпость ядеръ, объ убитыхъ, раневыхъ. Если Гордону послѣ осады

пришлось представлять правительству донесеніе объ этомъ дѣлѣ, то дневникъ его заключалъ въ себѣ богатый матеріалъ для такого отчета.

Впрочемъ замѣтно, что иногда Гордонъ вносилъ подъ извѣстныя числа дневника тѣ или другія событія гораздо позже того, какъ они произошли. Такъ, 2-го февраля 1667 года умеръ Любомірскій; Гордонъ въ это время находился въ Англіи и готовился къ возвращенію въ Россію; въ дневникѣ его между 1-мъ и 4-мъ февраля среди разныхъ фактовъ, относящихся къ пребыванію его въ Англіи, записано о послѣдовавшей 2-го февраля кончинѣ Любомірскаго; очевидно, Гордонъ въ тотъ день не могъ знать объ этомъ событіи и поэтому не могъ сдѣлать замѣтки о немъ въ дневникѣ; мы узнаемъ даже, когда именно Гордонъ узналъ объ этомъ: 12-го марта 1667 года, во время пребыванія его въ Гамбургѣ, въ дневникѣ сказано: „здѣсь Гордонъ узналъ о томъ, что Любомірскій скончался въ Бреславлѣ 2-го февраля". Очевидно, замѣтка 2-го февраля была позднѣйшею вставкою. Подобно сему и о кончинѣ короля Карла II записано въ дневникѣ въ самый день этого событія, а нѣсколькими недѣлями позже сказано: „Гордонъ узналъ чрезъ письма и газеты о кончинѣ Карла II и пр." (II, 61, 79).

Тѣ части дневника Гордона, которыя дѣйствительно имѣютъ форму поденной записки, заключаютъ въ себѣ почти исключительно факты безъ размышленій и сужденій. Чувства Гордона, его субъективный взглядъ, его личное отношеніе къ описываемымъ событіямъ большею частью остаются тутъ на заднемъ планѣ. О душевномъ настроеніи, о внутренней жизни автора дневника говорится очень рѣдко. Къ такимъ исключеніямъ должно отнести молитвы, внесенныя именно въ дни рожденія Гордона, и обыкновенно 31-го декабря, и далѣе замѣтки въ родѣ слѣдующихъ: 31-го марта 1692 года (въ день рожденія Гордона): „этотъ годъ былъ для меня весьма злосчастнымъ" (въ этомъ году умерли оба его зятя); или 10-го октября 1696 года: „годовщина кончины моей первой жены—дорогой, любимой". Такихъ замѣтокъ впрочемъ весьма мало. Даже въ случаяхъ опасныхъ болѣзней или кончины того или другаго изъ ближайшихъ родственниковъ Гордона въ дневникѣ его не замѣчается проявленій душевнаго потрясенія или волненія. Вообще дневникъ можетъ быть названъ скорѣе холоднымъ протоколомъ внѣшнихъ фактовъ, чѣмъ фотографическимъ изображеніемъ внутренней, нравственной и умственной жизни Гордона.

Дневникъ какъ источникъ.

Дневникъ Гордона скорѣе похожъ на какую-либо газету, чѣмъ на историческое сочиненіе. Заключая въ себѣ множество драгоцѣнныхъ данныхъ для исторіи важнѣйшихъ политическихъ событій второй половины XVII вѣка, онъ представляетъ однако для историка, желающаго имъ пользоваться, то затрудненіе, что эти данныя разбросаны на разныхъ его страницахъ и требуютъ разработки, толкованія. Впрочемъ политическія событія—отдѣльные походы или осады, мятежи и т. п., относящіяся къ извѣстному времени, все-таки гораздо легче изучаются по дневнику Гордона, чѣмъ исторія общественнаго развитія. Кто пожелаетъ, напримѣръ, воспользоваться дневникомъ Гордона для разработки исторіи Чигиринскихъ походовъ, тому достаточно, при строго хронологическомъ порядкѣ дневника, обратиться къ тѣмъ десяткамъ страницъ перваго тома, на которыхъ можно ожидать всѣ относящіяся къ этому событію данныя. За то пользованіе дневникомъ для разработки бытовой исторіи представляетъ значительное затрудненіе. Объ общественномъ бытѣ, о народной и частной экономіи, о нравахъ и обычаяхъ говорится въ дневникѣ много и часто; но собираніе и разработка тѣхъ намековъ Гордона, которые могутъ служить матеріаломъ для культурной исторіи Россіи во второй половинѣ XVII вѣка, составляетъ, при значительномъ объёмѣ всего источника, громадный трудъ. Поэтому въ нижеслѣдующихъ очеркахъ мы укажемъ на значеніе дневника Гордона какъ источника политической исторіи и исторіи общественнаго развитія и нѣсколько подробнѣе остановимся на этомъ послѣднемъ вопросѣ.

Шведско-польско-русская война 1655—1667 гг.

Гордонъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ участвовалъ въ борьбѣ между Польшей, Швеціей и Россіей. Онъ былъ то въ шведскомъ, то въ польскомъ лагерѣ и наконецъ перешелъ въ русскую службу. Въ продолженіе всего этого времени онъ старался составить себѣ точное понятіе о политическомъ значеніи каждаго, болѣе важнаго, военнаго событія. Въ особенности, пока онъ находился въ польской и шведской службѣ, старался онъ собирать разныя данныя о дипломатическихъ сношеніяхъ между главными державами. Иногда онъ воспроизводитъ

цѣликомъ содержаніе договоровъ. Такъ напримѣръ, онъ приводитъ всѣ статьи капитуляціи Кракова осенью 1655 г. (I, 30 и слѣд.), договора между Швеціей и Бранденбургскимъ курфирстомъ въ іюнѣ 1656 г. (I, 56 и слѣд.), капитуляціи Варшавы также въ іюнѣ 1656 г. (I, 62 и слѣд.), нѣкоторыя прелиминарныя статьи о мирѣ между Швеціей и Польшей въ началѣ 1657 г. (I, 82), статьи договора между императоромъ Леопольдомъ I и Польшей въ маѣ 1657 г. (I, 99 и слѣд.), договора между Бранденбургомъ и Польшей въ Велау (Wehlau) въ сентябрѣ 1657 г., важнаго тѣмъ, что въ силу этого договора отмѣнена была подчиненность Бранденбургскаго курфирста, какъ владѣтеля герцогства Пруссіи, Польскому королю (I, 112). Далѣе достойны вниманія для военной исторіи списки шведскимъ полкамъ, множество данныхъ о разныхъ мелкихъ сраженіяхъ, о количествѣ бранденбургскихъ войскъ и проч. Разказъ о знаменитой битвѣ подъ Варшавой въ концѣ іюля 1656 г. кратокъ (I, 66); о другихъ военныхъ дѣйствіяхъ говорится гораздо подробнѣе.

Гордонъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности объ осадѣ Риги русскими войсками въ 1656 г. (I, 73—75). Онъ говоритъ о неимовѣрной быстротѣ движеній русскаго войска, при которомъ находился самъ царь, замѣчая, что Шведскій король узналъ о приближеніи Русскихъ лишь тогда, когда уже были взяты Кокенгузенъ и другія крѣпости и началась осада Риги. Самымъ важнымъ эпизодомъ осады была вылазка рижскаго гарнизона, сдѣланная особенно въ направленіи на ту часть русскаго осаднаго корпуса, въ которой командовалъ князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій. Потеря Русскихъ была значительна. Гордонъ разказываетъ о совѣщаніи, вслѣдствіе котораго царь Алексѣй Михайловичъ рѣшился снять осаду. Довольно важна слѣдующая замѣтка (I, 75): „Всѣ эти аргументы въ пользу снятія осады царю и вельможамъ казались недостаточно вѣскими; они полагали, что иностранцы, находившіеся въ русскомъ войскѣ, придумаютъ какое-либо средство для занятія города. Однако было распространено мнѣніе, что иностранцы какъ-то не хотѣли приступить къ крайнимъ мѣрамъ противъ Шведовъ. Между тѣмъ нашелся полковникъ, который вызвался высушить ровъ, окружавшій городъ, посредствомъ мельницы. Предложеніе его было принято; полковника пригласили приступить къ этому дѣлу, но послѣ того какъ въ продолженіе пяти-шести дней множество народа измучилось при этой работѣ, нашли, путемъ геометрическихъ выкладокъ, что вода въ рѣкѣ была выше воды во рвѣ, и потому нужно было оставить эту работу“.

Вѣроятно, вся эта часть дневника писана Гордономъ уже впослѣдствіи, во время пребыванія въ Россіи. Онъ могъ, какъ полагаетъ издатель дневника, узнать, напримѣръ, о подробностяхъ совѣщаній въ военномъ совѣтѣ (I, 75) отъ лицъ, участвовавшихъ въ немъ. Достойно вниманія, что эпизодъ съ полковникомъ-иностранцемъ, изъявившимъ готовность высушить ровъ и этимъ принудить рижскій гарнизонъ къ сдачѣ, подтверждается разказомъ другаго современника, почти одновременно съ Гордономъ пріѣхавшаго въ Россію, а именно Юрія Крижанича, который пишетъ объ осадѣ Риги: „Нѣмчинъ есть былъ онъ, кій ся есть былъ обѣщанъ великому господарю Риги добыть, а за тѣмъ въ Ригу самъ ускочилъ“. Въ другомъ мѣстѣ главнаго сочиненія Крижанича повторяется тотъ же разказъ, и сверхъ того прибавлено: „наряженъ на то отъ Нѣмцевъ, дабы царскія силы отвергнулъ отъ менѣ обранныхъ (то-есть, укрѣпленныхъ) градовъ“. [1]).

На пути въ Москву въ 1661 г. Гордонъ видѣлъ громадныя пушки, оставленныя Русскими, отступавшими въ 1656 г. отъ Риги въ Кокенгузенѣ (I, 286).

Дѣла малороссійскія интересовали Гордона съ самаго начала его военной карьеры. Въ пятидесятыхъ годахъ онъ еще не имѣлъ въ виду, что ему прійдется провести нѣсколько лѣтъ въ Малороссіи, но значеніе малороссійскихъ смутъ и столкновенія изъ-за Малороссіи между Россіей и Польшей не ускользнуло отъ его вниманія. Онъ упоминаетъ вкратцѣ о дипломатическихъ сношеніяхъ между Шведскимъ королемъ и Богданомъ Хмѣльницкимъ въ 1655 г. (I, 34), о Зборовскомъ договорѣ (I, 44—46) и о началѣ войны между Россіей и Польшею въ 1654 г. Впослѣдствіи, въ 1678 г., на пути въ Чигиринъ, Гордонъ остановился на ночь въ Конотопѣ и при этомъ случаѣ сообщаетъ въ своемъ дневникѣ разныя частности о Конотопской битвѣ 1659 г., которую онъ, впрочемъ, по ошибкѣ, относитъ къ 1656 г. (I, 459). Далѣе встрѣчаются у Гордона нѣкоторыя данныя о Выговскомъ и Юріѣ Хмѣльницкомъ (I, 174—175). Особенно подробно разказываетъ онъ военныя событія осени 1660 г. Тутъ онъ участвовалъ въ рядахъ польскаго войска въ борьбѣ съ Русскими и былъ свидѣтелемъ весьма важныхъ событій (I, 215 и слѣд.), между прочимъ—катастрофы русскаго войска подъ начальствомъ Шереметева при Чудновѣ. При этомъ случаѣ онъ подвергаетъ критикѣ образъ дѣйствій

---

[1]) См. Соч. Юр. Крижанича, изд. *Безсоновымъ*, I, 378; II, 259.

Русскихъ, не умѣвшихъ воспользоваться стратегическими выгодами своего положенія. Въ этихъ военныхъ событіяхъ Гордонъ принималъ самое дѣятельное участіе. Любомірскій давалъ ему разныя, болѣе или менѣе важныя порученія; не разъ находился онъ въ крайней опасности. Описаніе всѣхъ этихъ событій составлено Гордономъ какъ знатокомъ дѣла. Его разказъ о военныхъ дѣйствіяхъ гораздо подробнѣе, чѣмъ, напримѣръ, у Коховскаго (Annalium Poloniae climacter etc.). Въ октябрѣ, когда русское войско хотѣло спасти себя отступленіемъ отъ Чуднова, и Поляки загородили ему дорогу, Гордонъ участвовалъ въ движеніяхъ послѣднихъ. Онъ узналъ разныя подробности объ измѣнѣ Цецуры, бывшей окончательнымъ ударомъ для Шереметева (I, 244). Далѣе онъ разказываетъ о капитуляціи Шереметева и о томъ, какъ послѣдній принужденъ былъ ѣхать въ татарскій лагерь, какъ Любомірскій со слезами прощался съ Шереметевымъ, когда послѣдняго наконецъ отправили въ Крымъ (I, 252). Самому Гордону въ это вре-время приходилось сторожить не менѣе 2,000 казаковъ, взятыхъ въ плѣнъ Поляками. Онъ разказываетъ, какъ Татары уводили въ плѣнъ казаковъ цѣлыми тысячами, и какъ между Поляками и Татарами происходили споры и пререканія изъ-за военноплѣнныхъ (I, 248—256).

Это было послѣднее время пребыванія Гордона въ Польшѣ. О Польшѣ и Полякахъ онъ говоритъ нѣсколько разъ и въ своемъ дневникѣ, и въ письмахъ. Здѣсь и тамъ приводятся характеристическія черты польскаго житья-бытья (см., напримѣръ, I, 165); Гордонъ разказываетъ, напримѣръ, о роскоши и о гостепріимствѣ польскихъ пановъ, которые содержали оркестры для увеселенія своихъ гостей и устраивали разныя пиршества, иногда въ то самое время нуждаясь въ самыхъ необходимыхъ предметахъ, напримѣръ, въ постеляхъ, стульяхъ и пр. (I, 198). Иногда онъ хвалитъ Поляковъ (напримѣръ, III, 412), но иногда довольно рѣзко осуждаетъ ихъ гордость и чванство (III, 255). Достойны вниманія разныя замѣчанія Гордона о Варшавскомъ сеймѣ весною 1661 г. (I, 268—271).

Еще до окончанія войны между Польшей и Россіей Гордонъ вступилъ въ русскую службу, но съ тѣхъ поръ почти вовсе не участвовалъ непосредственно въ военныхъ дѣйствіяхъ до Андрусовскаго мира. Тѣмъ не менѣе онъ зорко слѣдилъ за ходомъ дѣлъ и переписывался постоянно съ разными офицерами-иноземцами, сражавшимися въ Польшѣ на сторонѣ Россіи. Такъ, напримѣръ, онъ былъ въ состояніи сообщить разныя данныя о разбитіи русскаго войска въ октябрѣ

1661 г. [1]), подъ начальствомъ князя Хованскаго и Ордына-Нащокина, котораго Гордонъ при этомъ случаѣ называетъ „великимъ государственнымъ человѣкомъ“ (I, 303). Въ особенномъ очеркѣ Гордонъ излагаетъ „событія у казаковъ на Украйнѣ съ 1660 по 1663 годъ“ (I, 325—332). Тутъ говорится о соперничествѣ между Брюховецкимъ и Самкомъ, объ отношеніяхъ къ нимъ русскаго правительства и о разныхъ военныхъ дѣйствіяхъ. Разныя свѣдѣнія о событіяхъ въ Польшѣ и въ Малороссіи въ 1663 и 1664 гг., очевидно, почерпнуты Гордономъ изъ писемъ его пріятелей, Друммонда и Дальеля (I, 332—341 passim). Наконецъ нельзя не упомянуть о письмѣ Гордона къ князю Хованскому изъ Риги отъ 23-го іюля 1666 г., въ которомъ сообщены разныя свѣдѣнія о событіяхъ въ Польшѣ, въ тонѣ и характерѣ газетныхъ извѣстій (I, 622—623).

Западная Европа.

Выше было сказано, съ какимъ вниманіемъ Гордонъ слѣдилъ за событіями въ западной Европѣ. Хотя онъ и жилъ въ Россіи, но нѣкоторымъ образомъ участвовалъ въ этихъ событіяхъ, бывъ горячимъ приверженцемъ Стюартовъ и состоя въ самой тѣсной связи съ нѣкоторыми изъ важнѣйшихъ англійскихъ роялистовъ. Поэтому дневникъ Гордона можетъ служить довольно важнымъ источникомъ для изученія исторіи англійскихъ смутъ въ XVII столѣтіи. Едва ли въ какомъ-либо другомъ источникѣ найдется столько данныхъ объ англійскихъ и шотландскихъ эмигрантахъ, къ которымъ принадлежалъ самъ Гордонъ. Такъ, напримѣръ, едва ли гдѣ еще есть извѣстіе о намѣреніи англійскихъ роялистовъ, находившихся въ Польшѣ, убить англійскаго посланника Бредшоу, возвращавшагося изъ Россіи въ 1658 г. [2]). Объ этомъ дипломатѣ Гордонъ замѣчаетъ, что онъ не былъ принятъ въ Россіи (I, 154). О пребываніи англійскаго посланника Керлейля въ Россіи въ 1664 г. въ дневникѣ Гордона заключаются лишь краткія и неважныя свѣдѣнія (I, 334—346). За то объ отправленіи самого Гордона въ Англію въ качествѣ дипломатическаго агента и о пребываніи его тамъ разказано весьма подробно. Послѣ

---

[1]) «Bei Kutschi Gori», I, 303; у *Соловьева*, X, 160: «При Кушликахъ».

[2]) Странно, что о пребываніи этого посланника Кромвелля ни слова не сказано въ сочиненіи г. Соловьева. Тамъ (XII, 238) говорится только о прибытіи въ Москву въ 1654 г. Вильяма Придакса.

вступленія на престолъ Якова II Гордонъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за его политикою, которую, въ качествѣ отчаяннаго роялиста и католика, одобрялъ вполнѣ. О заговорѣ Монмоута, побочнаго сына Карла II, противъ Якова II, Гордонъ получилъ во время своего пребыванія въ Кіевѣ разныя извѣстія; такъ, между прочимъ, онъ записалъ въ свой дневникъ разныя стихи на латинскомъ языкѣ, сочиненные въ Англіи по поводу этого событія, а также надгробныя надписи, сочиненныя для казненныхъ Монмоута и Арджиля (II, 108). Въ біографіи Гордона мы уже говорили о значеніи его дневника для исторіи Якова II во время пребыванія Гордона въ Англіи и Шотландіи въ 1686 г. Тутъ Гордонъ прямо вводитъ насъ въ кругъ самыхъ заклятыхъ сторонниковъ короля Вильгельма III. Гордонъ, какъ мы знаемъ, уже въ 1686 г. призналъ положеніе Якова II довольно опаснымъ. Онъ зналъ подробно о положеніи партій въ Англіи и не разъ, какъ мы видѣли, бесѣдовалъ съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ объ англійскихъ дѣлахъ. Не даромъ французско-польскій дипломатическій агентъ Нёвиль, бывшій въ Россіи въ 1689 г. и также толковавшій съ Голицынымъ о европейскихъ дѣлахъ, удивлялся тому, что Голицынъ былъ особенно хорошо знакомъ съ англійскими политическими событіями [1]) Мы знаемъ, что Голицынъ своимъ знаніемъ англійскихъ дѣлъ былъ обязанъ главнымъ образомъ Гордону, получавшему изъ Англіи и Шотландіи множество писемъ съ изложеніемъ всѣхъ тамошнихъ обстоятельствъ и сообщавшему такія извѣстія русскому правительству.

Разумѣется, замѣтки Гордонова дневника о ходѣ революціи 1688 года едва ли прибавятъ что-либо новаго къ тому, что ужь извѣстно объ этомъ событіи, но изъ дневника, а еще болѣе изъ писемъ Гордона (въ приложеніяхъ къ третьему тому) видно, въ какой мѣрѣ была распространена партія роялистовъ во всей Европѣ, и въ какой степени приверженцы сверженнаго съ престола Якова II считали вѣроятнымъ, что ненавистный имъ Вильгельмъ не долго усидитъ на престолѣ. Кромѣ того, Гордонъ сообщаетъ разныя свѣдѣнія о составѣ англійскаго войска, объ англійскомъ бюджетѣ, о преніяхъ въ парламентѣ, объ отношеніяхъ Англіи къ Франціи и къ Голландіи. О разныхъ военныхъ событіяхъ въ борьбѣ между Англіей и Франціей упоминается неоднократно (см. напримѣръ, II, 311, 313, 389 и пр.).

О другихъ государствахъ говорится у Гордона лишь въ видѣ

---

[1]) Relation curieuse de la Moscovie. A la Haye, 1699.

исключенія. Такъ напримѣръ, сообщены in extenso условія, въ силу которыхъ герцогъ Брауншвейгъ-Ганноверскій былъ удостоенъ курфирстскаго званія (II, 396). Очевидно, нѣкоторыя замѣтки, относящіяся къ событіямъ въ Испаніи (II, 52), Португаліи (II, 498) и пр., были заимствованы Гордономъ изъ газетъ, преимущественно голландскихъ, о которыхъ въ дневникѣ говорится довольно часто.

Восточный вопросъ.

Кратки и ничтожны разныя замѣтки Гордона объ отношеніяхъ Германской имперіи и Польши къ Оттоманской Портѣ; о разныхъ событіяхъ войны между Австріей и Турціей въ 1688 и слѣдующихъ годахъ. Подробнѣе говорится о столкновеніяхъ между Польшей, Турками и Татарами. Во время своего пребыванія въ Кіевѣ до 1686 года Гордонъ весьма часто имѣлъ случай получать самыя подробныя извѣстія, напримѣръ, о вторженіяхъ Татаръ въ предѣлы Польши, объ опустошеніи ими того или другаго польскаго города, о борьбѣ политическихъ партій въ Польшѣ и т. п. Даже Россія содержала агентовъ, отправляемыхъ въ Польшу за такими извѣстіями. О такомъ агентѣ Сусловѣ и собранныхъ имъ свѣдѣніяхъ Гордонъ пишетъ (II, 52, 53, 96, 101, 111, 112); далѣе говорится о какомъ-то купцѣ, чрезъ котораго въ Россіи узнавали о происходившихъ на западѣ событіяхъ (II, 89, 94, 95, 105, 107, 111). Мѣстная власть въ Кіевѣ была обязана тотчасъ же по полученіи таковыхъ извѣстій сообщать обо всемъ въ Москву (II, 53, 72, 81 и пр.). Многія изъ этихъ данныхъ пригодились бы при изученіи исторіи Польши въ ту эпоху.

Долго жилъ Гордонъ въ Малороссіи; но къ сожалѣнію, только часть дневника, веденнаго имъ въ это время, сохранилась, а именно — та, которая относится къ періоду съ 1684 по 1686 годъ. Особенно въ это время, Гордонъ долженъ былъ интересоваться движеніями Татаръ, предпріятіями, нападеніями на польскія и русскія владѣнія. Собрать изъ дневника всѣ сюда относящіяся данныя было бы достойною монографическою задачею. Тутъ встрѣчается довольно полная статистика случаевъ насилія и грабежа со стороны Татаръ. Впрочемъ, ужь и ранѣе того говорится объ этомъ предметѣ. Въ началѣ 1662 года Гордонъ сообщаетъ подробно о появленіи Татаръ у Сѣвска и Карачева и объ уведеніи ими въ плѣнъ значительнаго числа жителей (I, 305). Въ 1684 году разказано о сожженіи города Умани, бывшего тогда подъ властью Польши (II, 30, 34), о появле-

ніи Татаръ цѣлыми сотнями въ окрестностяхъ Кіева (II, 46). Довольно подробно разказано о сожженіи города Немирова и объ уведеніи въ плѣнъ всѣхъ жителей (II, 66, 67, 68, 71, 72). Въ продолженіе 1685 года неоднократно говорится о другихъ подобныхъ же случаяхъ (II, 82, 89, 103, 104 и пр.). Не даромъ именно въ то время русское правительство мечтало о войнѣ съ Татарами. Къ этому времени относится составленіе Гордономъ записки о такой войнѣ для князя Голицына (II, 8—11), и рѣшеніе правительства не отправлять болѣе посланниковъ въ Крымъ (II, 59).

Главное значеніе, которое имѣетъ дневникъ Гордона какъ источникъ для исторіи политическихъ событій, относится къ тѣмъ важнымъ военнымъ событіямъ въ сферѣ восточнаго вопроса, въ которыхъ участвовалъ самъ Гордонъ. Мы поэтому укажемъ вкратцѣ на дневникъ Гордона, какъ на историческій матеріалъ для исторіи Чигиринскихъ, Крымскихъ и Азовскихъ походовъ.

При разборѣ этого вопроса нельзя не замѣтить, что дневникъ Гордона чѣмъ дальше, тѣмъ больше становится въ нѣкоторомъ отношеніи одностороннимъ. Въ то время, когда Гордонъ слѣдилъ за событіями польско-шведско-русской войны, онъ не ограничивался сообщеніемъ фактовъ военной исторіи и часто говоритъ весьма подробно о дипломатическихъ переговорахъ и трактатахъ и пр. Впослѣдствіи, во время своего участія въ войнахъ съ Татарами и съ Турками, онъ почти вовсе не говоритъ о политикѣ и сосредоточиваетъ все свое вниманіе на однихъ военныхъ событіяхъ, которыя за то разказываются очень подробно. Такъ—частью, впрочемъ, вслѣдствіе пробѣловъ въ дневникѣ—мы узнаемъ изъ этого источника лишь немногое о причинахъ столкновеній России съ Крымскимъ ханомъ и съ Оттоманскою Портою; за то для военной исторіи этихъ походовъ едва ли какой-нибудь источникъ равняется дневнику Гордона подробностью и основательностью данныхъ. Потому-то на эту часть дневника Устряловъ обращалъ особенное вниманіе при изображеніи Крымскихъ и Азовскихъ походовъ.

Чигиринъ 1677 и 1678 гг.

О казацкихъ смутахъ имѣвшихъ слѣдствіемъ разрывъ между Турціей и Россіей и осаду Чигирина, въ дневникѣ Гордона говорится весьма мало. Дневника недостаетъ съ 1667 по начало 1677 года. Въ это время Гордонъ находился въ Малороссіи, жилъ большею

частью въ Сѣвскѣ, и безъ сомнѣнія, въ потерянной части дневника повѣствовалось болѣе или менѣе подробно о гетманствѣ Брюховецкаго, о дѣйствіяхъ Дорошенка, о Многогрѣшномъ и объ участіи въ малороссійскихъ смутахъ Турокъ и Татаръ. Даже о важнѣйшемъ событіи, о переходѣ Дорошенка на сторону Россіи, повлекшемъ за собою Чигиринскую войну, не упоминается въ дневникѣ, въ началѣ 1677 года.

Достойно вниманія слѣдующее обстоятельство: Гордонъ въ началѣ 1677 года находился въ Москвѣ; около этого же времени тамъ былъ и Дорошенко, имѣвшій аудіенцію у царя Ѳеодора 28-го марта [1]). Объ этой аудіенціи Гордонъ упоминаетъ весьма кратко (I, 416). Затѣмъ о Дорошенкѣ болѣе не говорится.

О первомъ Чигиринскомъ походѣ говорится совсѣмъ подробно (I, 422, 460). Гордонъ разказываетъ, что русское правительство занималось въ то время какимъ-то денежнымъ проектомъ. Намѣревались выпустить монеты на подобіе польскихъ. Сообщая объ этомъ Гордонъ замѣчаетъ, что онъ считалъ такую мѣру неприличною и невозможною (I, 421). Затѣмъ слѣдуютъ многія частности о маршрутѣ той части войска, при которой находился Гордонъ, и о разныхъ движеніяхъ русскаго войска вообще. Какъ мы видѣли, Гордонъ въ это время игралъ въ русскомъ войскѣ довольно важную роль. Полководцы руководствовались его указаніями и совѣтами. Наконецъ, онъ разказываетъ довольно подробно объ осадѣ крѣпости по донесенію Трауернихта и по дневнику полковника фонъ-Фрогтена (I, 434—446). Число убитыхъ и раненыхъ показано подробно (I, 446); далѣе говорится о размѣрахъ крѣпости и города и сообщается списокъ турецкихъ офицеровъ (I, 447). Довольно тщательно собраны Гордономъ данныя о числительности турецкаго войска (I, 448). Достойно вниманія замѣчаніе Гордона, что казаки чрезвычайно неблагопріятно отзывались о духѣ русскаго войска, не отличавшагося мужествомъ (I, 446).

Гораздо самостоятельнѣе и богаче содержаніемъ разказъ Гордона о второмъ Чигиринскомъ походѣ (I, 464—552). Ни о какомъ предметѣ, исключая перваго Азовскаго похода, во всемъ дневникѣ не повѣствуется столь обстоятельно, какъ объ этомъ событіи, въ которомъ Гордонъ игралъ главную роль. Къ этому разказу приложенъ весьма тщательно составленный планъ Чигиринской крѣпости. Ежедневно записывались Гордономъ всѣ военныя обстоятельства осады. Такъ напримѣръ, онъ ежедневно отмѣчаетъ о числѣ ядеръ и бомбъ,

---

[1]) *Соловьевъ*, XIII, 263: 20-го марта; у Гордона: 18-го марта.

брошенныхъ Турками въ крѣпость, и о числѣ убитыхъ и раненыхъ въ крѣпости. Подробно говорится о числѣ находившихся въ Чигиринѣ войскъ, о количествѣ бывшихъ тамъ военныхъ припасовъ (I, 477 и 480), о манифестѣ Юрія Хмѣльницкаго, брошенномъ въ крѣпость (I, 495—96). На нѣкоторыя подробности исторіи этой второй осады Чигирина мы указали уже въ первой части нашего труда. Мы видѣли, что и до смерти Ржевскаго, Чигиринскаго коменданта, Гордонъ былъ душою всѣхъ мѣръ, принятыхъ для обороны крѣпости. Послѣ кончины Ржевскаго онъ сдѣлался главнокомандующимъ. Онъ послѣднимъ оставилъ Чигиринъ, когда оказалось невозможнымъ держаться долѣе въ крѣпости. Его разказъ о послѣднихъ фазисахъ осады, о катастрофѣ Чигирина въ высшей степени привлекателенъ и незамѣнимъ никакимъ другимъ источникомъ. Нельзя не удивляться тому, что въ разныхъ сочиненіяхъ, напримѣръ, въ Исторіи Турціи Гаммера-Пургшталля, въ Исторіи Россіи Соловьева, при этомъ случаѣ ни слова не сказано о Гордонѣ.

Исторія осады Чигирина въ 1678 году въ дневникѣ Гордона обнимаетъ 80 страницъ. Затѣмъ еще слѣдуетъ довольно подробное изложеніе дѣйствій русскаго войска подъ начальствомъ Ромодановскаго, не успѣвшаго принять мѣръ необходимыхъ для спасенія крѣпости. Гордонъ указываетъ на ошибки, сдѣланныя Ромодановскимъ (I, 551). Наконецъ, разказывается исторія отступленія русскаго войска къ Днѣпру и пр.

Крымскіе походы, 1687 и 1689 гг.

Извѣстія объ участіи малороссійскаго войска въ Крымскихъ походахъ и паденіи гетмана Самойловича во время перваго похода даютъ дневнику Гордона значеніе источника и для исторіи этихъ событій.

Бывъ въ Малороссіи и до этихъ походовъ, хорошо знакомый съ бытомъ казаковъ и находясь въ весьма близкихъ сношеніяхъ съ самимъ гетманомъ, Гордонъ былъ въ состояніи сообщить разныя данныя о значеніи этой личности и о расположеніи казацкаго войска. Въ дневникѣ 1684 года разказаны разные случаи смутъ въ Малороссіи. Какъ извѣстно и изъ другихъ источниковъ, гетманъ Самойловичъ былъ надежнымъ сторонникомъ Россіи; въ этомъ отношеніи важно замѣчаніе Гордона 3-го іюня 1684 года, что гетманъ въ это время считался правительствомъ „единственнымъ оракуломъ и былъ душою рѣшеній Россіи“ (II, 29). Къ нему были отправлены для со-

вѣщаній о восточномъ вопросѣ сначала Семенъ Алмазовъ (II, 79), а затѣмъ въ ноябрѣ 1684 года Украинцевъ (II, 45). О результатѣ совѣщаній между Украинцевымъ и Самойловичемъ мы знаемъ изъ архивныхъ извѣстій, сообщенныхъ г. Соловьевымъ въ XIV-мъ томѣ его Исторіи Россіи (стр. 21—25). Гордонъ, сообщившій по случаю отправленія Семена Алмазова къ Самойловичу, что гетманъ высказался въ пользу сохраненія мира, не говоритъ вовсе о результатахъ совѣщаній гетмана съ Украйнцевымъ. За то онъ и въ другомъ мѣстѣ замѣчаетъ, что гетманъ все еще „считается оракуломъ" (II, 31). Можетъ быть, онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что мнѣніе Самойловича въ отношеніи къ вопросу о разрывѣ съ Турками и Татарами имѣло въ глазахъ правительства бòльшій вѣсъ, нежели его собственное. Мы знаемъ изъ записки Гордона, составленной въ началѣ 1684 года, что онъ проповѣдывалъ войну. Самойловичъ, напротивъ того, постоянно говорилъ въ пользу сохраненія мира. Правительство медлило разрывомъ съ Татарами еще два-три года послѣ того, какъ Гордонъ и Самойловичъ были спрошены о ихъ мнѣніи. Значитъ, правительство руководствовалось соображеніями гетмана.

Извѣстно, въ какой мѣрѣ казацкое войско было шатко, ненадежно, готово измѣнить Россіи. Въ этомъ отношеніи любопытны нѣкоторыя данныя въ дневникѣ Гордона. Онъ разказываетъ о разныхъ польскихъ эмиссарахъ, которые являлись въ Малороссію съ цѣлью склонить казаковъ къ службѣ Польскаго короля, о польскихъ деньгахъ, игравшихъ нѣкоторую роль въ этихъ смутахъ, и о томъ, что казаки не желали побѣды Россіи надъ Крымомъ. Весьма подробно говорится о настроеніи умовъ въ Малороссіи въ началѣ похода 1687 года и объ опасеніяхъ казаковъ, что успѣхи Россіи въ войнѣ съ Татарами будутъ имѣть слѣдствіемъ ограниченіе казацкихъ привиллегій (II, 177 и слѣд.). Тутъ прямо сказано, что гетманъ самъ раздѣлялъ такія мысли съ „умнѣйшими" изъ казаковъ. Далѣе замѣчено, что казаки и Татары находились въ равномъ положеніи, что между ними существовала нѣкоторая солидарность интересовъ, и что поэтому они всегда были склонны къ прямымъ сношеніямъ между собою. Татары и казаки, говоритъ Гордонъ,—прямо разчитывали другъ на друга въ случаѣ опасности. Правительство знало обо всемъ этомъ и потому окружало гетмана лазутчиками; Самойловичъ, въ свою очередь, подозрѣвая такой надзоръ, дѣйствовалъ какъ нельзя болѣе осторожно, но иногда высказывалъ свое мнѣніе откровенно, и напримѣръ, не скрывалъ своего неудовольствія по случаю заключенія договора между

Польшей и Россіей и проч. О положеніи Самойловича, его отношеніяхъ къ русскому правительству, авторитетѣ, которымъ онъ пользовался у казаковъ, ненависти къ нему народа изъ-за разныхъ финансовыхъ мѣръ, сребролюбіи и властолюбіи его и проч. Гордонъ сообщаетъ самыя важныя данныя (II, 179—181). На этотъ разъ онъ, въ видѣ исключенія, рѣшился подробнѣе сказать о характерѣ политическихъ дѣйствій самого Самойловича. Всѣ эти данныя должны быть приняты въ соображеніе при изученіи исторіи похода 1687 года вообще и исторіи катастрофы гетмана Самойловича въ особенности.

Для исторіи похода въ тѣсномъ смыслѣ, то-есть, въ отношеніи къ топографіи, хронологіи и т. п., дневникъ Гордона можетъ считаться главнымъ источникомъ. Довольно подробный разказъ у Нёвилля (Relation curieuse) менѣе важенъ, потому что этотъ французско-польскій дипломатъ писалъ лишь по разказамъ другихъ лицъ, главнымъ образомъ, какъ кажется, по разказу пристава Спафарія, не участвовавшаго, сколько намъ извѣстно, въ походѣ. Съ самимъ Голицынымъ, съ которымъ Нёвилль бесѣдовалъ о разныхъ предметахъ, онъ едва ли говорилъ о событіи, имѣвшемъ столь прискорбное значеніе въ жизни князя. Разказомъ Гордона о маршрутѣ воспользовался особенно Устряловъ въ первомъ томѣ своего сочиненія о Петрѣ Великимъ. Разказъ Гордона о паденіи Самойловича воспроизведенъ Соловьевымъ въ XIV-мъ томѣ Исторіи Россіи. Что касается страданій, болѣзней и смертности въ русскомъ войскѣ, то разказъ Лефорта въ письмѣ къ брату (Posselt, Lefort, I, 371 и слѣд.) превосходитъ дневникъ Гордона богатствомъ данныхъ и живостью выраженій. За то у Гордона встрѣчается множество извѣстій о неумѣніи военнаго совѣта вести дѣло, о числѣ солдатъ, выбывшихъ изъ строя, о наградахъ и т. д. (II, 161—201).

Гордонъ говоритъ о слухѣ, что зажженіе степной травы, имѣвшее столь гибельныя послѣдствія для русскаго войска, было сдѣлано по распоряженію Самойловича. Онъ однако нигдѣ не высказываетъ, что дѣйствительно считаетъ гетмана виновникомъ этой мѣры. Напротивъ того, Лефортъ не сомнѣвался въ этомъ. По мнѣнію Устрялова, обвиненіе Самойловича въ измѣнѣ было явною клеветой: его мнимое участіе въ степныхъ пожарахъ — полагаетъ Устряловъ — ничѣмъ не доказано.

О дѣйствіяхъ Татаръ съ 1687 до 1689 годъ Гордонъ сообщаетъ разныя данныя, заключающіяся почти исключительно въ разказахъ о нападеніяхъ Татаръ на тотъ или другой городъ и объ уведеніи въ

плѣнъ множества народу (II, 207, 214, 227, 236 и проч.). Такіе случаи, какъ мы знаемъ изъ дневника Гордона, повторялись и послѣ втораго Крымскаго похода (II, 269, 306, 307, 336 и проч.).

О походѣ 1689 года Гордонъ говоритъ (II, 227—265) менѣе подробно, чѣмъ о первомъ. Его разказы объ этихъ событіяхъ, впрочемъ, встрѣчаются не только въ дневникѣ, но и въ другихъ источникахъ. О походѣ 1689 года Гордонъ разказываетъ довольно подробно въ письмѣ къ графу Эрроллю [1]). Далѣе, разныя данныя объ этихъ событіяхъ, между прочимъ и весьма наглядное изображеніе распорядка русскаго войска во время похода, встрѣчаются въ дневникѣ Корба, имѣвшаго случай бесѣдовать съ Гордономъ объ этомъ предметѣ.

Гордонъ, принимавшій непосредственно участіе въ приготовленіяхъ къ походу, разказываетъ между прочимъ о постройкѣ крѣпости Богородицка, о совѣщаніяхъ въ Москвѣ до похода, объ отправленіи Шакловитаго къ гетману Мазепѣ для совѣщаній о предстоящемъ походѣ и о результатахъ этой поѣздки и пр. Событія самаго похода изложены весьма кратко, но нѣкоторыя топографическія данныя, сообщаемыя Гордономъ, опять-таки незамѣнимы никакимъ другимъ источникомъ. Къ сожалѣнію, Гордонъ вовсе не говоритъ о переговорахъ между Голицынымъ и ханомъ у Перекопа и не сообщаетъ данныхъ о числѣ солдатъ, выбывшихъ изъ строя. Въ этомъ отношеніи въ письмахъ Лефорта (Posselt, Lefort, I, 399) встрѣчаются весьма любопытныя свѣдѣнія.

Не особенно важны разныя извѣстія Гордона о Татарахъ, относящіяся къ эпохѣ между Крымскими и Азовскими походами. Онѣ разбросаны въ разныхъ мѣстахъ дневника (напримѣръ, II, 302, 346, 367, 398, 400 и проч.).

Азовскіе походы, 1695, 1696, 1697 гг.

Въ ряду источниковъ объ этихъ походахъ дневнику Гордона принадлежитъ первое мѣсто. Въ донесеніяхъ австрійскаго дипломатическаго агента Плейера, также участвовавшаго въ первомъ Азовскомъ походѣ, заключаются многія важныя дополненія къ даннымъ, сооб-

---

[1]) См. изд. *Поссельта*, III. 236—238. Устряловъ перепечаталъ это письмо на англійскомъ языкѣ въ I-мъ томѣ своего труда, стр. 309 и слѣд.

щаемымъ Гордономъ [1]); въ письмахъ Лефорта, сообщенныхъ Поссельтомъ, также есть любопытныя свѣдѣнія; но ни одинъ изъ этихъ источниковъ не можетъ быть сравниваемъ съ дневникомъ Гордона относительно подробности и полноты топографическихъ данныхъ.

Въ особенности исторія перваго похода разказана весьма подробно. Даже Чигиринскому дѣлу 1678 года не посвящено въ дневникѣ Гордона столько мѣста, какъ исторіи похода 1695 года. Разказъ этотъ обнимаетъ болѣе ста страницъ. Исторія втораго Азовскаго похода разказана несравненно короче.

Весьма много частностей въ дневникѣ Гордона сообщается о приготовленіяхъ къ первому походу и совѣщаніяхъ по этому поводу между Петромъ и важнѣйшими военачальниками. Мы уже видѣли выше, въ какой мѣрѣ Гордонъ пользовался тогда довѣріемъ Петра. Весьма подробно описанъ у Гордона маршрутъ того отряда войска, которымъ онъ командовалъ. Далѣе сообщены разныя статистическія данныя о числѣ войскъ, объ аммуниціи и проч. Весьма любопытны бесѣды Гордона съ казаками на пути въ Азовъ. Изъ нихъ видно, что и при этомъ случаѣ казацкій элементъ оказался ненадежнымъ, шаткимъ, своевольнымъ. Что касается военныхъ событій подъ Азовомъ, то мѣстами сужденія Гордона объ ошибкахъ, сдѣланныхъ другими генералами, а именно Лефортомъ, оказываются не безпристрастными. На такіе недостатки повѣствованія Гордона указывали генералъ Рачъ въ своей монографіи объ Азовскомъ походѣ и Поссельтъ въ своей монографіи о Лефортѣ [2]).

Гордонъ участвовалъ во всѣхъ попыткахъ штурмовать крѣпость, предпринятыхъ впрочемъ противъ его мнѣнія; какъ одно изъ важнѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ въ этихъ событіяхъ, какъ генералъ, отъ котораго зависѣли важнѣйшія распоряженія, какъ самый опытный воинъ во всемъ русскомъ войскѣ, Гордонъ могъ составить самый подробный разказъ о всѣхъ этихъ фактахъ. Исторія отступленія отъ Азова нѣсколько менѣе подробна. Такъ напримѣръ, объ ужасныхъ лишеніяхъ войска на возвратномъ пути Плейеромъ сообщены разныя данныя, которыхъ нѣтъ вовсе въ дневникѣ Гордона. Въ концѣ II-го

---

[1]) См. соч. *Устрялова*, Приложенія ко II-му тому. О значеніи Плейеровыхъ донесеній, какъ источника для Азовскаго похода, см. соч. г. Гассельблатта «Отто-Антонъ Плейеръ» въ журналѣ *Russische Revue*, т. VII, стр. 297.

[2]) См. *Posselt*, II, 233. Изслѣдованіе генерала Рача напечатано въ *Артиллерійскомъ Журналѣ* 1857 г., № V.

тома (стр. 645 и 646) Гордонъ сообщаетъ статистику убитыхъ, раненыхъ, умершихъ во время похода отъ разныхъ болѣзней, а также говоритъ о солдатахъ, оставшихся въ каланчахъ близъ Азова.

Для исторіи втораго Азовскаго похода мы имѣемъ, кромѣ дневника Гордона, „Описаніе похода боярина Шеина“, изданное Рубаномъ (1773 г.). Въ дневникѣ Гордона достойны вниманія данныя о приготовленіяхъ къ походу. Тутъ опять сообщаются списки аммуниціи, солдатъ и проч. О кораблестроеніи говорится сравнительно мало. Весьма любопытны нѣкоторыя данныя о расположеніи духа Петра во время осады Азова въ 1696 году (II, 34), о постройкѣ вала, о пріѣздѣ и дѣйствіяхъ иностранныхъ инженеровъ, объ экспедиціи Запорожскихъ казаковъ на Черное море, о поѣздкѣ Петра для отысканія удобнаго мѣста для гавани и т. п.

Въ третій разъ Гордонъ былъ въ Азовѣ въ 1697 году. Тутъ вообще весьма подробно разказаны военныя дѣйствія русскихъ войскъ не только у Азова, но и въ другихъ мѣстахъ на югѣ. Мы узнаемъ о разныхъ болѣе или менѣе серьезныхъ столкновеніяхъ русскихъ войскъ съ турецкими и татарскими, о томъ, что̀ происходило въ этомъ году въ Крыму, у Тамани и Казикермана, о дѣйствіяхъ малороссійскихъ войскъ и Мазепы. Топографія всѣхъ движеній русскихъ войскъ обозначена точно и ясно̀ (III, 97—157).

Петръ Великій.

Въ дневникѣ Гордона заключается богатый матеріалъ и для личной исторіи Петра Великаго. О занятіяхъ, увеселеніяхъ, объ образѣ жизни Петра съ осени 1689 года до 1697 года, то-есть, до отъѣзда Петра за границу, едва ли въ какомъ-либо другомъ источникѣ встрѣчается столько данныхъ. Руководствуясь этимъ источникомъ, мы почти ежедневно можемъ слѣдить за Петромъ и узнаемъ, у кого онъ бывалъ, съ кѣмъ бесѣдовалъ, надъ чѣмъ трудился, гдѣ пировалъ, какія предпринималъ поѣздки и проч.

Впрочемъ еще прежде кризиса 1689 года Петръ въ дневникѣ Гордона начинаетъ играть довольно важную роль. Въ біографическомъ очеркѣ Гордона мы ужь указывали на нѣкоторыя данныя о потѣшномъ войскѣ, въ образованіи котораго принималъ Гордонъ хотя бы косвенное участіе; о борьбѣ партій, объ антагонизмѣ между Софіей и Петромъ у Гордона встрѣчаются очень важные намеки. Въ 1687 году 25-го января Петръ въ первый разъ участвовалъ въ собраніи совѣта

при дворѣ (II, 209). Вообще же Петръ жилъ особо, между тѣмъ какъ царь Иванъ находился постоянно при царевнѣ Софіи. Правительница и Иванъ 21-го іюля 1688 года обѣдали у Голицына въ имѣніи послѣдняго Черная Грязь (II, 223). 23-го сентября 1688 года Петръ велѣлъ призвать пьянаго писца и разпрашивалъ его о положеніи войска и о разныхъ мелочахъ, что, какъ замѣчаетъ Гордонъ,— весьма не понравилось „другой партіи“ (II, 229). О „партіи“, противоположной Петру, говорится и въ другомъ мѣстѣ (II, 230). Любопытно слѣдующее обстоятельство: 23-го ноября 1688 года Петръ отправился къ Савину монастырю, откуда возратился 27-го, а послѣ того тотчасъ же отправился въ Преображенское; 31-го ноября въ этотъ же самый монастырь отправилась царевна Софія съ царемъ Иваномъ и княземъ Голицынымъ (II, 238—239). Отъ вниманія Гордона не ускользнуло то обстоятельство, что въ день Петра и Павла въ 1689 году не праздновали тезоименитства юнаго царя (II, 263).

О богатствѣ данныхъ въ дневникѣ относительно государственнаго переворота 1689 года мы уже говорили въ біографическомъ очеркѣ. Объ этомъ событіи Гордонъ упоминаетъ еще въ письмѣ къ графу Эрроллю (III, 239), но тутъ не встрѣчается никакихъ новыхъ данныхъ.

Изъ нѣкоторыхъ замѣтокъ Гордона видно, что и послѣ 1689 года дѣйствія Петра были нѣсколько стѣснены враждебною ему партіей. Такъ напримѣръ, Гордонъ выражаетъ надежду на большія награды въ то время, когда Петръ будетъ царствовать одинъ, безъ брата (III, 260). Въ іюлѣ 1690 года были отправлены въ Сѣвскъ и Бѣлгородъ два стрѣлецкіе полка, потому что ихъ настроеніе было неудовлетворительно (II, 305). Достойны вниманія нѣкоторыя данныя о выборѣ патріарха послѣ смерти Іоакима (II, 309—316). Изъ дневника видно, что Петръ желалъ избранія Псковскаго митрополита Маркелла, тогда какъ царица Наталья Кирилловна и нѣкоторыя духовныя лица, опасаясь учености и вѣротерпимости Маркелла, стояли за избраніе Казанскаго митрополита Адріана. Гордонъ самъ, очевидно, желалъ выбора Маркелла. Онъ замѣчаетъ, что даже и большая часть высшаго духовенства (the generality of the clergy), ненавидѣли Маркелла за его ученость и разныя другія добрыя и высокія качества“ (II, 315). Нѣсколько загадочнымъ можетъ считаться слѣдующее замѣчаніе 30-го ноября 1690 года: „Гордонъ былъ у царя въ Покровскомъ; пришелъ какой-то человѣкъ и проронилъ нѣсколько словъ о предстоящемъ будто бы въ Москвѣ мятежѣ“ (II, 326).

По дневнику Гордона можно бы составить довольно точную ста-

тистику случаевъ пребыванія Петра въ Нѣмецкой слободѣ въ девяностыхъ годахъ. То у Лефорта, то у Гордона, то у другихъ лицъ для него устраивались пирушки. Петръ участвовалъ весьма часто въ свадьбахъ иноземцевъ, иногда бывалъ на похоронахъ и пр. Можно слѣдить за компаніей, въ которой находился Петръ ежедневно; для исторіи значенія Бориса Голицына и Нарышкина дневникъ Гордона можетъ служить важнѣйшимъ источникомъ. О потѣхахъ и маневрахъ, о поѣздкѣ Петра въ Архангельскъ, о большихъ маневрахъ въ Коломенскомъ, объ отношеніяхъ Петра къ военнымъ дѣйствіямъ во время Азовскихъ походовъ въ дневникѣ встрѣчается множество важныхъ и пока еще лишь отчасти разработанныхъ данныхъ. Почти никто, кромѣ Устрялова, не обращалъ пока вниманія на дневникъ Гордона для изученія исторіи личнаго развитія Петра до Азовскихъ походовъ. Дневникъ Гордона доставляетъ намъ возможность, такъ-сказать, взглянуть въ частную жизнь Петра въ первое время его царствованія. Нѣкоторыя черты житья-бытья Петра имѣютъ чисто анекдотическій характеръ; но многочисленность данныхъ этого рода доставляютъ біографу Петра случай составить себѣ понятіе и о его внутреннемъ развитіи въ это время. Пребываніе Петра въ Нѣмецкой слободѣ въ семьѣ Гордона, у Лефорта и у другихъ иноземцевъ не менѣе важно въ исторіи Петра, чѣмъ его отношенія къ Тиммерманну и Бранту или его пребываніе въ Сардамѣ. На этотъ счетъ развѣ только дневникъ Корба въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ представляетъ собою столь же богатый матеріалъ для исторіи Петра Великаго, но между тѣмъ какъ Корбъ слѣдилъ за Петромъ весьма недолго, Гордонъ жилъ съ Петромъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

О заговорѣ Цыклера и Соковнина говорится у Гордона лишь кратко и отрывочно. За то объ этихъ лицахъ упомянуто въ прежнихъ частяхъ дневника. Слѣдовало бы сопоставить всѣ данныя объ этихъ заговорщикахъ, сообщенныя въ дневникѣ Гордона. Изъ разказа его не видно, былъ ли онъ свидѣтелемъ казни преступниковъ, но казнь эта описана имъ довольно подробно, хотя и не прибавлено ничего существеннаго противъ извѣстій Желябужскаго и другихъ источниковъ.

Что касается исторіи послѣдняго стрѣлецкаго бунта, то она у Корба разказана чрезвычайно полно и рельефно. Но, вопервыхъ, Корбъ о разныхъ дѣйствіяхъ войска, которымъ командовали Шеинъ и Гордонъ, узналъ, вѣроятно, главнымъ образомъ отъ самого же Гордона; вовторыхъ же, и въ дневникѣ Гордона, какъ мы уже ви-

дѣли въ его біографіи, встрѣчаются вполнѣ достовѣрныя частности объ этомъ событіи. Гордонъ разказываетъ о первыхъ слухахъ о стрѣлецкомъ бунтѣ и о разныхъ мѣрахъ, принятыхъ правительствомъ для подавленія мятежа. Достойно вниманія, что Гордонъ, говоря о болѣе тѣсномъ заключеніи Софіи, называетъ ее „королевою“ (queen). Хотя онъ однажды и самъ присутствовалъ при пыткѣ нѣкоторыхъ осужденныхъ, но о пыткахъ и казняхъ говоритъ мало и кратко. Въ этомъ отношеніи сочиненіе Корба занимаетъ, безспорно, первое мѣсто между источниками. Любопытно замѣчаніе Гордона 14-го ноября 1698 года, что было запрещено указомъ принимать у себя женъ и дѣтей казненныхъ стрѣльцовъ (III, 222).

О поѣздкѣ Петра за границу въ 1697 году въ дневникѣ упомянуто очень кратко.

Австрія, Польша, казаки и проч.

Укажемъ еще на нѣкоторые вопросы политической исторіи, при изученіи которыхъ дневникъ Гордона можетъ служить источникомъ.

Отношенія Россіи къ Германскому императору особенно интересовали Гордона съ двухъ сторонъ. Вопервыхъ, Австрія иногда была готова дѣйствовать за одно съ Россіей въ восточномъ вопросѣ, и вовторыхъ, она заботилась о положеніи католицизма въ Россіи. Поэтому объ австрійскихъ дипломатахъ, находившихся въ Россіи во второй половинѣ XVII вѣка, у Гордона встрѣчаются разныя болѣе или менѣе важныя данныя. О Курцѣ, Плейерѣ, Гваріентѣ говорится въ дневникѣ много и часто. Гордонъ былъ близко знакомъ и видался очень часто съ этими лицами и вмѣстѣ съ ними обсуждалъ мѣры для обезпеченія католическаго богослуженія въ Москвѣ. Извѣстія Гордона служатъ дополненіемъ къ тѣмъ даннымъ, которыя заключаются о пребываніи Гваріента въ Москвѣ въ сочиненіи Корба, и которыя о Плейерѣ находятся въ донесеніяхъ этой нѣсколько загадочной личности къ императору Леопольду (въ приложеніяхъ къ сочиненію Устрялова о Петрѣ Великомъ). Исторія этихъ дипломатовъ стоитъ въ самой тѣсной связи съ исторіей католицизма въ Россіи. Не даромъ поэтому при изученіи относящихся сюда вопросовъ историки иногда прибѣгали къ дневнику Гордона; такъ поступили графъ Д. А. Толстой въ своемъ сочиненіи: Le catholicisme romain en Russie и г. Гассельблатъ въ своей монографіи о Плейерѣ.

Та же самая забота о католицизмѣ сближала Гордона и съ поль-

скими дипломатами; Польша, подобно Австріи, была недовольна мѣрами русскаго правительства противъ іезуитскаго ордена. Гордонъ сообщаетъ нѣкоторыя данныя, относящіяся къ этому предмету. О политическихъ сношеніяхъ между Россіей и Польшей въ дневникѣ говорится довольно часто, потому что и восточный вопросъ, и малороссійскія дѣла играли большую роль въ этихъ сношеніяхъ. Мы узнаемъ кое-что о проискахъ Польши въ Малороссіи (см. напримѣръ, II, 303), о пріѣздахъ въ Москву польскихъ дипломатовъ и пр.

Въ дневникѣ разбросаны разныя замѣчанія о безпорядкахъ въ Малороссіи. О Мазепѣ говорится очень много по случаю его избранія въ гетманы, а затѣмъ о его пріѣздѣ въ Москву въ 1689 году. Съ нимъ Гордонъ находился, какъ мы видѣли, постоянно въ болѣе или менѣе дружескихъ сношеніяхъ. Мѣстами Гордонъ сообщаетъ краткія замѣтки о партіяхъ въ Малороссіи, о томъ, что не всѣ довольны Мазепой, о разныхъ казацкихъ смутахъ, о дѣйствіяхъ Полуботка и пр.

Весьма полезны при изученіи денежнаго кризиса при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ замѣтки Гордона объ этомъ предметѣ. Онъ часто говоритъ объ отношеніи между серебряными и мѣдными деньгами, о мѣрахъ правительства по случаю дороговизны, о мятежѣ 1662 года, стоявшаго въ связи съ этимъ денежнымъ кризисомъ и проч. (I, 287, 291, 293, 306, 910, 315, 318, 223, 324) [1]).

О Никонѣ, къ сожалѣнію, у Гордона говорится весьма кратко. Только вскользь упомянуто въ концѣ 1664 года о пріѣздѣ патріарха въ столицу (I, 352). Затѣмъ болѣе о Никонѣ не упоминается. Также кратко говорится о катастрофѣ Матвѣева, сосланнаго въ 1677 году, при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ (I, 420). О стрѣлецкомъ бунтѣ 1682 года въ дневникѣ нѣтъ данныхъ потому, что эта часть дневника (отъ 1678 до 1684 г.) затеряна. За то мѣстами встрѣчаются разныя данныя о смутахъ у Донскихъ казаковъ. Въ 1688 году нѣкоторые казаки въ Москвѣ были подвергнуты ужаснымъ пыткамъ и казнямъ. Они, какъ пишетъ Гордонъ,—затѣвали бунтъ въ родѣ того, что былъ при Стенькѣ Разинѣ (II, 216—217, 225) и пр.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ видно, что дневникъ Гордона можетъ служить весьма важнымъ источникомъ для разработки политической исторіи Россіи. Но еще больше разныхъ данныхъ заключаетъ онъ въ себѣ для исторіи бытовой, для исторіи культуры.

---

[1]) Мы воспользовались этими данными въ монографіи: Мѣдныя деньги въ Россіи 1656—1663 гг. и проч. С.-Петербургъ. 1864 г.

Бытовая исторія.

Почти всѣ иноземцы, бывшіе въ Россіи въ XVII столѣтіи, обращали особенное вниманіе на учрежденія, на характеръ государства и общества, на нравы и обычаи и въ своихъ сочиненіяхъ представляли болѣе или менѣе полное описаніе всего этого въ систематическомъ порядкѣ. Гордонъ не былъ писателемъ въ тѣсномъ смыслѣ слова; онъ не думалъ объ обнародованіи своего труда; онъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше ограничивался веденіемъ дневника, въ которомъ все рѣже и рѣже становятся болѣе округленные очерки разныхъ событій. Гордонъ не думалъ о составленіи картины состоянія Россіи; онъ не былъ особенно даровитымъ наблюдателемъ чужеземныхъ нравовъ и обычаевъ, какими были Герберштейнъ, Флетчеръ, Петрей, Олеарій, Мейербергъ, Коллинсъ, Крижаничъ и пр. Въ сочиненіяхъ этихъ писателей говорится въ особыхъ главахъ о религіозномъ, нравственномъ, экономическомъ бытѣ Россіи и пр.; у Гордона замѣтки обо всемъ этомъ попадаются лишь случайно, но такихъ разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ дневника афористическихъ замѣтокъ такъ много, онѣ относятся къ столь разнообразнымъ предметамъ, что, внимательно прочитывая дневникъ, невольно знакомишься и съ общественнымъ строемъ, и съ нравами и обычаями Россіи того времени. Разработка дневника Гордона въ этомъ отношеніи была бы дѣломъ полезнымъ, хотя и нѣсколько сложнымъ. Не даромъ издатель дневника замѣтилъ, что для извлеченія данныхъ о бытовой исторіи нужно иногда читать между строками. Любопытно, что именно этого рода данныя подали поводъ къ труду М. П. Погодина о русскихъ подъячихъ XVII вѣка уже въ 1834 году. И дѣйствительно, о пріемахъ тогдашней администраціи, о чиновномъ людѣ, о продажности дьяковъ и писцовъ и пр. въ дневникѣ встрѣчаются весьма многочисленныя данныя.

За то о нѣкоторыхъ предметахъ Гордонъ почти вовсе не говоритъ въ своемъ дневникѣ. Такъ напримѣръ, о церковномъ бытѣ Россіи почти нѣтъ никакихъ данныхъ. Но нѣкоторыя другія стороны быта очерчиваются по его извѣстіямъ довольно живо.

Военное устройство.

Какъ спеціалистъ въ военномъ дѣлѣ, Гордонъ могъ составить себѣ довольно точное понятіе о недостаткахъ русскаго военнаго

устройства. Отзывы Гордона объ этомъ предметѣ вообще рѣзки и неблагопріятны; но они въ главныхъ чертахъ согласуются со взглядами другихъ наблюдателей, иностранцевъ и Русскихъ; такъ напримѣръ, рѣзкость сужденій Посошкова далеко превосходитъ порицанія Гордона.

Для исторіи русскаго войска въ дневникѣ заключается весьма богатый матеріалъ уже потому, что Гордонъ былъ близко знакомъ со всѣми офицерами-иноземцами, служившими въ русскомъ войскѣ. Далѣе, постоянно занимаясь дѣлами военной администраціи, онъ записывалъ въ свой дневникъ разные полковые счеты, списки офицерамъ и солдатамъ, военнымъ снарядамъ, съѣстнымъ припасамъ; ежемѣсячно представлялъ онъ счеты суммъ, которыя слѣдовало выдавать служащимъ. О военной казнѣ, которою онъ управлялъ, о денежномъ вознагражденіи, выдаваемомъ женамъ солдатъ во время отсутствія послѣднихъ, о составѣ стрѣлецкихъ полковъ, объ окладахъ офицерамъ и пр., въ дневникѣ находятся весьма многія данныя. Достойны вниманія замѣчанія Гордона о слабой дисциплинѣ въ русскомъ войскѣ. Число бѣглыхъ солдатъ было чрезвычайно значительно. Такъ, во время польскихъ походовъ, какъ говоритъ Гордонъ,— солдаты бѣжали „полсотнями и сотнями“ (I, 304). Начавъ обучать полкъ Крафурда, Гордонъ замѣтилъ, что не проходило дня безъ того, чтобы нѣсколько солдатъ не бѣжали (I, 306). Однажды при такомъ случаѣ дезертиры украли лучшую лошадь Гордона (I, 307). Когда онъ, отправляясь въ походъ, въ 1664 году осматривалъ полкъ, оказалось, что недоставало отъ 60-ти до 80-ти человѣкъ, которые бѣжали (I, 343). На пути солдаты часто занимались грабежемъ (I, 424); въ Чигиринѣ они грабили припасы и поклажу офицеровъ, а многіе своевольно удалялись во время осады этой крѣпости (I, 538, 539). Повозки самого Гордона были разграблены (стр. 540). Въ продолженіе всей осады Гордонъ не переставалъ жаловаться на непослушаніе солдатъ, стрѣльцовъ и казаковъ. О Калмыкахъ, которые были отправлены къ Чигирину, чтобъ участвовать въ защитѣ крѣпости, Гордонъ разказываетъ, что они, на возвратномъ пути близъ Тамбова увели нѣсколько тысячъ головъ скота (I, 452). Объ одномъ русскомъ полковникѣ Гордонъ говоритъ, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что нужно знать каждому офицеру (I, 299). Особенно въ Чигиринѣ Гордонъ былъ крайне недоволенъ духомъ солдатъ и офицеровъ. По случаю осады Чигирина онъ замѣчаетъ также, что вслѣдствіе недостатка въ врачахъ умирало много раненыхъ (I, 528).

Нѣкоторыя данныя о военномъ бытѣ встрѣчаются и въ первой части дневника, во время пребыванія Гордона въ польской и шведской службѣ. Такъ напримѣръ, онъ разказываетъ о нѣкоторыхъ случаяхъ чрезмѣрной строгости военнаго суда (I, 17), о казни военноплѣнныхъ (I, 29), о пыткѣ крестьянъ и горожанъ и пр.

Гордонъ разказываетъ о нѣкоторыхъ случаяхъ поединковъ между иноземцами, служившими въ русскомъ войскѣ (I, 315). Однажды вслѣдствіе посредничества Гордона такой поединокъ не состоялся. Въ маѣ 1666 года онъ описываетъ подробно поединокъ между нимъ самимъ и маіоромъ Монгомери (I, 363). Довольно часто между офицерами-иноземцами происходили споры, драки, а иногда и убійства. Такъ въ 1689 году подполковникъ Шульцъ былъ убитъ какимъ-то „Брабантцемъ“ Рулье. Послѣдній былъ казненъ (II, 342—243).

Общественный бытъ.

Дневникъ Гордона, въ особенности благодаря тщательно составленному г. Поссельтомъ указателю, можетъ служить обильнымъ источникомъ свѣдѣній о разныхъ лицахъ, современныхъ Гордону, какъ русскихъ государственныхъ дѣятелей, напримѣръ, Милославскаго, Украинцева, Морозова, Голицына, Мазепы и пр., такъ и иноземцевъ, жившихъ въ Россіи. О военныхъ, докторахъ, пасторахъ, купцахъ, дипломатахъ и пр., находившихся въ Россіи, Гордонъ сообщаетъ множество болѣе или менѣе любопытныхъ подробностей. Къ числу знакомыхъ Гордона, о которыхъ нѣсколько разъ говорится въ дневникѣ, принадлежали между прочимъ и нѣкоторые авторы сочиненій о Россіи, напримѣръ, докторъ Коллинсъ, графъ Карлейль, Джонъ Перри и пр. Данныя о многихъ менѣе извѣстныхъ лицахъ вводятъ насъ въ бытовую исторію иноземцевъ въ Россіи. Благодаря дневнику Гордона, мы въ состояніи составить себѣ довольно точное и полное понятіе о жизни пребывавшихъ и служившихъ въ Россіи Шотландцевъ, Англичанъ, Голландцевъ, Нѣмцевъ. Гордонъ находился въ дѣловыхъ сношеніяхъ со множествомъ лицъ, былъ опекуномъ разныхъ сиротъ, зналъ о денежномъ состояніи многихъ фамилій, присутствовалъ при многихъ полюбовныхъ сдѣлкахъ въ качествѣ посредника и свидѣтеля. Поэтому дневникъ его можетъ считаться важнѣйшимъ источникомъ для исторіи частной жизни обитателей Нѣмецкой слободы. Гордонъ сохранилъ имена разныхъ лицъ, жившихъ въ то время и имѣвшихъ нѣкоторое значеніе въ обществѣ. Авторы сочиненій объ исторіи приходовъ

лютеранскихъ и реформатскихъ, пасторъ Дальтонъ [1]) и особенно пасторъ Фехнеръ [2]) обязаны дневнику Гордона многими данными. Изъ этого дневника видно, что не только въ Москвѣ иноземцы въ качествѣ купцовъ, техниковъ, аптекарей, докторовъ и пр. имѣли большое значеніе, но что и въ другихъ городахъ они играли иногда весьма важную роль. Такъ напримѣръ, Гордонъ, бывшій проѣздомъ въ Тулѣ въ 1687 году, замѣчаетъ, что тамъ всѣ мастера на заводахъ—Нѣмцы или Шведы, а затѣмъ сообщаетъ нѣкоторыя замѣчанія о богатомъ промышленникѣ Марселисѣ, собственникѣ тульскихъ заводовъ (II, 201). Бывши въ 1694 году въ Вологдѣ (на пути въ Архангельскъ), Гордонъ замѣчаетъ, что восточная часть города, гдѣ „жили иностранцы въ просторныхъ и удобныхъ домахъ", была лучше отстроена, чѣмъ остальныя части (II, 482). О зажиточности нѣкоторыхъ изъ иностранцевъ можно судить по денежнымъ оборотамъ между ними, о чемъ Гордонъ также упоминаетъ въ своемъ дневникѣ. Генералъ Менезесъ заплатилъ однажды дѣтскому резиденту Бутенанту фонъ-Розенбушу 5,000 рублей, при чемъ Гордонъ и Лефортъ были свидѣтелями (II, 375). Мы видѣли, какъ Гордонъ самъ сдѣлался въ Россіи зажиточнымъ человѣкомъ и умѣлъ отлично управлять своимъ имѣніемъ. Разумѣется, многимъ иноземцамъ и не повезло въ Россіи. Въ дневникѣ упомянуто о двухъ случаяхъ самоубійства иностранцевъ (II, 440, 515), о ссылкѣ какого-то Левенфельда въ Сибирь (III, 289) и пр. Можно пожалѣть о томъ, что о Лефортѣ въ дневникѣ Гордона говорится не особенно много.

О пирушкахъ и увеселеніяхъ разнаго рода въ кружкахъ Русскихъ и иностранцевъ Гордонъ упоминаетъ весьма часто, но кратко. Корбъ гораздо чаще Гордона воспроизводитъ содержаніе разговоровъ на обѣдахъ, ужинахъ и т. п. Главное удовольствіе тутъ заключалось, какъ кажется, въ ѣдѣ и крѣпкихъ напиткахъ. Иногда танцовали. У Гордона, какъ мы видѣли, иногда бывала музыка, но о ней въ дневникѣ нѣтъ ни малѣйшихъ подробностей. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ кажется, жители Нѣмецкой слободы находились уже подъ вліяніемъ русскихъ обычаевъ. Такъ напримѣръ, какъ видно изъ дневниковъ Гордона и Корба, у нихъ совершенно также, какъ у Русскихъ, по случаю похоронъ правили тризну. Корбъ дивился этому обычаю [3]).

[1]) Gesch. d. reform. Kirche in Russland. Gotha, 1864.
[2]) Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau. Moskau, 1876.
[3]) Diarium itineris, 63.

Главнымъ увеселеніемъ были фейерверки. О нихъ весьма часто упоминается въ дневникѣ. Русскіе еще до Петра полюбили пиротехническое искусство. Гордонъ 12-го февраля 1677 г. былъ на какой-то свадьбѣ, гдѣ „княжна Голицына и молодой князь Долгорукій устроили фейерверкъ, стоившій большихъ денегъ, но не особенно удавшійся“ (I, 416), Въ Кіевѣ 25-го декабря 1684 года у боярина былъ фейерверкъ (II, 51), 8-го февраля 1689 года въ Хорошевѣ также (II, 245). Петръ особенно охотно забавлялся этою потѣхой, и Гордонъ присутствовалъ иногда при приготовленіи потѣшныхъ огней самимъ Петромъ (II, 290, 291). Случалось, что и вельможи забавляли Петра фейерверками (II, 293). Иногда при такихъ случаяхъ происходили и несчастія (II, 297). Въ февралѣ 1692 года происходило по желанію Петра состязаніе въ области пиротехники: Русскіе приготовили фейерверкъ, иноземцы также; 21-го числа былъ сожженъ фейерверкъ иностранцевъ и „произвелъ великолѣпный эффектъ“, а на другой день былъ фейерверкъ Русскихъ, который „также произвелъ хорошій эффектъ“ (II, 399). Особенно часто упоминается о фейерверкахъ въ продолженіе 1690 и 1692 годовъ (II, 291, 293, 296, 297, 317, 331, 332, 334, 348, 366, 377, 394).

Очень часто говорится въ дневникѣ Гордона о пожарахъ. Изъ многочисленныхъ, сообщаемыхъ имъ данныхъ объ этомъ предметѣ можно вывести заключеніе, что въ самой Москвѣ пожары были сравнительно чаще и опустошительнѣе, чѣмъ въ Нѣмецкой слободѣ. То же подтверждается и другими источниками, напримѣръ, свидѣтельствомъ Олеарія [1]). О чрезвычайно сильныхъ пожарахъ въ Москвѣ Гордонъ говоритъ въ 1688 году (II, 227, 230 и пр.); въ 1692 (II, 382) былъ пожаръ, на который Гордонъ отправился вмѣстѣ съ Петромъ и едва не лишился зрѣнія. (Другія замѣтки о пожарахъ въ Москвѣ см. II, 407, 416, 438, 441, 442, 498, 499, 500; III, 80 и пр.). Нѣсколько разъ, впрочемъ не часто, упоминается и о пожарахъ въ Нѣмецкой слободѣ, но тутъ каждый разъ дѣло оканчивалось ничтожною потерею (II, 240, 391, 424).

Достойны вниманія разные случаи, доказывающіе существованіе въ то время суевѣрій не въ одномъ только низшемъ классѣ. Въ Кіевѣ 4-го мая 1684 года выпалъ градъ; на нѣкоторыхъ градинахъ, имѣвшихъ величину крупнаго яйца, будто было ясно вычеканенное изображеніе полумѣсяца (II, 23). Въ другомъ мѣстѣ разказывается подробно

---

[1]) Olearius, изд. 1668 года, стр. 319.

о какомъ-то привидѣніи (II, 76), о заколдованіи сына гетмана Самойловича (II, 106) и т. п. Въ апрѣлѣ 1684 года въ одной изъ Кіевскихъ церквей явилось чудо: икона Богородицы плакала; большая свѣча предъ иконою св. Николая зажигалась сама собою. Вскорѣ однако оказалось, что все это было обманомъ одного молодого священника (II, 21 и 25).

Дневникъ Гордона заключаетъ въ себѣ и нѣкоторые матеріалы для исторіи медицины въ Россіи. Гордонъ самъ часто хворалъ, его семейство тоже, и они постоянно обращались къ врачамъ и возились съ разными цѣлебными веществами, нынѣ впрочемъ не пользующимися никакимъ авторитетомъ. Описаніе нѣкоторыхъ болѣзней, способовъ ихъ лѣченія, а также случаевъ смерти, весьма странно (I, 127; II, 16; 583 и проч.).

Географія.

Гордонъ путешествовалъ весьма много и во время пути постоянно дѣлалъ въ своемъ дневникѣ замѣчанія о тѣхъ мѣстностяхъ, чрезъ которыя проѣзжалъ. Описаніе нѣкоторыхъ городовъ въ дневникѣ Гордона чрезвычайно подробно, напримѣръ, Кульма (III, 409), Познани (III, 412). Побывавъ въ сѣверной Венгріи въ 1660 году, Гордонъ разказываетъ о какомъ-то ручьѣ въ пещерѣ, который лѣтомъ обыкновенно бывалъ покрытъ льдомъ, а зимою никогда не замерзалъ (I, 210). На пути въ Россію Гордонъ описываетъ Псковъ (I, 284), при чемъ упоминается о катастрофѣ этого города при Василіѣ Ивановичѣ, а также Новгородъ съ Ильменскимъ озеромъ (I, 288), при чемъ разказана вкратцѣ исторія этого города. Чрезъ этотъ край Гордонъ проѣзжалъ и въ послѣдствіи, отправляясь въ Англію въ 1666 и 1686 годахъ. Тутъ между прочимъ говорится подробно о Валдайскомъ монастырѣ, о рѣкахъ, впадающихъ въ Ильменское озеро (I, 370 и слѣд.), и о Юрьевскомъ монастырѣ близъ Новгорода (II, 155). „Въ окрестностяхъ монастыря", разказываетъ Гордонъ,—„находится бездонная яма, имѣющая названіе Перунъ, такъ какъ это божество было покровителемъ того мѣста. Въ этой ямѣ христіане сожгли Перуна. Нынѣ же туда кидаются преступники, о гибели которыхъ въ этомъ мѣстѣ никто не знаетъ ничего подробно". Въ Малороссіи упомянуто между прочимъ объ укрѣпленіяхъ Кіева (II, 52 и 94), Батурина (I, 337) и т. д. Чрезвычайно тщательно записалъ Гордонъ маршрутъ Крымскихъ и Азовскихъ похо-

довъ и путешествія въ Архангельскъ (II, 446 — 482). При этомъ послѣднемъ случаѣ встрѣчаются любопытныя замѣтки о Самоѣдахъ, рыбномъ и тюленьемъ промыслахъ, о ярмаркахъ на сѣверѣ и проч. (см. напримѣръ, II, 474). Когда Гордонъ путешествовалъ лѣтомъ, то обыкновенно обращалъ вниманіе на растительность тѣхъ странъ, чрезъ которыя проѣзжалъ. Такъ напримѣръ, въ Двинской землѣ его удивляло количество ягодъ и разнообразіе травъ (II, 478), а въ степи на пути въ Азовъ онъ собралъ разныя данныя объ аптекарскихъ растеніяхъ и ихъ употребленіи (II, 553). Довольно подробно разказываетъ Гордонъ о казацкихъ порядкахъ на Дону (II, 538) и въ Черкасскѣ: тутъ онъ останавливается на разборѣ казацкихъ учрежденій, нравовъ и обычаевъ (II, 622—624). При второмъ походѣ подъ Азовъ онъ вспоминаетъ о дѣйствіяхъ Стеньки Разина, въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ (III, 30). Въ Азовѣ послѣ взятія этой крѣпости онъ открылъ слѣды древнихъ скульптурныхъ работъ, вѣроятно, генуезской эпохи (III, 63).

Довольно часто упоминается также о путевыхъ мѣрахъ тогдашняго времени. Длина версты въ различныхъ мѣстахъ дневника показана различно: иногда одна миля опредѣляется въ пять верстъ, иногда въ четыре, иногда въ три (II, 123, 177, 188). Кое-что узнаемъ мы о томъ, какъ въ то время путешествовали. Въ 1666 году Гордонъ ѣздилъ въ Англію въ сопровожденіи военнаго конвоя; всѣхъ путешественниковъ было тринадцать человѣкъ на шести подводахъ (I, 375, 617, 370). Подробно говорится о затрудненіяхъ путешествія весною во время половодія, по случаю поѣздки Гордона изъ Москвы въ Сѣвскъ въ 1684 году (II, 15). Какъ медленно въ то время путешествовали, видно изъ того обстоятельства, что Гордонъ ѣхалъ въ Англію два съ половиною мѣсяца. Изъ Архангельска въ Москву въ 1694 году путешественники сначала ѣхали въ судахъ по конной тягѣ, а изъ Вологды въ августѣ мѣсяцѣ отправились уже въ саняхъ, при чемъ Гордонъ жаловался, что дорога была тяжелая, песчаная (II, 481).

Хозяйственный бытъ.

Ужъ изъ главы о матеріальномъ положеніи Гордона въ біографическомъ очеркѣ видно, что дневникъ его заключаетъ въ себѣ много данныхъ для исторіи хозяйства въ Россіи. На основаніи разныхъ замѣтокъ Гордона мы можемъ составить себѣ болѣе или менѣе точное

понятіе о нѣкоторыхъ явленіяхъ распредѣленія богатства, и потребленія; данныя о денежномъ обращеніи, о цѣнахъ встрѣчаются въ изобиліи; ни одинъ изъ источниковъ того времени не представляетъ такого богатства матеріаловъ для исторіи частнаго богатства по крайней мѣрѣ того общественнаго класса, къ которому принадлежалъ Гордонъ, то-есть группы зажиточныхъ иностранцевъ. Судя по зажиточности Гордона, можно составить себѣ болѣе или менѣе точное понятіе о томъ, какъ жили его сослуживцы и знакомые изъ иноземцевъ, имѣвшіе нѣкоторое значеніе въ обществѣ и занимавшіе официальное положеніе. Что самъ Гордонъ, получавшій въ девяностыхъ годахъ безъ малаго тысячу рублей жалованья, могъ жить безбѣдно, видно изъ того, что монетная единица (рубль) была тогда довольно значительна, такъ что одна четверть хлѣба стоила 50 к., иногда даже 40 к.; для сравненія можно также отмѣтить, что пасторъ лютеранскаго прихода получалъ въ то время не болѣе 60 р. въ годъ жалованья [1]). Можно полагать, что между иностранцами, находившимися тогда въ Москвѣ, было не мало столь же домовитыхъ хозяевъ, каковъ былъ Гордонъ: иначе не были бы возможны текущіе счеты въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали между Гордономъ и множествомъ другихъ лицъ. Между иностранцами кредитъ былъ чрезвычайно развитъ. За неимѣніемъ банковыхъ учрежденій, они постоянно помогали другъ другу ссудами—иногда безъ процентовъ, иногда взимая небольшой ростъ, иногда безъ залога, иногда отдавая въ залогъ какую-либо цѣнную вещь. Въ такихъ дѣловыхъ сношеніяхъ, въ такомъ взаимномъ довѣріи, основанномъ, разумѣется, главнымъ образомъ на нѣкоторой степени зажиточности, а также и на общей солидарности и честности въ этихъ кружкахъ, заключалось большое удобство и условіе дальнѣйшаго матеріальнаго обезпеченія. Все это требовало не только осторожнаго, бережливаго обращенія съ деньгами, но также и болѣе или менѣе сложнаго счетоводства, нѣкотораго знанія бухгалтеріи, веденія значительной корреспонденціи. Можно думать, что не одинъ Гордонъ былъ столь опытнымъ и прилежнымъ корреспондентомъ и бухгалтеромъ, и что большая часть его знакомыхъ, родственниковъ, друзей приблизительно столь же серьезно относилась къ вопросамъ своего хозяйства, какъ нашъ авторъ. Многіе другіе, военные люди, купцы, ремесленники и пр., имѣвшіе дѣла съ казною, страдали, подобно Гордону, отъ взяточничества, отъ медлен-

---

[1]) *Fechner*, l. c., I, 402.

ной уплаты казенныхъ денегъ, отъ преобладанія натуральнаго хозяйства надъ денежнымъ. За то многіе другіе иностранцы, равно какъ и самъ Гордонъ, были собственниками домовъ съ садами и огородами, имѣли погреба съ винами, а пожалуй—и деревни.

Спеціалисты по исторіи сельскаго хозяйства могли бъ извлечь изъ послѣдней части дневника Гордона довольно богатый матеріалъ для исторіи доходности тогдашнихъ имѣній. Получивъ послѣ Азовскихъ походовъ разныя деревни, Гордонъ сталъ получать оттуда, кромѣ незначительнаго денежнаго оброка, разные съѣстные припасы. О количествѣ такихъ привозимыхъ изъ деревни продуктовъ Гордонъ оставилъ замѣтки въ дневникѣ. Гордонъ имѣлъ около 60-ти душъ крестьянъ. Въ третій разъ отправляясь къ Азову въ 1697 г., онъ былъ въ своемъ имѣніи. Осенью этого же года онъ опредѣлилъ мѣру оброка каждому крестьянину: по 1 р. деньгами, по 2 ведра вина, по 1 пуду свинины и пр. (III, 159). Затѣмъ онъ получаетъ изъ деревни гусей, утокъ, куръ, яицъ, льну, масла, ржи, овса, пшеницы, конопляпаго сѣмени и пр. (III, 169). Далѣе встрѣчаются списки скота, содержавшагося въ его имѣніи (III, 170), замѣтки о цѣнѣ крестьянскихъ избъ съ угодьями (III, 177), о недоимкахъ и пр. Особенно достойна вниманія составленная Гордономъ смѣта объ управленіи имѣніемъ „Красная слобода". Тутъ самымъ точнымъ образомъ опредѣлено, сколько можно ожидать дохода, между прочимъ приблизительно—по 20 четв. пшеницы, ржи и гречихи, 78 четв. овса, 58 четв. ячменя, 12 пуд. масла, 20 пуд. меду, 158 ведеръ вина, 71 р. деньгами, 8 пуд. хмѣлю, 4 пуд. грибовъ, 316 щукъ въ аршинъ длины, 316 лещей въ 3/4 арш. длины, 632 плотицы, 79 пуд. свинины, 79 гусей, 79 утокъ, 79 куръ, 79 поросятъ, 8 ведеръ льнянаго масла и 500 копенъ сѣна (III, 215). Перечисливъ все это на деньги по тогдашнимъ цѣнамъ и сравнивъ итогъ, съ одной стороны, съ соотвѣтствующимъ количествомъ хлѣба, а съ другой—съ жалованьемъ, которое Гордонъ получалъ изъ казны, можно бы составить себѣ довольно точное понятіе объ экономическомъ значеніи жалованья деревнями въ концѣ семнадцатаго вѣка.

Уже въ очеркѣ біографіи Гордона мы указали на то, что у Гордона было много предметовъ роскоши, что онъ выписывалъ ихъ изъза границы, и между прочимъ упоминали о весьма значительныхъ суммахъ, которыя тратилъ Гордонъ на покупку рыбы. Особенно по случаю чрезвычайныхъ празднествъ, потребленіе рыбы было необыкновенно большое. Когда Гордонъ праздновалъ свадьбу своей дочери Мэри съ маіоромъ Спивинсомъ, употреблено было 10 налимовъ на уху и на паштеты въ

5-ти блюдахъ; 18 стерлядей, отчасти жареныхъ, отчасти вареныхъ (между ними было 4 большихъ); 20 стерлядей на уху; 10 лещей жареныхъ и вареныхъ (между ними 4 большихъ); 10 щукъ и 10 судаковъ жареныхъ и вареныхъ (между ними по 4 большихъ); 200 ершей, 400 карасей, 30 щукъ соленыхъ, 300 пискарей, 250 раковъ и пр. Все все это вмѣстѣ стоило 30 руб., то-есть, столько, сколько стоили въ то время 60 четв. ржи, — сумма, равняющаяся 500 рублямъ по нынѣшнимъ хлѣбнымъ цѣнамъ.

Вообще данныя о цѣнахъ, встрѣчающіяся въ дневникѣ Гордона, всецѣло подтверждаютъ уже добытый прежними экономическо-историческими изысканіями результатъ, показывающій, что въ XVII столѣтіи сырые продукты были необыкновенно дешевы, а обработанные или предметы промышленности, а также предметы привоза изъ дальнихъ странъ, стоили неимовѣрно дорого. Такъ, строительные матеріалы, дерево, дома стоили дешево. Гордонъ купилъ домъ за 120 р. (II, 209), очевидно—для себя, потому что немногимъ позже онъ говоритъ о переѣздѣ въ новый домъ (II, 215); другой домъ купленъ былъ за 40 р. (II, 223), третій—за 55 р. (II, 373). За постройку бани онъ заплатилъ 13 р. (III, 185); другой разъ была построена баня съ комнатою, переднею и чердакомъ за $6^1/_2$ р. (II, 403). Переставить двѣ конюшни, выстроить новую и еще домикъ для сторожа стоило 9 р. (II, 415). Починка крыши двухъ комнатъ стоила 60 к. (III, 189). Сдѣлать четыре рамы для оконъ стоило 48 к. (III, 205 и 183). За 40 бревенъ Гордонъ заплатилъ лишь 4 р. (III, 187). За перестройку комнатъ и постройку трехъ новыхъ комнатъ два плотника взяли не болѣе 13 р. (II, 375). Даже каменный домъ, построенный для Гордона въ 1697 г., стоилъ не дорого. Строитель Никита Степановъ за всю работу долженъ былъ получить 120 р. и 10 ведеръ вина. Бочка извести стоила 18 к., а всего требовалось 300 боч., сотня камней стоила 2 р. 70 к., 1,000 кирпичей — 1 р. 85 к. съ провозомъ и пр. (III, 87; III, 206; II, 513). Нѣсколько разъ говорится о расходахъ при постройкѣ печей. За двѣ новыя печи и исправленіе третьей заплачено $4^1/_2$ р. (II, 377, 379). Изразцы стоили $1^1/_2$ к. штука (III, 205) и по 1 к. Довольно дорого стоилъ дикій камень для фундамента, а именно $2^1/_2$ р. сажень (II, 510). Также дорого стоило копаніе пруда въ 40 саж. длины и 20 саж. ширины,—120 р. (II, 217, 344). Лошади покупались по разнымъ цѣнамъ: самыя дешевыя—за $6^1/_2$, за 5 и за 9 р. (II, 511; III, 102), однажды, когда Гордонъ купилъ пару сѣрыхъ нѣмецкихъ лошадей для своего экипажа, ему пришлось заплатить по 60 руб. за

штуку (III, 85). Однажды упоминается о покупкѣ 29 лошадей за 86 р. 73 к. (III, 39) и проч. Рожь стоила по 54 к. четверть, овесъ—50 к., просо—1 р. 80 к. (II, 105); солодъ—по 42—73 к. бочка или четверть (II, 369, 370, 405, 425, 497; III, 81); хмѣль—по 2½—4 к. фунтъ (II 369, 370, 405, 425, 497; III, 81); возъ сѣна—32—35 к. (III, 10); ведро вина—18 к. (II, 88); сажень березовыхъ дровъ—½ р. (II, 160); бочка смолы—70 к. (II, 519). Чрезвычайно дорого было желѣзо—по 30 и 35 к. пудъ (III, 187). За то человѣка можно было купить весьма дешево—по 20 р. (II, 511). Годичная плата слугѣ была 6—10 р. (IV, 200; III, 85); однажды Гордонъ купилъ мужа съ женой и заплатилъ 27 р. (III, 96).

И плата за умственный трудъ не была высока, какъ видно изъ нѣкоторыхъ замѣтокъ объ учителяхъ (II, 291, 430). Пастору при похоронахъ Спивинса Гордонъ далъ 5 р. (III, 171). За портретъ Гордона, сдѣланный изъ воска, также заплачено 5 р. (III, 79). Когда хоронили сына Гордона въ Кіевѣ, пѣвчіе и два „оратора“ получили вмѣстѣ не болѣе 1½ р. и пр. (II, 44). По случаю похоронъ дочери Гордона Іоанны заплачено ремесленникамъ за гробъ и пр. 10½ р. (II, 299), а за надгробный камень 4 р. (II, 361). Обдѣлка надгробнаго камня для сына Гордона Петра и надпись стоили 40 к. (II, 639); надпись на могилу маіора Стивинса 1 р. 80 к. (III, 191). Много денегъ было истрачено на крепъ по случаю похоронъ маіора Спивинса: нужно было 68 уборовъ, и за нихъ заплачено 16½ р. (II, 171).

Вообще матеріи обходились дорого. Аршинъ краснаго одѣяла стоилъ 1 р. 10 к. (II, 78); въ Данцигѣ Гордонъ заплатилъ за шинель 9 талеровъ (II, 129); въ Лондонѣ за одинъ парикъ—7 фунт. стерл.; за шляпу—2½ фунта; за шелковыя чулки—12 шиллинговъ (II, 130); аршинъ тафты по 60 к. (II, 8). Кожаные предметы также стоили дорого: сукно и кожа для экипажа—10 р. (II, 421, см. подробный счетъ, II, 422); сбруя стоила дешево (II, 78, 370, 413); за то переплетъ книгъ обходился дорого: за двѣ книги заплачено 35 к. (II, 8). Предметы иностранные стоили весьма дорого, какъ напримѣръ, виноградное вино (см. напримѣръ, II, 365; III, 204) и колоніальные товары (II, 512). О лимонахъ и апельсинахъ говорится иногда, какъ объ особенной рѣдкости. Ихъ привозятъ въ подарокъ по нѣскольку штукъ. Сахару потребляется весьма мало.

О расходахъ при путешествіяхъ судить трудно. Были случаи весьма дешевыхъ поѣздокъ: двумъ солдатамъ, отправленнымъ въ Архангельскъ изъ Москвы, дано на дорогу всего 2 р. 68 к. (II, 223). За наемъ лошадей изъ Риги до Пскова заплачено 6 талеровъ за каждую (III, 206); такъ

какъ нужно было 8 лошадей, приходилось заплатить 48 талеровъ. Коляска стоила 70 р. (III, 205). За наемъ судна изъ Риги въ Любекъ Гордонъ съ товарищами заплатилъ однажды не болѣе 12 талеровъ (I, 378). За то на возвратномъ пути онъ заплатилъ, нанимая галіотъ изъ Травемюнда до Риги не менѣе 200 талеровъ (I, 409). О разныхъ расходахъ на пути въ Англію въ Германіи говорится весьма подробно въ 1686 г. (II, 125—132). Уже выше мы видѣли, что портовыя деньги были въ то время весьма высоки (см. напримѣръ, II, 296).

Наконецъ, укажемъ еще на отношеніе цѣны русскихъ монетъ къ цѣнѣ иностранныхъ. Одинъ червонецъ равнялся 1 р. 42 к. (I, 214), иногда 1 р. 10 к. (II, 434), 501); одинъ талеръ равенъ былъ 55 к. (II, 501). Серебро стоило 10½ р. фунтъ въ 1691 г. (II, 345), иногда и дешевле; 8 к. золотникъ, значитъ—7 р. 68 к. фунтъ (II, 499). Вѣроятно, столь низкая цѣна обусловливалась низкою пробою серебра. Серебро въ позолоченномъ кубкѣ стоило 10 р. фунтъ (III, 96). Однажды за разные серебрянные предметы, вѣсомъ въ одинъ фунтъ, заплачено 14 талеровъ.

Таково значеніе дневника Гордона, какъ историческаго источника. Нельзя не пожелать, чтобы наши историки при изученіи второй половины XVII вѣка болѣе, чѣмъ нынѣ, обращали вниманія на этотъ драгоцѣнный памятникъ.

